

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

КИРИНА Ольга Викторовна

**ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА НЕДОСКАЗА:
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Бородулина Н.Ю.

Тамбов 2018 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕДОСКАЗА В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ	11
1.1. Гендерная парадигма в языкознании.....	11
1.1.1. Исторические предпосылки гендерных исследований.....	11
1.1.2. Современное понимание гендера и гендерной парадигмы в лингвистике.....	15
1.1.3. Когнитивные основы гендерных исследований в языкознании	18
1.1.4. Подходы к изучению литературного дискурса в гендерном аспекте.....	22
1.2. Понятие «недосказ»: определение, функции, классификация.....	28
1.2.1. Исследование недосказа: к истории вопроса.....	28
1.2.2. Недосказ, умолчание, апозиопезис: вопросы терминологии.....	36
1.2.3. Когнитивные основы исследования недосказа.....	40
1.2.4. Фрейм-сценарий как способ описания когнитивных процессов порождения и понимания недосказа.....	44
Выводы по главе I.....	47
ГЛАВА II. ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА НЕДОСКАЗА	51
2.1. Гендерная специфика недосказа с точки зрения семантики.....	51
2.1.1. Фрейм-сценарий и функциональная типология недосказа.....	51
2.1.2. Семантические особенности реализации недосказа в речи женских персонажей современных писателей.....	70
2.1.3. Семантические особенности реализации недосказа в речи мужских персонажей современных писателей.....	81
2.1.4. Культурологические особенности функционирования недосказа в фемининном и маскулинном дискурсах.....	92
2.2. Лексические и синтаксические особенности реализации недосказа в	

фемининном и маскулинном дискурсах.....	97
2.2.1. Лексические особенности реализации недосказа в речи женских персонажей современных писателей.....	97
2.2.2. Лексические особенности реализации недосказа в речи мужских персонажей современных писателей.....	107
2.2.3. Синтаксические особенности реализации недосказа в речи женских персонажей современных писателей.....	115
2.2.4. Синтаксические особенности реализации недосказа в речи мужских персонажей современных писателей.....	121
Выводы по главе II.....	126
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	131
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	137
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	158
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА..	159

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена изучению когнитивно-дискурсивных особенностей недосказа, определяющих его гендерную специфику.

В качестве **объекта** диссертационного исследования выступают различные средства выражения недосказа в художественных текстах, написанных на русском, английском и французском языках.

Предметом исследования являются когнитивно-дискурсивные особенности недосказа, репрезентирующие его гендерную специфику.

В ходе исследования была выдвинута **гипотеза** о том, что недосказ, являясь средством смыслообразования, может быть использован для построения гендерного дискурса. Следовательно, характерные когнитивно-дискурсивные особенности недосказа должны находить свое выражение в фемининном и маскулинном дискурсах.

Современный этап развития гендерной лингвистики характеризуется определенной сформированностью понятийного аппарата, разработками в области методики обучения гендерному подходу в лингвистических дисциплинах (И.И. Халеева), применением гендерного подхода к частнонаучным исследованиям (А.Ю. Беляева). Гендер исследуется с точки зрения прагматики (О.Ц. Йокояма), семантики (Е.А. Бабенкова), психолингвистики (Е.И. Горошко), когнитивной лингвистики (И.Г. Серова). Однако многие ученые указывают на недостаточную разработанность терминологии и методологии гендерной лингвистики (А.В. Кирилина, М.В. Томская), недостаток эмпирических данных и отсутствие четкой методики их интерпретации (Х. Коттхофф).

Актуальность данной работы обусловлена ее связью с когнитивным направлением в лингвистике. Исследование когнитивно-дискурсивных особенностей функционирования недосказа в рамках фемининной и маскулинной дискурсивных стратегий позволит глубже изучить процесс построения гендерного дискурса с точки зрения когнитивного подхода.

Кроме того, гендерные исследования в области языка и коммуникации вызывают в последнее время широкий интерес общественности, обусловленный постмодернистским переосмыслением понятия истины, усилением важности субъективных факторов в изучении языка и современным пониманием гендера как конвенционального, а не константного признака. Однако текущий этап развития гендерной лингвистики (или лингвистической гендерологии) характеризуется нехваткой эмпирических данных для научной интерпретации и недостаточной разработанностью методологической базы.

На наш взгляд, в гендерных исследованиях языка до настоящего времени недостаточно полно использовались возможности когнитивного анализа и моделирования. Исследование особенностей построения гендерного дискурса с точки зрения когнитивного подхода позволит найти ответ на вопрос, который является наиболее актуальным для современной гендерной лингвистики, а именно: какими средствами обладает язык для конструирования гендера?

Цель настоящего исследования – выявление и анализ когнитивно-дискурсивных особенностей недосказа, репрезентирующих его гендерную специфику, с точки зрения когнитивного подхода на материале современных художественных текстов.

Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**:

- изучить научную литературу, посвященную гендерным исследованиям в лингвистике, для формирования терминологического и методологического аппарата дальнейшей работы;
- проанализировать научные труды, посвященные недосказу, с целью уточнения основных понятий;
- выявить и описать когнитивную структуру порождения и понимания недосказа;
- определить функции недосказа в художественном тексте;
- классифицировать типы недосказа на основании их когнитивно-дискурсивных особенностей;

- выявить особенности реализации недосказа в фемининном и маскулинном дискурсах на семантическом, лексическом и синтаксическом уровнях в художественном тексте;
- подтвердить или опровергнуть гипотезу о том, что недосказ может быть использован для построения гендерного дискурса.

Материалом для исследования послужили 622 контекста, извлеченных методом сплошной выборки из художественных текстов, опубликованных с 1999 по 2016 годы, содержащих различные средства выражения недосказа, в том числе 250 контекстов на русском языке, 181 контекст на английском языке и 191 контекст на французском языке.

Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют вынести **на защиту следующие положения:**

1. Функционирование недосказа в дискурсе осуществляется в рамках определенного фрейма-сценария, включающего в себя постоянные (суперординатные) и переменные (субординатные) узлы, или слоты.
2. Специфика реализации фрейма-сценария в дискурсе, обусловленная смыслообразовательной функцией недосказа, может выступать в качестве основания для классификации его разновидностей.
3. Недосказ как средство смыслообразования является одним из инструментов построения гендерного дискурса.
4. Функционирование недосказа в фемининном дискурсе способствует реализации гендерного стереотипа женщины.
5. Функционирование недосказа в маскулинном дискурсе способствует реализации гендерного стереотипа мужчины.
6. Сходные когнитивные процессы построения фемининного и маскулинного дискурсов с помощью недосказа характерны для русского, английского и французского языков.

Научная новизна настоящего исследования заключается как в постановке проблемы, так и в подходе к ее решению. В данной работе недосказ впервые рассматривается комплексно как специфическое средство смысло-

образования, дается его определение и описание фрейма-сценария, в соответствии с которым создается и понимается недосказ. В диссертационном исследовании предпринимается попытка классифицировать недосказ с точки зрения его реализации в дискурсе и выявить семантические, лексические и синтаксические особенности его разновидностей. Впервые прослеживается корреляция между гендером говорящего и функционированием недосказа в его речи. Несмотря на то, что недосказ как смыслообразовательное средство и раньше привлекал внимание лингвистов, попыток изучения его с точки зрения гендерного подхода не предпринималось. В диссертации впервые недосказ изучается как средство построения гендерного дискурса.

Теоретическую базу исследования составляют основные положения когнитивной лингвистики (Р. Абельсон, Дж. Альтманн, Л.В. Бабина, А.Н. Баранов, Н.А. Беседина, Н.Н. Болдырев, В.В. Гончаренко, Д.О. Добровольский, О.П. Крюкова, Е.С. Кубрякова, М.Н. Левченко, Р. Лэнкер, М.Л. Макаров, Е.М. Масленникова, М. Минский, В.В. Петров, О.С. Полатовская, В.Н. Поляков, З.Д. Попова, Э.Х. Рош, И.Г. Серова, Э.А. Сорокина, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Ф. Унгерер, Ч. Филлмор, А. Ченки, А.М. Шахнарович, Р. Шенк), прагмалингвистики (Н.Д. Арутюнова, Г.П. Грайс, В.З. Демьянков, Дж. Лакофф, С. Левинсон, М.В. Никитин), теории дискурса (Р. Барт, И.Н. Борисова, Т.А. ван Дейк, К.А. Долинин, В.И. Карасик, М.Н. Кожина, Дж. Лич, О.И. Максименко, С.А. Сухих, Л.В. Цурикова, М.С. Чаковская), психолингвистики (И.И. Валуйцева, А.Е. Гусева, Т.А. Дридзе, Н.И. Жинкин, И.Г. Жирова, А.Г. Кривоносов, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, Е.Ф. Тарасов, Р.М. Фрумкина, Е.Г. Чалкова), лингвистической гендерологии (О.Л. Антинескул, Е.А. Бабенкова, Н.В. Буренина, Е.И. Горошко, Е.С. Гриценко, И.А. Жеребкина, О.Л. Каменская, Е.А. Каркищенко, А.В. Кирилина, Дж. Коатс, А. Колодны, Х. Коттхофф, Р. Лакофф, И.Г. Ольшанский, Л.К. Свиридова, Р.К. Унгер), теории номинации (Н.Ю. Бородулина, С.Л. Ерилова, Н.Ф. Крюкова, Ю.Н. Марчук, Л.А. Телегин), современной риторики и стилистики (Л.И. Борисова, Е.Н. Зарецкая, И.Г. Кошевая, М.Н. Макеева, И.А. Стернин, Ю.В. Рождественский) и

лингвокультурологии (Е.Н. Белая, Р.А. Будагов, Л.И. Гришаева, К.В. Кадышева, Е.Л. Кузьменко, М.Г. Мирианашвили, И.Ю. Марковина, В.В. Ощепкова, Д.И. Руденко, Э. Сепир, Ю.А. Сорокин, Ю.С. Степанов, И.В. Томашева, В.И. Шаховский).

В ходе работы использовались приемы и **методы** когнитивного, дискурсивного и контекстуального анализа, а также методы сплошной выборки, сопоставительного и количественного анализа и когнитивного моделирования (фреймовый анализ).

Теоретическая значимость диссертации заключается в разработке собственного определения недосказа, описании процесса порождения и понимания недосказа с помощью фрейма-сценария, создании его классификации, выявлении корреляции между функционированием недосказа в речи и фемининными и маскулинными дискурсивными стратегиями. Результаты проведенного исследования способствуют дальнейшей разработке проблем когнитивной лингвистики, лингвистической гендерологии и теории дискурса.

Практическая значимость данного исследования состоит в возможности применения сформулированных теоретических положений и выводов при разработке теоретических и практических курсов по теории языка, когнитивной лингвистике, лингвистической гендерологии, теории дискурса, современной риторике, лингвистической прагматике, лингвокультурологии, стилистике, при подготовке научных статей, курсовых, дипломных работ, магистерских диссертаций.

Достоверность результатов работы подтверждается обширной выборкой материала, а также применением комплексного подхода к исследованию.

Апробация работы состоялась на заседании кафедры «Иностранные языки» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет». Основные положения диссертации были представлены на Международной научно-практической конференции «Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания» (Москва, МГИМО, 2015), Всероссийской научной конференции с международным участием «Язык и человек:

проблемы когнитии и коммуникации» (Тамбов, ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016), Межвузовской научно-практической конференции «Современные подходы к изучению и обучению иностранному языку в школьно-вузовской практике. Лингвистика. Культура. Технологии обучения» (Липецк, ЛГПУ им. П.П. Семенова Тян-Шанского, 2016), а также отражены в восьми опубликованных статьях по теме исследования, в том числе четырех – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертационных исследований.

Цель и задачи исследования определили общую логику и **структуру диссертации**, которая включает в себя введение, две главы, заключение, список использованной научной литературы, список использованных словарей и список источников иллюстративного материала.

Во Введении дается общая характеристика работы, обосновывается выбор темы, определяется цель и соответствующие ей конкретные задачи исследования, раскрывается его актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся положения, выносимые на защиту, описывается структура диссертации.

В Главе I «Теоретические предпосылки исследования недосказа в гендерном аспекте» проводится обзор гендерных исследований в отечественной и зарубежной лингвистике, раскрывается понятие гендера как социокультурного конструкта, излагаются когнитивные основы гендерных исследований в языкознании, рассматриваются различные подходы к изучению литературного дискурса в гендерном аспекте. В этой главе обзревается работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные изучению недосказа, анализируются различные термины и определения, применимые к этому средству смыслообразования, раскрываются когнитивные основы исследования недосказа.

В Главе II «Гендерная специфика недосказа» дается описание фрейм-сценария порождения и понимания недосказа. Приводится классификация недосказа на основе особенностей его реализации в дискурсе. Рассматрива-

ются семантические, лексические, синтаксические и культурологические особенности недосказа в фемининном и маскулинном дискурсах.

В заключении подводятся итоги проделанной работы, и намечаются перспективы дальнейшего исследования данной проблематики.

Список использованной научной литературы представляет собой перечень отечественных и зарубежных источников, использованных в ходе работы, 186 и 39 соответственно.

Список использованных словарей включает в себя 10 источников.

Список источников иллюстративного материала включает в себя 22 произведения на русском, английском и французском языках.

Диссертационная работа содержит 9 таблиц, 4 диаграммы и 1 схему.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕДОСКАЗА В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

1.1. Гендерная парадигма в языкознании

1.1.1. Исторические предпосылки гендерных исследований

Данный параграф посвящен краткому обзору истории гендерных исследований в языкознании, начиная с античных времен и заканчивая современным этапом развития.

Применение гендерного подхода к изучению художественных текстов берет свое начало в западном литературном критицизме. В нашей статье «Гендер в литературе: дискурсивный аспект» было отмечено, что в настоящее время данная проблематика набирает все большую популярность и в российской науке на фоне фундаментальных изменений в социальном устройстве общества, переосмысления роли женщины и возрастающего взаимопроникновения культур [Кирина 2015а]. Многие ученые говорят о появлении новой – гендерной – научно-исследовательской парадигмы [Горошко 2003, Рябов 2001, Пищулина 1999]. Анализируя историю гендерных исследований с точки зрения становления теоретических и методологических принципов, О.А. Воронина подчеркивает, что применение гендерного подхода в гуманитарных науках – это «принципиально новая теория, принятие которой иногда обозначает изменение ценностных ориентаций человека и ученого и пересмотр многих привычных представлений и «истин» [Воронина 2001: 91].

М. Ментешашвили отмечает, что первые попытки использования гендерного подхода в анализе языка принадлежат еще античным философам. Так, Аристотель объяснял наличие в языке грамматической категории рода тем, что разделение по полу характерно для людей и животных [Ментешашвили 2010]. Этот подход лег в основу символично-семантической концеп-

ции. По мнению философа, мужской род соотносится с активной творческой деятельностью, в то время как «претерпевающий» женский род ассоциируется с пассивностью. В конце XVIII – начале XIX века немецкие лингвисты (И. Гердер, Я. Гримм, В. Гумбольдт) развили символично-семантическую концепцию, поддержав идею Аристотеля о корреляции различия полов в природе с наличием родов в языке [Ментешашвили 2010].

В дальнейшем, когда начинают формироваться такие области науки, как социо- и психолингвистика, теория дискурса и коммуникации, лингвистическая прагматика, создаются предпосылки к активному становлению гендерных исследований в языкознании. В начале двадцатого столетия ведется активное изучение различий в дискурсе, являющихся следствием различий в социальном статусе, возрасте и поле участников коммуникации. Впервые социальные факторы выходят на первый план в лингвистических исследованиях. Язык начинают рассматривать в непосредственной связи с обществом и человеком.

Изучение различий в языке, обусловленных гендером, начинается с исследований на материале считавшихся «примитивными» языков. Так, Э. Сепир описал различия в мужском и женском вариантах яванского языка [Сепир 1993]. О. Есперсен, в свою очередь, сопоставил мужское и женское речевое поведение коренных жителей Карибских островов [Есперсен 2002]. Как отмечает Е.И. Горошко, «О. Есперсен был первым, кто систематически описал различия в вербальном поведении полов на примерах разных языков из различных языковых семей» [Горошко 1999: 28].

В своей работе «Вклад в критику языка» Ф. Маутнер исследовал языковые особенности немецких рабочих обоих полов, отмечая, среди прочих, присутствие ненормативной лексики в речи рабочих-мужчин и широкое использование заимствований из других языков рабочими-женщинами, которое он объяснял их ориентацией на «более престижную лексику» [Mauthner 1982]. По словам Е.И. Горошко, «Маутнер считал, что только мужчины способны творчески использовать язык, а удел женщин – лишь усваивать то,

что создается сильным полом. Он первым абсолютно по-новому сформулировал вопрос о влиянии неравноправного положения полов на гендерную социализацию» [Горошко 1999: 29].

Философским основанием для исследования гендера в языкознании послужило утверждение постмодернизмом языковой концепции мироздания в качестве основной. «Предполагается, – пишет А.В. Кирилина, – что в сознании каждого запечатлена некоторая совокупность текстов, которые и определяют отношение человека к действительности и его поведение и опосредуются дискурсивной практикой» [Кирилина 2005: 13]. Воспринимаемая субъектом «действительность» является на деле социально и лингвистически сформированным конструктом. Лингвистика приобретает особую значимость вследствие признания языка отражением сознания индивида и инструментом его ориентации в мире.

Возрастающий интерес к коммуникативным, прагматическим аспектам языка и перемены в социальных взаимоотношениях обусловили появление гендерной лингвистики как отдельной области научного знания в 60-70 гг. XX века. Исследования затронули проблемы взаимосвязи социального статуса и пола человека, стал проводиться анализ субъективных факторов, оказывающих влияние на изменения в языке.

Гендерная проблематика в сфере литературного творчества впервые подверглась осмыслению в трудах идеологов феминизма. В 60-70 гг. в США и в Германии активизируется новое женское движение, и это дает толчок к становлению «феминистской лингвистики», в основе которой лежит идея о том, что все языки сформированы в соответствии с патриархатной картиной мира, подразумевающей, что «мужское» - это норма, а «женское» - отклонение от нее.

Гипотеза лингвистической относительности, также известная как «гипотеза Сепира-Уорфа», провозглашающая язык не только результатом жизнедеятельности человека, но средством формирования его ментальности [Уорф 1960], стала базисом для изучения гендерной асимметрии в языке.

А.В. Кирилина выделяет три этапа становления гендерной лингвистики:

1. «Алармистский» период, в течение которого основным предметом исследования являлось андроцентрическое отклонение в гуманитарных науках. Традиционная патриархальная эпистемология подвергалась резкой критике со стороны идеологов женского движения.

2. Этап «феминистической концептуализации», главной целью которого стала разработка теоретического и методологического аппарата феминистской идеологии. Исследования в русле феминистской лингвистики, возникшей на данном этапе, направлены на выявление механизмов мужского доминирования в социуме. Выявляются типичные признаки патриархатности языка, такие, как равенство понятий «человек» и «мужчина», производность имен существительных женского рода от имен существительных мужского рода, стандартный выбор мужской формы для репрезентации субъектов любого пола или группы людей разного пола, порядок компонентов высказывания, отражающий идею о «превосходстве» мужского над женским. На этом этапе вводится понятие гендера как социокультурного феномена с целью обратить внимание на общественный характер отношений между полами. Исследования речевого поведения мужчин и женщин выявляют существенные различия в коммуникативных стратегиях, возникает мнение о «дефицитности» женской речи, «язык женщин» интерпретируется как «язык слабых». Исходя из понимания языка как средства стратификации, феминистская лингвистика говорит о необходимости пересмотра языковых норм.

3. Исследования «постфеминистского» этапа сфокусированы на лингвокультурологическом и кросскультурном изучении гендера, эмпирической проверке идей, высказанных теоретиками феминистской лингвистики [Кирилина 2005: 14-19].

На сегодняшний день завершился этап формирования гендерной лингвистики как науки, изучающей гендер с помощью понятийного аппарата языкознания. Сформулированы основные термины, определена теоретиче-

ская база исследований. Вместе с тем нуждается в дальнейшей разработке методология гендерной лингвистики. Ощущается нехватка практических работ, существует необходимость в эмпирической проверке гипотез, выдвинутых ранее.

Таким образом, гендерные исследования в лингвистике, беря свое начало в работах античных философов, выделились в ходе развития науки в отдельную область знаний, на сегодняшний день полностью сформированную, с собственным терминологическим аппаратом и методологической базой. Вопросы, которые ставят перед собой сегодня ученые, работающие в области гендерной лингвистики, будут отражены в следующем параграфе данной работы.

1.1.2. Современное понимание гендера и гендерной парадигмы в лингвистике

Современный этап развития гендерной лингвистики характеризуется отходом от восприятия гендера как константного фактора, проявляющегося в речи с одинаковой степенью интенсивности, и пониманием гендера как конвенционального конструкта. Все больше внимания уделяется изучению контекста, обуславливающего степень и особенности проявления гендера в дискурсе.

О.А. Воронина определяет гендер следующим образом: это «реально (а не только мыслительно) существующая система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как категориях социального порядка» [Воронина 2002: 6]. Особый упор в этой формулировке сделан на взаимодействие субъектов, исключительно в рамках которого может существовать гендер.

Сегодня гендер изучается как «междисциплинарная интрига, в основе которой сплетается множество наук о человеке, о его не только биологиче-

ской, но и социально и культурно обусловленной специфике, интриге как совокупности обстоятельств, событий и действий, в центре которых находится человек, личность» [Халеева 1999: 12]. Современные лингвисты исследуют гендер не просто как конвенциональный, культурно и социально обусловленный феномен, но как динамический конструкт, меняющийся под воздействием общественной и политической деятельности социума.

Разная степень акцентуации гендера в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации и намерений субъектов общения позволяет говорить о нем как о «плавающем» параметре, который проявляется с различной степенью интенсивности либо полностью нивелируется. Поэтому, как пишет А.В. Кирилина, на сегодняшний день наиболее актуальным является вопрос «не о том, каким образом пол влияет на коммуникативное поведение и использование языка, а о том, какими средствами располагает язык для конструирования гендерной идентичности, в каких коммуникативных ситуациях и типах дискурса и с какой интенсивностью совершается конструирование, какие экстра- и интралингвистические факторы воздействуют на этот процесс» [Кирилина 2002: 8].

Сегодня большинство исследователей указывает на то, что говорящий избирает ту или иную коммуникативную стратегию не потому, что является мужчиной или женщиной, а потому, что желает быть отнесенным к тому или другому полу [Collier 1988, Coupland 1996]. Следовательно, логичнее было бы говорить не о мужском и женском языках, а о маскулинном и фемининном дискурсах. При этом в определенных ситуациях мужчина может быть продуцентом фемининного дискурса, а женщина – маскулинного.

Современное понимание гендера как междисциплинарного феномена обусловило обращение гендерных исследований к частнонаучным областям. Как справедливо отмечает Е.И. Горошко, «все языковые структуры могут быть «пропущены» через «гендерные» линзы» [Горошко 2003: 3]. Гендерный фактор в языке изучается с точки зрения семантики (Е.С. Гриценко, С.С. Голубева, Е.А. Бабенкова), социолингвистики (В. Лабов, Дж. Лакофф,

Е.И. Горошко), психолингвистики (Ж.Б. Жалсанова, А.Г. Фомин), прагматики (Б.В. Кинг, Дж. Холмс), теории дискурса и коммуникации (С.Ю. Воробьева, И.Г. Серова, А.А. Григорян), лингвокультурологии (Е.С. Гриценко, А.В. Коногорова, О.В. Рябов).

Разработка методики преподавания гендерной лингвистики (Дж. Сандерленд, Дж. Сванн, А.В. Кирилина) свидетельствует о достаточно зрелом этапе развития этой области научного знания и сформированном понятийном аппарате.

Однако многие ученые указывают на нехватку практических исследований, которые могли бы служить опорой для глобальных обобщений [Kotthoff 2001: 11], и, как следствие, недостаточно разработанную методологию исследований и обработки эмпирических данных. Интерпретация данных, в свою очередь, представляет сложность для работы исследователя, поскольку требует максимальной объективности и отхода от гендерных стереотипов.

Выводы, провозглашенные в работах ранних этапов развития лингвистической гендерологии, зачастую недостаточно объективны в силу интенциональности этих трудов. Не стоит забывать, что большинство из них принадлежали политически ангажированным исследователям. Сегодня перед лингвистами стоит непростая задача: проверить и пересмотреть результаты исследований феминистской лингвистики, выработать четкий алгоритм сбора и обработки эмпирических данных, определить методику их интерпретации.

Все большую актуальность приобретает изучение проявлений гендера в языке с точки зрения когнитивного подхода. Теоретические основы подобных исследований будут раскрыты в следующем параграфе данной работы.

1.1.3. Когнитивные основы гендерных исследований в языкознании

Характерное для современной науки понимание гендера как элемента индивидуального и коллективного сознания, основным инструментом формирования которого является язык, предполагает изучение данного конструкта в рамках когнитивной лингвистики.

Согласно утверждению Е.С. Гриценко, «языковое конструирование гендера представляет собой когнитивную деятельность имплицитивно-инференционного характера, в основе которой лежит соотнесение языковых форм/сигналов с гендерными представлениями (ассоциациями, стереотипами, идеалами и пр.), являющимися частью универсума общих смыслов представителей данной культуры» [Гриценко 2005: 12]. Язык выступает одновременно как средство объективации гендерных стереотипов и как инструмент воспроизводства гендерных значений в процессе общения. Фемининность и маскулинность, по мнению Е.С. Гриценко, являются динамическими конструктами, подвергающимися общественному моделированию и манипулированию [там же]. Характерной особенностью концептуальных категорий женственности и мужественности является их существование только в виде вариантов: гендерная идентичность создается в процессе коммуникации теми самыми средствами, которые понимаются как ее результаты. Гендерные значения соотносятся с условными центрами фемининности и маскулинности, не существующими в чистом виде.

Концепты «фемининность» и «маскулинность» стали предметом исследования многих современных лингвистов. Так, Т.М. Белова, изучавшая категории мужественности и женственности на материале французского языка, выделяет следующие когнитивно-семантические признаки концепта *masculinité* («мужественность»): смелость, активность, энергичность; отсутствие таких признаков, как нежность, доброта, присущих женской гендерной роли. Концепт *fémininité* («женственность») характеризуется такими

когнитивно-семантическими признаками, как красота, уродливость, пассивность, глупость, неряшливость, кокетливость, строгость или легкость в поведении [Белова 2007: 2].

В большинстве европейских культур мужчинам приписываются такие качества, как активность, смелость, деловитость, сила, решительность, агрессивность, властность. Типично «женскими» чертами считаются нежность, мягкость, доброта, заботливость, болтливость, слабость, незащищенность. Подобные представления обобщаются в языке с помощью гендерных стереотипов, способствующих социальной категоризации и ориентации субъекта в обществе. Согласно определению А.В. Кирилиной, «гендерные стереотипы представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке». Будучи зафиксированы в языке, гендерные стереотипы неизменно связаны с изъявлением оценки и оказывают влияние на возникновение ожиданий определенного поведения от представителей того или другого пола [Кирилина 2002: 98].

Многообразие репрезентаций гендерных значений и отношений формирует гендерную картину мира. Согласно определению О.В. Рябова, «гендерная картина мира – это совокупность представлений, составляющих такое видение человеком реальности, где вещи, свойства и отношения категоризируются при помощи бинарных оппозиций, стороны которых ассоциируются с мужским или женским началом» [Рябов 2001: 17]. Ее функционирование основано на фундаментальных особенностях человеческого мышления – методе концептуализации действительности с помощью бинарных оппозиций и антропоморфизме. Основным способом категоризации гендерной картины мира О.В. Рябов называет гендерную метафору. Необходимо отметить, что гендер может выступать как в качестве источника, так и в качестве темы метафоры. Так, Я. Гримм, утверждавший, что грамматическая категория рода является проекцией биологического пола, считал, что слово «шлем» не может быть женского рода [Janssen-Jurreit 1982]. В английском

языке лексема *hurricane* соотносится с местоимением *she*, что соответствует метафоре «природа – женщина». Примечательно, что несоответствие новых образов стереотипным представлениям о мужественности и женственности концептуализируется также с помощью метафоры: *мужик в юбке*, *Lonely Wolf Woman*, *Powerfrau*.

Роль языка как средства формирования гендерной картины мира, по мнению Е.С. Гриценко, раскрывается с помощью понятия позиционирования [Гриценко 2005: 14]. Гендерное позиционирование осуществляется с помощью языковых единиц всех уровней и включает в себя самопозиционирование, позиционирование адресата и предмета сообщения. Производителем и передатчиком гендерного дискурса является гендерная языковая личность. Е.С. Гриценко подчеркивает опосредованный характер связи между конструированием гендерной идентичности и использованием определенной языковой формы [там же].

И.Г. Серова исследует гендер с помощью методов когнитивно-матричного анализа, который предложил Н.Н. Болдырев [Болдырев 2009]. Данный подход основан на представлении о когнитивной матрице – системе когнитивных контекстов, взаимосвязанных между собой. При этом подходе контекст непосредственно включается в исследование гендера. Строится когнитивная модель гендера как интегративного концепта социокультурного знания [Серова 2009].

В основе когнитивно-матричной модели гендера лежат оппозиции, существующие в рамках некогерентных доменов – философии (*сознание/материя*), искусства (*субъект/объект*), социологии и психологии (*культура/природа*), культурологии (*свой/чужой*) лингвистики (*письмо/речь*) [там же]. Мужской коммуникативный стиль, настроенный на публичное общение, утверждение социального статуса, символически обозначается как *письмо*, а женский с его ориентированностью на приватное общение и установление эмоциональной связи – как *речь*.

С точки зрения прагматики конструирование гендера в процессе коммуникации может быть описано с помощью формулы Г.П. Грайса «говоря *x*, *A* имел в виду *z*», что значит: «в намерения *A* входило, чтобы выражение *x* произвело определенное воздействие на аудиторию благодаря узнаванию данного намерения» [Грайс 1985: 75]. Так, фраза «ты же мужчина», обращенная к расстроенному мальчику, побуждает ребенка создать значение «ты не должен плакать», что и было задумано говорящим. Связь между конкретной языковой формой и ее значением опосредована, конвенциональна и контекстно обусловлена. Эти особенности следует учитывать при осуществлении перевода, поскольку различные языки обнаруживают различную степень гендерной асимметрии. Так, если в русскоязычном тексте использование местоимения *он* на метагендерном уровне является нормой, то в англоязычном тексте употребление *he* в значении *he or she* может быть воспринято неодобрительно.

Итак, в современных исследованиях гендер рассматривается как конвенциональный, динамический конструкт, «разыгрываемый» в ходе коммуникативного взаимодействия. Связь между языковыми формами и гендерными значениями носит опосредованный характер. Язык играет двоякую роль, являясь одновременно средством объективации гендерной картины мира и инструментом воспроизводства гендерных смыслов.

Особый интерес для исследователей представляет собой изучение литературного дискурса в соответствии с гендерным подходом. Художественный текст является отражением социокультурных реалий и гендерных представлений конкретного языкового сообщества и позволяет изучать гендерные аспекты языка в диахроническом развитии. Различные подходы к изучению литературного дискурса с точки зрения гендерной лингвистики будут рассмотрены в следующем параграфе данной работы.

1.1.4. Подходы к изучению литературного дискурса в гендерном аспекте

Прежде чем приступить к рассмотрению различных подходов к изучению литературного дискурса в гендерном аспекте, хотелось бы подробнее остановиться на самом понятии «дискурс».

В современной лингвистике существуют различные трактовки понятия «дискурс». Рассмотрим основные подходы к исследованию этого феномена.

1. Согласно *структурно-синтаксическому подходу* под дискурсом понимается фрагмент текста (образование выше уровня предложения – сверхфразовое единство, абзац). При этом главным признаком дискурса считается связность.

2. В соответствии со *структурно-стилистическим подходом* дискурс рассматривается в качестве «нетекстовой организации разговорной речи» [Самойлова 2005: 151], для которой характерно нечеткое деление на части, преобладание ассоциативных связей, ситуативность и спонтанность, высокий уровень зависимости от контекста и ярко выраженная стилистическая окраска.

3. *Социально-прагматический подход* изучает дискурс в качестве текста, погруженного в определенную коммуникативную ситуацию, или в качестве социально и идеологически ограниченного типа высказываний.

4. В рамках *коммуникативного или функционального подхода* дискурс трактуется как вербальное общение, диалог, беседа. Согласно определению В.И. Карасика, дискурс – это «некая знаковая структура, которую делают дискурсом ее субъект, объект, место, время, обстоятельства создания (производства)» [Карасик 1999: 5].

Приведенная выше классификация раскрывает тройственную природу дискурса, одна сторона которого обращена к типовым ситуациям общения,

то есть к прагматике, другая – к когнитивистике, к процессам, происходящим в сознании участников коммуникации, а третья – собственно к тексту.

Согласно определению Е.С. Кубряковой и Л.В. Цуриковой, дискурс – «ограниченный вполне определенными временными и общими хронологическими рамками процесс использования языка (речевая деятельность), обусловленный и детерминируемый особыми типами социальной активности людей, преследующий конкретные цели и задачи и протекающий в достаточно фиксированных условиях не только с точки зрения общих социально-культурных, но и конкретных индивидуальных параметров его реализации и инстанции» [Кубрякова, Цурикова 2004: 129]. На наш взгляд, данное определение наиболее полно отражает различные аспекты природы дискурса.

При анализе закономерностей использования вербальных и невербальных ресурсов для достижения определенных целей используется термин «дискурсивная стратегия». Л.В. Цурикова определяет дискурсивные стратегии как «потенциально возможные интерактивные способы осуществления коммуникативно значимых действий в дискурсе и языковые способы их выражения». Выбор продуцентом дискурса конкретных средств для достижения конкретной цели в данных условиях коммуникации является реализацией определенной дискурсивной стратегии [Цурикова 2007].

В последнее время применительно к письменному дискурсу стало также использоваться понятие речевой стратегии. Впервые этот термин был предложен Т. ван Дейком в ходе исследований по прагмалингвистике в 70-80-х годах XX века [ван Дейк 1989]. Понятие речевой стратегии применяется в первую очередь к языковой коммуникации, в особенности к устному диалогу. Согласно определению О.С. Иссерс, речевая стратегия – это «комплекс действий, направленный на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2008]. Такой подход приводит к синонимичности понятий «речевая стратегия» и «коммуникативная стратегия». Е.Г. Ерохина разводит эти термины, отмечая, что «коммуникативная стратегия описывает речевое поведе-

ние коммуникантов (или автора текста) «от ситуации», опираясь на единицы, используемые в когнитивистике», а «речевая стратегия описывает речевое поведение «от текста», отталкиваясь от уже реализованной линейной манифестации повествования или диалога» [Ерохина 2014: 279]. Исследователь предлагает собственное определение речевой стратегии, исходя из необходимости формирования теоретической базы для изучения стратегий письменной речи. Под речевой стратегией Е.Г. Ерохина понимает «способ построения высказывания, соответствующий типу передаваемой информации и реализующий определенную авторскую интенцию» [там же]. На наш взгляд, это определение наиболее точно раскрывает понятие речевой стратегии, которое также может быть использовано в ходе исследования гендерного дискурса.

В наших публикациях указывалось на то, что первые шаги в гендерном анализе литературных текстов предприняла в начале XX века В. Вулф [Кирина 2015а]. Рецензируя роман «Вращение огня» Д. Ричардсон, писательница сравнивает «женское» и «мужское» предложения и описывает первое как «созданное из более упругого волокна», «растяжимое до крайности, способное удерживать тончайшие частицы, охватывать самые неопределенные формы» [Woolf 1990: 72]. В. Вулф считает «традиционное» предложение относящимся к маскулинному дискурсу и указывает на то, что оно не соответствует требованиям авторов женского пола, которые нуждаются в чем-то менее «помпезном» и более «эластичном», способном трансформироваться в зависимости от их намерений [там же]. Как было отмечено в нашей статье, посвященной гендерным исследованиям в области литературы, подобные описания излишне размыты и метафоричны. Такой подход характерен для литературной критики, но не для научных изысканий. Тем не менее, именно В. Вулф была в числе первых, кто обратился к вопросу о женском и мужском литературных стилях.

Исследователи выделяют два основных направления феминистского литературного критицизма: англо-американское и французское, которые ха-

рактируются различными подходами к вопросу о фемининном литературном стиле и специфическими задачами [Воробьева 2004]. Яркими представителями англо-американской школы являются А. Колодны, Э. Моэрс, Дж. Феттерли, Э. Шоултер, которые рассматривают женское литературное творчество в непосредственной взаимосвязи с оказывающими на него влияние социокультурными и политическими реалиями. «Женское письмо» в этом случае считается обусловленным особым женским опытом, оно связано с биологическим полом автора. Провозглашается идея о существовании специфической женской литературной традиции. По мнению А. Колодны, мужчина заблудится в непривычном «женском письме среди незнакомых ему символических систем, составляющих женский опыт, будет отвергать эти системы как нерасшифровываемые, бессмысленные или тривиальные» [Колодны 1999: 25]. Следствием этого становится маргинализация литературного творчества авторов-женщин, вытеснение его за пределы литературного канона.

Наибольший вклад в формирование французского направления феминистского литературного критицизма внесли теоретики психоанализа Л. Иригарей и Э. Сиксу. Как отмечает М. Рюткенен, в соответствии с их точкой зрения, философский дискурс, связанный непосредственным образом с литературным, не оставляет места для фемининного, так как в западная рациональная философия основана на полном его исключении [Рюткенен 2000]. Следовательно, женская субъективность не поддается научному определению и измерению, так как не имеет специфических средств репрезентации. Мнения французских исследователей расходятся в том, может ли вообще проявляться фемининное в дискурсе. Так, Э. Сиксу считает, что «женское» выражается в так называемом «эффekte письма» и зачастую присутствует в текстах авторов-мужчин [Сиксу 2001]. С точки зрения Л. Иригарей, за неимением собственного, фемининного стиля, авторы женского пола должны творить в пределах маскулинного дискурса [Irigaray 1985]. В наших публикациях мы отмечали, что базисом французского литературного критицизма

послужила постмодернистская идея о невозможности восприятия реальности вне языкового опыта [Кирина 2015a]. Следовательно, любой феномен, включая гендер, должен изучаться как результат языковой практики.

Как отмечает А. Ливия, гендерный анализ художественного текста может быть осуществлен с применением двух различных подходов. В первом случае сопоставляются тексты, принадлежащие авторам разного пола, и выявляются специфические характеристики, позволяющие отличить фемининный стиль от маскулинного. Во втором случае исследуются особенности реализации грамматической категории рода в художественных текстах. А. Ливия подчеркивает, что применение первого подхода подразумевает, что гендер является «культурным атрибутом автора», а в соответствии со вторым подходом это, прежде всего, грамматическая категория [Livia 2003].

В наших публикациях отмечалось, что вопрос о существовании «мужского» и «женского» литературных стилей и способе выявления их характерных черт до настоящего времени остается открытым [Кирина 2015a]. В настоящее время еще не выработана достоверная и универсальная методика анализа текста, применение которой позволило бы с высокой долей вероятности определить гендер автора. Тем не менее, многочисленные исследования в области психолингвистики способствовали выявлению и описанию определенных различий в мужском и женском речевом поведении [Дежина 2011, Пиз 2000]. Высказывания персонажей художественных текстов должны обнаруживать те же различия.

Д. Таннен и Р. Лакофф, изучавшие речевые стратегии женщин и мужчин, предложили первую интерпретацию общения между полами, основанную на понятиях прагматической синонимии, прагматической омонимии и прагматической идентичности [Lakoff, Tannen 1994]. Эти концепции аналогичны семантическим отношениям. Исследователи пришли к выводу, что мужчины и женщины используют одни и те же стратегии для достижения различных целей и разные стратегии для достижения одинаковых целей.

В своей работе «Проблема гендера» Дж. Батлер утверждает, что в культурном плане говорящий является скорее продуктом, нежели создателем «скованного правилами дискурса, который встраивается во всепроникающие повседневные акты лингвистической жизни» [Butler 1990: 145]. Иными словами, лексические и синтаксические структуры, доступные в определенном культурном контексте, задают нормы конструирования высказываний, в рамках которых вынужден творить автор дискурса. Эта точка зрения предполагает, что язык – это и фактор, и необходимое условие формирования гендерных стереотипов. В связи с этим особый интерес представляет рассмотрение текстов писателей-фантастов, содержащих разные виды репрезентации гендера посредством грамматической категории рода. В романе «Женщина на краю времени» М. Пирси изображено общество, в котором гендерные различия не отражаются в языке, поскольку утратили свою значимость. Индивид обозначается гендерно нейтральным личным местоимением “person”, а лексема “per” служит притяжательным местоимением.

В нашем исследовании проблема гендера рассматривается в аспекте дискурсивных стратегий персонажей художественных текстов. Мы не ставим своей целью выявление характерных черт, отличающих фемининный литературный стиль от маскулинного, а изучаем особенности репрезентации гендерной специфики с помощью средств языка. Такой подход к гендерным исследованиям является, на наш взгляд, наиболее актуальным и дополняет принципы гендерного анализа, описанные в работах А. Ливии [Livia 2003].

Таким образом, гендер, рассматриваемый в качестве социокультурного феномена, непосредственно влияет как на процесс создания, так и на процесс восприятия литературного произведения и должен быть принят во внимание при анализе и интерпретации текстов. Язык, будучи как продуктом культурно-исторического развития социума, так и инструментом мышления, играет особую роль в формировании наших представлений об окру-

жающей действительности в целом и о гендерной принадлежности, в частности.

Нами был произведен краткий обзор достижений в области гендерных исследований языка и дискурса, выявлены и раскрыты основные понятия, сформирована теоретическая база дальнейшей работы. Следующая часть первой главы будет посвящена истории исследования недосказа, проблемам терминологии и классификации.

1.2. Понятие «недосказ»: определение, функции, классификация

1.2.1. Исследование недосказа: к истории вопроса

Понятие апозиопезиса, недосказа или умолчания известно еще со времен античной риторики и по сей день обозначает один из ключевых приемов повышения эмоционального воздействия высказывания на реципиента как в литературном, так и в политическом, и в рекламном дискурсе. Термин «апозиопезис», или «апозиопеза», широко применяющийся в современной стилистике, происходит от греческого *aposiopesis* – «скрытие», «утаивание» [Словарь лингвистических терминов 2010: 36]. В древнегреческой риторике это понятие подразумевало под собой стилистическую фигуру, состоящую в недоговоренности, прерывании высказывания и оставлении некой темы из-за волнения, стыдливости, отвращения и т. п.

Развитие этой фигуры речи и обогащение ее новыми смыслами связано с развитием концепта «молчания» в ходе культурно-исторического становления общества. Пословицы – древнейшее средство передачи культурного опыта – говорят нам о том, что «слово – серебро, а молчание – золото», «молчание – ограда мудрости». Мудрецы разных культур и времен положительно высказывались о молчании и осуждающе – о чрезмерной болтливости: «Знающий много — молчалив, а говорящий много не знает ничего» (Лао Цзы); «Кто молчать не умеет, тот и говорить не способен» (Луций Ан-

ней Сенека); «Я часто раскаиваюсь в том, что говорил, но редко сожалею о том, что молчал» (Абуль-Фарадж бин Харун). «Хорошо молчать труднее, чем хорошо говорить», – гласит еврейская поговорка. «Даже дурак сойдет за мудрого, когда хранит молчание», – говорят англичане. Таким образом, мы можем заключить, что *человек молчащий* воспринимается коллективным сознанием как *человек знающий* (в отличие от *человека говорящего*); молчание является добродетелью и вызывает уважение.

Интересна в связи с этим история поговорки «молчание – знак согласия», встречающейся в большинстве европейских языков. Оригинальное выражение принадлежит римскому понтифику Бонифацию VIII, который, желая оказать давление на своих кардиналов, изрек: «Кто молчит, да будет рассматриваться как согласный» («Qui tacet, consentire videtur») [Назирова 1998]. В действительности, молчание зачастую является выражением несогласия.

Другая латинская поговорка гласит: «Кто молчит, тот кричит», и в истории есть немало примеров того, насколько выразительным может быть молчание. Так, на следующий день после взятия Бастилии, 15 июля 1789 г., когда Учредительное собрание ожидало визита короля Людовика XVI, Оноре де Мирабо, один из самых знаменитых ораторов и политических деятелей Франции, сказал: «Пусть угрюмое почтение будет первым приемом монарху в этот скорбный день. Молчание народов – это урок королям!» [там же].

Польский поэт Норвид в середине XIX в. сформировал интересную концепцию, согласно которой умолчание является основой художественного текста. Поэт считал умолчание «жизненно важным элементом речи». Оно присутствует в каждом высказывании и служит мотивом для следующего предложения [там же]. Идеи Норвида перекликаются с современным пониманием художественного текста как системы закодированных смыслов и недоговоренностей. С точки зрения лингвистической прагматики создание художественного текста рассматривается как коммуникативный процесс, осуществляемый посредством специфической системы знаков, являющейся

материальным выражением значений, которая передается реципиенту в качестве указания на их раскрытие. Художественное произведение рассматривается как вторичная семиотическая система, чьи знаки хотя и отталкиваются от естественного языка, но не указывают на реальные объекты и не зависят от систем других видов.

Первую попытку классификации недосказа предпринял немецкий лингвист Г. Лаусберг в 1963 году. В своем труде «Пособие по литературной риторике» [Lausberg 1963: 394-397] он описывает различные виды апозиопезиса с точки зрения функций, выполняемых в дискурсе.

Г. Лаусберг классифицирует апозиопезис следующим образом:

Эмоциональный апозиопезис вызван реальным (или представленным в таком качестве) конфликтом между нарастающим эмоциональным накалом со стороны говорящего и отсутствием реакции на него со стороны окружения. Спровоцированная эмоциональной вспышкой изоляция говорящего от окружающей его среды граничит со смешным. Говорящий прерывает свое высказывание в болезненном осознании этой ситуации. С помощью недосказа такого типа передано эмоциональное состояние главной героини романа А. Мартен-Люган, потерявшей семью:

“Je posai mon ridicule présent sur la tombe et me mis à genoux.

– Hé, mes amours... pardon... je ne sais pas quoi vous dire...

Ma voix se brisa. J'enfouis mon visage dans mes mains. J'avais froid.

J'avais chaud. J'avais mal” /

«Я ставлю свой странный подарок на камень и опускаюсь на колени.

– Эх, мои любимые... простите... я не знаю, что вам сказать...

Мой голос сломался. Я спрятала лицо в руках. Мне было холодно. Мне было жарко. Мне было больно» (*здесь и далее перевод автора, кроме особо оговоренных случаев*) [Martin-Lugand 2012: 71].

В основе **просчитанного апозиопезиса** лежит конфликт между значением опущенного высказывания и некой противостоящей силой, отвергающей содержание этого высказывания. В силу такого противостояния вы-

сказывание опускается, но, в большинстве случаев, явно подтверждается впоследствии. В качестве примера можно привести отрывок из рассказа «Пансион», в котором Джойс дает характеристику главному герою:

“As a young man he had sown his wild oats, of course; he had boasted of his free-thinking and denied the existence of God to his companions in public-houses. But that was all passed and done with... nearly” /

«Будучи молодым человеком, он, конечно, делал глупости: хвастал своим вольнодумием и отрицал существование Бога перед собутыльниками в трактирах. Но со всем этим было покончено... почти» [Joyce 2012: 71].

При **апозиопезисе, вызванном уважением к аудитории**, опускается высказывание, содержание которого по тем или иным причинам может быть неприятно аудитории. Как правило, этот тип апозиопезиса встречается в высказываниях, затрагивающих табуированную тематику. Так, в романе Л. Улицкой мама и бабушка обсуждают новорожденного мальчика, используя недосказ там, где использование прямых формулировок смутило бы обоих:

«– Дед, вылитый дед. Будет настоящим мужчиной, красивым, крупным, – удовлетворённо заключила Елизавета Ивановна.

– Некоторые части тела даже слишком, – многозначительно заметила Верочка. – Точь-в-точь как у отца...

Елизавета Ивановна сделала пренебрежительный жест:

– Нет, Веруся, ты не знаешь... Это вообще особенность мужчин Корн» [Улицкая 2016: 8].

Использование **транзитио-апозиопезиса** позволяет говорящему избавить слушателей от необходимости воспринимать раздел речи, подходящий к концу, и немедленно перевести внимание аудитории на дальнейшее повествование. Так, в рассказах К. Мэнсфилд недосказ часто используется для перехода от одной темы повествования к другой. Этот прием сродни приему монтажа в кинематографе. Описывая определенную сцену, автор намеренно обрывает высказывание, создавая впечатление, что ситуация продолжается, но меняется план, и мы смотрим на происходящее с другой стороны.

“I have been thinking over our talk about the psychological novel,” she dashed off, “it really is intensely interesting...” And so on and so on” /

«Я размышляла над нашим разговором о психологическом романе, – неслась она дальше, – это действительно невероятно интересно...» И так далее, и так далее» [Mansfield 2001: 156].

Эмфатический апозиопезис появляется в тех случаях, когда говорящий намеренно прерывает высказывание с целью представить его объект как более ужасный, более грандиозный, действительно невыразимый. В качестве примера можно привести следующий отрывок из повести М. Твена «Том Сойер»:

“She looked perplexed for a moment, and then said, not fiercely, but still loud enough for the furniture to hear:

“Well, I lay if I get hold of you I'll –” /

«Она на секунду призадумалась, а затем сказала, не зло, но достаточно громко, чтобы быть услышанной мебелью:

«Итак, я говорю, если я тебя достану, то...» [Twain 1994: 17].

Основным минусом данной классификации является отсутствие четкого теоретического обоснования. Лаусберг не поясняет, какие факторы легли в основу такой типизации, не выделяет характерные признаки того или иного вида апозиопезиса. Более того, определение просчитанного апозиопезиса весьма туманно, что приводит к затруднениям при идентификации этой разновидности.

Очевидно, что ученый основывал свою классификацию на функциях, выполняемых в дискурсе апозиопезисом. Нам такой подход представляется обоснованным, однако, он требует дальнейшей разработки. Необходимо дать четкое логическое обоснование выделяемым типам недосказа, определить их отличительные признаки, и, возможно, дополнить другими типами.

В отечественной науке теоретическое изучение недосказа исторически шло по двум основным направлениям: специалисты в области русского языка исследовали «умолчание» в рамках литературоведения (И.Ф. Анненский,

А.П. Квятковский, Р.Г. Назиров), исследователи английского языка изучали «апозиепезис» с точки зрения стилистики (И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин). В настоящее время все больше ученых проявляют интерес к исследованию недосказа в русле когнитивной лингвистики (К.С. Аксенова, Ю.В. Шаповалова).

В трудах по русской филологии изучение умолчания строилось преимущественно на анализе конкретных примеров. При этом теоретические основы такого анализа долгое время оставались недостаточно проработанными, существовали различные, зачастую противоречащие друг другу трактовки самого понятия «умолчания». Так, Т.Ф. Ефремова в «Новом словаре русского языка» определяет умолчание как «служащий для усиления выразительности речи стилистический прием, при котором выражение мысли остается незаконченным, ограничивается намеком» [Новый словарь русского языка 2000]. А «Литературная энциклопедия терминов и понятий» под редакцией А.Н. Николюкина гласит, что «умолчание – это фигура речи, при которой говорящий объявляет, что не будет говорить о таких-то (обычно нехороших) чертах и поступках оппонента, но именно этим и говорит о них («Не буду говорить, что он вор, казнокрад, изменник, – это и так всем известно, – скажу лишь...»)) [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001: 1115].

И.Ф. Анненский в своих работах употребляет термин «недосказ» для обозначения особого приема, направленного на акцентуацию воображения читателя: «Тут нельзя ни понять всего, о чем догадываешься, ни объяснить всего, что прозреваешь, или что болезненно в себе ощущаешь, но для чего в языке не найдешь и слова» [Анненский 1979: 27].

Среди исследователей стилистики английского языка наиболее фундаментальный подход к изучению апозиепезиса встречается в трудах И.В. Арнольд и И.Р. Гальперина. Заслуживают этих ученых является обращение к стилистике живой разговорной речи, выход за рамки литературоведения в изучении недосказа.

Имя И.В. Арнольд в языкознании связано с развитием теории стилистики декодирования. Само понятие «стилистика декодирования» указывает на связь этого направления с теорией информации. И.В. Арнольд конкретизирует этот термин: «Под стилистикой декодирования понимается раздел стилистики, который рассматривает способы толкования художественного текста для достижения более полного и глубокого понимания его, исходя из структуры этого текста и взаимоотношений составляющих его элементов» [Арнольд 2016: 132]. И.В. Арнольд разделяет термины «умолчание» и «апозиопезис», относя оба явления к синтаксическим стилистическим приемам [Арнольд 2010: 198]. Лингвист утверждает, что в случае умолчания говорящий намеренно опускает высказывание или его часть, предоставляя слушателю самостоятельно догадаться о недосказанном, а при апозиопезисе он не способен продолжать в силу действительного или притворного волнения или нерешительности [там же].

И.Р. Гальперин указывает на то, что органичность употребления апозиопезиса в разговорной речи подтверждается, в частности, наличием в английском лексиконе фразеологизма *good intentions but*, построенного на недосказе, смысл которого выявляется в противительной функции союза *but*. Так типичная особенность разговорной речи – незавершенность высказывания – становится фразеологической единицей [Гальперин 2012: 199].

С развитием когнитивного подхода в лингвистике исследование недосказа выходит на новый уровень. Недосказ рассматривается как средство метафоризации текста. Метафоризация в данном контексте понимается как прием пробуждения рефлексии, функционирующий на всех этапах создания и восприятия текста, и противопоставляется прямой номинации. С.Л. Ерилова указывает на то, что в дискурсе умолчание выполняет смыслообразовательную функцию как при создании смыслов продуцентом, так и при постижении их реципиентом [Ерилова 2003]. Ю.В. Шаповалова прослеживает функционирование умолчания на трех этапах восприятия текста (в ходе соб-

ственно восприятия, понимания, интерпретации) и исследует соответствующие функции умолчания [Шаповалова 2013].

К.С. Аксенова исследует умолчание как комплекс имплицитных явлений, направленных на намеренное сокрытие информации [Аксенова 2015]. Выделяются следующие формы выражения умолчания: семантическая неопределённость, семантическая неполнота и двусмысленность. Для создания умолчания применяются грамматические и лексические средства. Одним из главных критериев классификации видов умолчания признается наличие или отсутствие языковых маркеров.

Интерес к исследованию недосказа в последнее время возрастает как в отечественной, так и в зарубежной науке, о чем свидетельствует большое количество публикаций (Е.С. Ерилова, К.С. Аксенова, Ю.В. Шаповалова). Недосказ исследуется с точки зрения литературоведения (Р.Г. Назиров), культурологии (Е.Ф. Груздева) и языкознания (Е.В. Матвеева). Изучаются особенности недосказа в рекламном (Л.П. Докучаева), политическом (С.Л. Ерилова) и литературном дискурсах (А.А. Шевцова). Многообразие и противоречивость существующих точек зрения, неоднозначность терминологии и отсутствие четкой классификации свидетельствуют о недостаточно разработанной теоретической базе, необходимой для дальнейших исследований.

Следующий параграф диссертационного исследования посвящен вопросам терминологии и дефиниции недосказа. Будут раскрыты основные подходы к определению этого средства смыслообразования, обоснован выбор понятийного аппарата для последующей работы.

1.2.2. Недосказ, умолчание, апозиопезис:

вопросы терминологии

Являясь одним из наиболее активно используемых в художественных текстах стилистических средств, недосказ, вместе с тем, остается одним из наименее исследованных. Об этом, в частности, говорит тот факт, что в русскоязычных трудах по стилистике отсутствует единство терминологии для обозначения данного стилистического приема. Наряду с понятием «недосказ» общепринятыми являются такие термины, как «умолчание» и «апозиопезис».

В работах М.Д. Кузнеця и Ю.М. Скребнева недосказ отнесен к синтаксическим стилистическим средствам и определен как «незаконченность предложения, логическая и структурная его незавершенность, вследствие которой выражение мысли ограничивается намеком». Исследователи подчеркивают, что стилистическое значение недосказ имеет в том случае, когда недомолвка является умышленной и имеет место быть вследствие нежелания назвать то, что должно быть ясно из речевой ситуации [Кузнец, Скребнев 1960: 68].

Проведя сравнительный анализ русско- и англоязычных терминов, используемых для обозначения исследуемого явления (К.С. Аксенова, И.Ф. Анненский, И.В. Арнольд, С.П. Белокурова, И.Р. Гальперин, Е.Ф. Груздева, С.Л. Ерилова, Т.Ф. Ефремова, А.П. Квятковский, М.Д. Кузнец, В.А. Мальцев, Р.Г. Назиров, А.Н. Николюкин, А.П. Сковородников, Ю.М. Скребнев, Е.А. Стурова, А.А. Шевцова, Ю.В. Шаповалова, Н. Lausberg, R. Nordquist, A. Thaler), мы можем сделать вывод, что в работах по русской филологии этот стилистический прием более известен как умолчание, в то время как в работах по лингвистике английского языка общепринятым является термин «апозиопезис» (*aprosiopesis*). Как было отмечено в пункте 1.2.1, для И.В. Арнольд «апозиопезис» и «умолчание» – различные понятия. Исследователь отмечает, что оба стилистических приема подразумевают эмоциональный

обрыв высказывания, но в случае умолчания продуцент намеренно побуждает реципиента восстановить опущенную информацию, а при апозиопезисе он действительно не способен продолжить фразу вследствие волнения или нерешительности [Арнольд 2010: 198]. Однако обе фигуры так близки, что их зачастую сложно различить.

Р.Г. Назиров определяет умолчание как «стилистический прием, при котором выражение мысли остается незаконченным, ограничивается намеком, начатая речь прерывается в расчете на догадку читателя» [Назиров 1998: 57].

По свидетельству Е.Ф. Груздевой, несмотря на то, что термин «умолчание» впервые появился в риторике, его современное прочтение гораздо шире риторического. По мнению ученого, это «смысловые обрывы, лакуны, сопровождающиеся незавершенностью синтаксических конструкций, допускающие интерпретации с той или иной степенью вероятности при обращении к микро- или макроконтексту, создающие таким образом эстетический эффект «колеблющегося семантического признака» и многозначность, которые способствуют возбуждению интереса у читателя, вовлечению его в сотворчество с автором» [Груздева 1993: 7].

А.П. Сковородников проводит параллель между умолчанием и эллипсом, отмечая, что первое функционирует на семантическом уровне, а последний – на синтаксическом [Культура русской речи 2011: 727]. Однако в отличие от эллипса, умолчание предполагает сокрытие важной информации, значимость которой еще более возрастает благодаря использованию этого приема. С точки зрения исследователя, апозиопезис наряду с аллюзией является одной из разновидностей умолчания [там же].

В работах отечественных лингвистов встречается также термин «недосказанность», кажущийся на первый взгляд близким по значению к понятию «недосказ». Однако недосказанность изучается в качестве концепта, который может быть выражен различными средствами языка. Так, О.А. Коваль в своей работе, посвященной исследованию концепта «недосказан-

ность» в английской и русской лингвокультурах, рассматривает умолчание как одно из языковых средств выражения этого концепта [Коваль 2010]. Л.В. Новикова и О.А. Бондарь изучают недосказанность как лингвокультурную категорию, которая также может быть выражена различными средствами языка [Бондарь, Новикова 2013]. Таким образом, термин «недосказанность» было бы некорректно использовать для обозначения изучаемого нами средства смыслообразования, поскольку в работах исследователей это понятие относится к концепту (или категории) и изучается в рамках лингвокультурологии.

В нашем исследовании используется понятие «недосказ», трактуемое как *недоговоренность, обрыв высказывания, происходящий как вследствие особого эмоционального состояния говорящего или изменения коммуникативной ситуации, так и намеренно, с целью создания определенного воздействия на слушателя*. Причины и цели, обусловившие эту недоговоренность, могут быть положены в основу одной из типологий недосказа.

Мы отдаем предпочтение термину «недосказ» как наиболее широкому, включающему в себя и преднамеренное умолчание, и случайный обрыв высказывания. Кроме того, термин «недосказ» нейтрален с точки зрения истории лингвистики: в отличие от терминов «умолчание» и «апозиопезис», он не принадлежит ни к области литературоведческих исследований, ни к области стилистики определенного языка. Поэтому использование понятия «недосказ» в исследовании в рамках общей теории языка позволит избежать разночтений.

В данной работе мы исследуем недосказ только на уровне высказывания. Умолчание как элемент фабулы художественного произведения должен быть изучен, на наш взгляд, в рамках работы по литературоведению.

В английском языке для обозначения фигуры речи, состоящей в обрыве высказывания, недоговоренности, недомолвке, используется один термин – *aprosiopesis*, восходящий корнями к древнегреческой риторике [The Merri-

am-Webster Dictionary 2017], в то время как во французском используются два сходных понятия: аналогичное английскому *apostrophe* и *reticence*, имеющее значение умолчания, колебания, сокрытия. Последнее сходно с понятием умолчания в русской филологии и по значению несколько шире первого. Термин *reticence* означает как намеренное опущение информации, которая должна быть озвучена согласно логике повествования, так и недосказанность в результате сомнения, колебания, неспособности говорящего определить свое отношение к предмету речи [Trésor de la Langue Française Informatisé 2017]. Понятие *reticence* может быть отнесено и к фабуле художественного произведения, и к философско-творческой позиции автора.

В тексте графическим выражением недосказа зачастую служит знак многоточия или тире (что характерно для английского языка). Однако недосказ может быть выражен и эллиптическим предложением, как, например, у Э. Энрайт в романе «Собрание»:

“And I remember the coolness of the cut.

And after a while.

After a while, the distant world came seeping back, beading at the edges, thick and red; rising up to join and flood the gap, then spilling slowly over the lip of flesh, with one engorged, delicious drop” /

«И я помню прохладу разреза.

И через некоторое время.

Через некоторое время отдалившийся мир вернулся, просочившись назад бисером на краях, толстых и красных; поднимаясь, чтобы соединиться и затопить промежуток, а затем перелить через губу плоти одну набухшую, восхитительную каплю» [Enright 2007: 169].

В живой речи недосказ зачастую используется совместно с определенной мимикой и жестикуляцией. Интонация, в свою очередь, тоже в значительной мере раскрывает смысл опущенной части высказывания.

В художественном тексте же само использование недосказа указывает на сильное эмоциональное возбуждение говорящего и побуждает читателя догадаться о его невысказанных намерениях.

Таким образом, изучив различные способы трактовки понятия «недосказ» и примеры его использования в художественных текстах, мы можем сделать вывод о том, что этот стилистический прием, состоящий в прерывании речи и оставлении какой-либо темы, может быть обусловлен целым рядом причин как внутреннего, так и внешнего характера и выполнять разнообразные функции в зависимости от намерений говорящего.

Нам представляется целесообразным обращение к теории когнитивной лингвистики в дальнейшем исследовании недосказа, поскольку именно такой подход позволит глубже проанализировать процессы его порождения и понимания, выявить причины, лежащие в основе существования его разновидностей. Когнитивные основы исследования недосказа будут рассмотрены в следующем параграфе данной работы.

1.2.3. Когнитивные основы исследования недосказа

Функция недосказа состоит в повышении эмоциональности речи и мобилизации контекстуального воображения читателя. В своей статье «Фигура умолчания в русской литературе» Р.Г. Назиров пишет, что «...вследствие умолчания внимание реципиента *тем более* концентрируется на том, что замалчивается; прерванную мысль контекст обычно позволяет реконструировать до цельности. Таким образом, умолчание не создает тайны, а служит средством акцентирования того, о чем прямо *не сказано*» [Назиров 1998: 57].

Когнитивный подход подразумевает изучение недосказа в качестве специфического инструмента смыслообразования. Английский филолог Э. Талер отмечает, что наиболее выразительный драматический эффект дости-

гается У. Шекспиром, выдающимся мастером слова, благодаря отсутствию слов [Thaler 1999: 27]. Так, в трагедии «Король Лир» именно недосказ используется для выражения высочайшей степени эмоционального накала:

“I will have such revenges on you both
That all the world shall – I will do things –
What they are yet, I know not; but they shall be
The terrors of the earth!” [Shakespeare 2014: 89] /

«Нет, ведьмы, нет! Я отомщу вам так,
Что вся земля... Я сотворю такое...

Еще не знаю, что... Но дрогнет мир» (перевод с английского О. Сорочки) [Шекспир 1990: 173].

В работе А.А. Шевцовой, посвященной исследованию метафоризации в качестве смыслообразовательного средства на материале литературных сказок, недосказ отнесен к синтаксическим средствам непрямой номинации, так же, как и эллипс, асиндетон, синтаксическая тавтология, многосоюзие и другие [Шевцова 2004: 61]. В данном случае метафоризация трактуется как совокупность средств непрямой номинации и рассматривается как наиболее эффективное средство пробуждения рефлексии реципиента. По свидетельству С.Л. Ериловой, средства непрямой номинации, как и собственно метафора, являющаяся тропеическим средством, «затрагивают те же аспекты процессов понимания, связанные с осуществлением серии рефлексивных переходов для восстановления значений, смыслов и всей ситуации создания текста, что и метафора *proper*, следовательно, обладают равным с метафорой потенциалом смыслоконструирования» [Ерилова 2003: 22]. Именно в метафорах, по словам Н.Ю. Бородулиной, концептуализируются знания человека о картине мира и все типы соотношений ее фрагментов с воспринимающим эту картину субъектом [Бородулина 2003].

В.Ю. Шаповалова изучает особенности функционирования недосказа на трех различных этапах восприятия текста, к которым относит собственно восприятие, понимание и интерпретацию, и выявляет соответствующие его

функции: изобразительную, функцию актуализации и смысловую [Шаповалова 2013: 84].

Первичный этап восприятия текста связан с изобразительной функцией недосказа, когда реципиент впервые знакомится с реальностью, изображенной с помощью средств языка, и сопоставляет ее с собственным опытом. Более частотные средства изображения реальности способствуют более легкой материализации ее реципиентом. Недосказ является одним из наиболее предсказуемых смыслообразовательных инструментов, так как часто встречается в разговорной речи. Значение недоговоренности в определенном контексте раскрывается без особого труда. В изобразительную функцию недосказа включается также и культурная функция, поскольку нередко опускаются высказывания, сопряженные с определенными табу, накладываемыми обществом. Кроме того, изобразительная функция недосказа содержит в себе также функцию эмпатии, так как способствует самоотождествлению читателя с персонажем художественного текста. Дж. Джойс в рассказе «Сестры» использует недосказ при упоминании о смерти героя:

“Did he... peacefully?” /

«Он... мирно?» [Joyce 2012: 40].

В.Ю. Шаповалова отмечает, что на этапе понимания текста включается следующая функция недосказа – функция актуализации. Нестандартность языковой формы пробуждает рефлекссию реципиента. С.В. Соловьева указывает на то, что реципиент воспринимает актуализированные стилистические средства как нарушение ожиданий. Возникает состояние проблематизации, выйти из которого можно только с помощью рефлексии [Соловьева 2005: 105-106]. И чем неожиданнее обрыв высказывания, тем больше мыслей о невысказанном он вызывает. Ярчайший пример такого воздействия недосказа находим у Дж. Джойса в романе «Улисс»:

“All quiet on Howth now. The distant hills seem. Where we. The rhododendrons. I am a fool perhaps” [Joyce 1985: 145] /

«Все тихо сейчас на мысе Хоут. Дальние холмы кажутся. Где мы. Родендроны. Я, наверное, дурак» (*перевод с английского С. Хоружего*) [Джойс 2013: 521].

Конструкции, используемые автором, нарушают нормы языка и вследствие этого активизируют рефлексию реципиента.

Благодаря средству актуализации реципиент переходит от репродуктивных действий к продуктивным, результатом которых становится рождение нового смысла на основе анализа прошлого социокультурного опыта и сравнения его с данной коммуникативной ситуацией. Таким образом проявляется смысловая функция недосказа. Новый смысл, который возникает в результате рефлексии, уникален для каждого реципиента, поскольку непосредственным образом связан с индивидуальностью читателя и его неповторимым опытом.

Смыслообразовательная функция недосказа реализуется в художественном тексте на двух уровнях. Первый – это коммуникация между автором и читателем текста, а второй – это дискурсивная стратегия персонажа художественного текста. При этом читатель осуществляет работу по осмыслению недосказа на обоих уровнях.

Итак, недосказ в художественном тексте функционирует как средство смыслообразования и при создании значений автором, и при раскрытии их читателем. Разные этапы восприятия текста последовательно раскрывают разные аспекты смыслообразовательной функции недосказа.

Нам представляется обоснованным использование такой динамической когнитивной структуры, как фрейм-сценарий, для описания процессов порождения и понимания недосказа. В следующем параграфе будет раскрыто понятие фрейма-сценария, и рассмотрены различные подходы к его изучению в отечественной и зарубежной когнитивистике.

1.2.4. Фрейм-сценарий как способ описания когнитивных процессов порождения и понимания недосказа

В когнитивной лингвистике ключевым понятием, используемым для описания процессов и способов категоризации знаний, является фрейм. По мнению О.С. Разумовского, «фреймы не только описывают существеннейшие аспекты онтологии изучаемой реальности или даже всего бытия, но также снабжают науку определенным строительным материалом, каркасами и блоками для сооружения всего целого, т.е. теоретического знания, или здания науки...» [Разумовский 2001: 67]. Понятие фрейма является интердисциплинарным, объединяющим различные направления языкознания, антропологию и психологию.

По мнению Н.Н. Болдырева, фрейм служит «для обозначения структурированных концептов; он входит в состав концепта, который, в свою очередь, используется для представления любых единиц знания, в том числе неструктурированных» [Болдырев 2004: 29]. Исследователь трактует фрейм как «объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации» [Болдырев 2001: 36]. Являясь видом концепта, фрейм выступает в качестве родового понятия для ряда таких явлений, как схема, скрипт, сценарий, фрейм-сценарий.

Термин «фрейм» был впервые введен М. Минским в ходе работы по исследованию искусственного интеллекта. Раскрывая сущность этого понятия, ученый писал, что «человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую нами фреймом, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных частей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений и процессов» [Минский 1979].

Согласно определению М.Л. Макарова, «фрейм – это такая когнитивная структура в феноменологическом поле человека, которая основана на

вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов» [Макаров 2003: 175].

По М. Минскому, фрейм – это сеть, состоящая из узлов и определенных связей между этими узлами. Верхние (суперординатные) узлы сформированы понятиями, которые всегда справедливы относительно рассматриваемой ситуации, и в силу этого четко детерминированы. Нижние (субординатные) узлы представляют собой множество вершин-терминалов («слов»), которые заполняются частными данными на основе конкретной ситуации. Типичной особенностью терминала является возможность постановки условий, которым должны удовлетворять характеристики ситуации, с помощью специальных маркеров [Минский 1980].

Фрейм трактуется исследователями как статическая структура представления знаний в отличие от фрейма-сценария – динамической структуры, характеризующейся наличием базового элемента – элемента действия и темпоральными и казуальными связями между отдельными элементами. Согласно определению М. Минского, фрейм-сценарий – это типовая структура некоего действия или события, включающая характерные элементы этого действия и непосредственно связанная с ситуацией [там же]. По свидетельству Р. Шенка и Р. Абельсона, фрейм-сценарий содержит элементы, отождествляемые с вопросами, типичными для данной ситуации, ответы на которые способствовали бы пониманию этой ситуации. Фрейм-сценарий, следовательно, является набором вопросов, которые следует задать в связи с рассматриваемой ситуацией, и вариантов ответа на эти вопросы [Schank, Abelson 1977].

В.З. Демьянков отмечает, что фреймы-сценарии формируются как результат интерпретации текста. Ключевые слова и тезисы текста составляют тематические («сценарные») структуры, извлекаемые из памяти в соответствии со стандартными, стереотипными значениями, присвоенными терминальным элементам [Демьянков 1996: 187].

Согласно определению Н.Н. Болдырева, фрейм-сценарий – «динамически представленный фрейм, разворачиваемая во времени определенная последовательность этапов, эпизодов» [Болдырев 2001: 37].

Понятие «фрейм-сценарий» объединяет значения терминов «фрейм» и «сценарий», поскольку, с одной стороны, состоит из фрейма и характерных для него слотов, а с другой стороны, имеет темпоральную структуру.

Н.А. Разливинская подчеркивает значение пропозиции как конституирующего элемента фрейма-сценария. Пропозиция представляет собой двух-элементную структуру и включает в себя логический субъект, или предмет мысли, и логический предикат, или признак, который приписывается данному предмету [Разливинская 2013].

Важной характеристикой фреймов является их конвенциональная сущность, позволяющая описывать то, что является типичным в конкретном обществе в определенный период его исторического развития. М.Л. Макаров приводит в качестве иллюстрации такой конвенциональности фрейм «семья», который по-разному реализован в сознании жителей французского города, вьетнамского села или чеченского аула: слоты, их количество и наполнение оказываются разными (члены семьи выполняют различные роли и имеют различные статусы, права и обязанности). Исследователь уделяет особое внимание когнитивным структурам, разыгрываемым в процессе коммуникативного общения. «Когнитивный образ ситуации взаимодействия в ее динамике, являясь общим знанием, функционирует в качестве одного из главных условий успешного акта общения, производства и интерпретации диалогического дискурса, шире – совместной деятельности» [Макаров 2003]. Такой когнитивный образ вмещает в себя знания о правилах, нормах, законах, ритуалах и ролях, реализуемых в ходе коммуникативной деятельности. Как правило, задействованные в речи социокультурные данные организуются в сознании участников коммуникации в виде фреймов-сценариев.

Изучение недосказа с точки зрения когнитивной лингвистики подразумевает анализ процессов, происходящих в сознании индивида как при по-

рождении недосказа, так и при его интерпретации. На наш взгляд, для описания этих процессов целесообразно использовать фрейм-сценарий, поскольку недосказ как средство смыслообразования подразумевает определенное речевое действие – обрыв высказывания, недоговоренность, недомолвку, для расшифровки которого требуется обращение к знаниям, организованным в виде фреймов. Создание и понимание недосказа, как и других средств непрямого номинации, возможно только при условии, что и продуцент, и реципиент дискурса существуют в рамках одного социокультурного контекста. Иными словами, в сознании всех участников коммуникации знания о недосказе организованы в рамках одних и тех же когнитивных структур. Описание и классификация этих структур входит в задачи данного исследования.

Выводы по главе I

1. Систематические научные исследования гендерных аспектов языка и коммуникации берут свое начало в феминистской лингвистике, зародившейся в 60-х годах XX века в связи с возникновением Нового женского движения в США и Германии. Феминистская критика языка была основана на философии постмодернизма, провозглашавшей языковую реальность в качестве основной, и направлена в первую очередь на выявление андроцентризма и гендерной асимметрии в языке. Более поздние эмпирические исследования выявили ряд методологических ошибок, допущенных феминистской критикой языка, и указали на несоответствие изучаемых фактов и глобальных обобщений. Исследования в области социолингвистики, развивавшейся параллельно с феминистской лингвистикой, обозначили относительность гендерных проявлений в языке и подчеркнули роль социокультурного контекста в коммуникации.

2. В отечественной лингвистике бурное развитие гендерных исследований начинается в середине 90-х годов XX века и характеризуется столк-

новением био- и социодетерминистского подхода и жаркой полемикой о сущности понятия «гендер». В современной науке гендер понимается как система взаимодействия между субъектами, обуславливающая формирование представлений о мужском и женском как категориях социального порядка. При достаточном уровне сформированности понятийного аппарата гендерной лингвистики, многие ученые указывают на недостаточную разработанность методологии, недостаток эмпирических данных и алгоритмов их интерпретации.

3. Одним из наиболее актуальных направлений является изучение гендера с точки зрения когнитивного подхода. Язык рассматривается одновременно как средство объективации гендерных стереотипов и как инструмент воспроизводства гендерных смыслов в процессе общения. Амбивалентная природа взаимосвязи гендера и языка, который служит как для формирования представлений о гендере, так и для их выражения, позволяет нам сделать вывод о существовании фемининного и маскулинного дискурсов.

4. Исследования проявлений фемининного и маскулинного дискурсов в художественном тексте восходят своими корнями к началу XX века. Однако среди ученых до сих пор нет единого мнения о существовании фемининного литературного стиля. Существуют два основных подхода к анализу художественных текстов в гендерном аспекте. Согласно первому, единственным возможным литературным стилем является маскулинный, в рамках которого вынуждены писать и женщины. Второй утверждает, что существует и фемининный литературный стиль. Характерные черты фемининного и маскулинного стиля в художественных текстах не отражены в научной литературе в силу недостатка эмпирических исследований в области гендерного дискурса.

5. Несмотря на то, что недосказ является одним из наиболее часто используемых средств смыслообразования, он по сей день остается одним из наименее исследованных. В отечественной лингвистике недосказ изучается в рамках трех основных направлений: литературоведение, стилистика, ког-

нитивистика. Отечественные исследования в области недосказа характеризуются многообразием и противоречивостью различных точек зрения, отсутствием четкой классификации и единой терминологии. Так, одновременно сосуществуют три термина, служащих для обозначения этого средства смыслообразования – «недосказ», «умолчание», «апозипезис», причем разные исследователи трактуют эти понятия неоднозначно.

6. Мы используем термин «недосказ» в качестве основного и понимаем его как недоговоренность, обрыв высказывания, происходящий как вследствие особого эмоционального состояния говорящего или изменения коммуникативной ситуации, так и намеренно, с целью создания определенного воздействия на слушателя. Наш выбор объясняется тем, что понятие «недосказ» представляется нам наиболее широким, поскольку включает в себя как преднамеренное умолчание, так и случайный обрыв высказывания. Более того, термин «недосказ» нейтрален с точки зрения истории лингвистики: он не принадлежит ни к области литературоведческих исследований, как «умолчание», ни к области стилистики английского языка, как «апозипезис». Поэтому использование этого понятия в исследовании позволит нам избежать разночтений.

7. С точки зрения когнитивного подхода недосказ изучается как специфическое средство смыслообразования, служащее для активации воображения реципиента. В художественном тексте недосказ выполняет функцию смыслообразования как при создании автором смыслов, так и при раскрытии их читателем. Для успешного понимания значения недосказа читатель должен не только разделять общую с автором текста картину мира, но и следовать определенным сценарным фреймам при раскрытии смысла высказывания.

8. Фрейм-сценарий является типовой структурой для некоего действия или события, включающей характерные компоненты этого действия и непосредственно связанной с ситуацией. Фреймы-сценарии всегда обусловлены контекстом и конвенциональны. Когнитивный образ ситуации взаимодейст-

вия в ее динамике является одним из главных факторов успешного коммуникативного акта. Процессы порождения и понимания недосказа реализуются в рамках определенного фрейма-сценария.

ГЛАВА II. ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА НЕДОСКАЗА

2.1. Гендерная специфика недосказа с точки зрения семантики

2.1.1. Фрейм-сценарий и функциональная типология недосказа

В данном параграфе будет раскрыт выявленный в ходе исследования общий фрейм-сценарий недосказа, а также частные случаи его реализации в дискурсе, которые ложатся в основу функциональной типологии недосказа.

В первой главе диссертации мы упоминали о классификации недосказа, предложенной Г. Лаусбергом. На наш взгляд, основная ценность данной классификации заключается в обращении к причинам возникновения недосказа в речи и тому воздействию, которое он оказывает на аудиторию. Другими словами, Г. Лаусберг применил когнитивный подход для выявления различных видов недосказа. Однако, по нашему мнению, он не обеспечил свою классификацию необходимым теоретическим обоснованием, что привело к недостаточно четким определениям. Так, Г. Лаусберг пишет, что прощитанный апозиопезис «основан на конфликте между содержанием опущенного высказывания и противостоящей силой, которая отвергает содержание этого высказывания» [Lausberg 1963: 395]. Сложно определить, что понимает исследователь под «противостоящей силой» – контекст, в рамках которого совершается речевой акт, мнение реципиента, фактические события... В силу указанных выше причин мы решили предложить собственную классификацию недосказа, основанную на современных понятиях когнитивной лингвистики.

Предложенная нами классификация недосказа основана на фрейм-сценарии, реализуемом в процессе порождения и понимания высказывания.

Важно отметить, что любой фрейм, в том числе и фрейм-сценарий, имеет конвенциональную природу, то есть основан на социально-

культурной информации, которую индивид приобретает в течение жизни в обществе. Соответственно, недосказ, созданный в рамках и по правилам определенного фрейма-сценария, может быть расшифрован только в рамках этого фрейма-сценария, характерного для конкретного языкового сообщества.

В своем исследовании мы анализировали примеры недосказа в литературных произведениях, опубликованных с 1999 по 2016 годы на русском, английском и французском языках. Современный уровень глобализации позволяет предположить, что культурологические различия в реализации фрейма-сценария недосказа в данном случае будут незначительны. Подробнее этот вопрос будет раскрыт в пункте 2.2.4.

Исследовав 622 контекста на русском, английском и французском языках, мы пришли к выводу, что процессы порождения и понимания недосказа строятся в соответствии с одним и тем же фреймом-сценарием, включающим в себя, в соответствии с теорией М. Минского, суперординатные (константные) узлы и слоты (вершины-терминалы). Если суперординатные узлы фрейма-сценария недосказа всегда неизменны, что обеспечивает идентификацию этого средства смыслообразования, то различное наполнение слотов обусловлено функциями недосказа в дискурсе и маркирует его различные типы. Наглядно эта структура показана в Таблице 1.

Таблица 1.

Общий фрейм-сценарий недосказа

Типы узлов	Наименование узла	Вопросы	Наполнение узла
Суперординатные (константные) узлы	Субъект	Кто?	Продуцент
	Предикат	Что делает?	Умалчивает (прерывает)
	Объект	Что?	Высказывание или его часть
	Адресат	Кому адресовано?	Реципиент
Слоты (вершины-терминалы)	Причина/Цель	По какой причине? Для чего?	Различное наполнение в зависимости от типа недосказа
	Способ	Как?	<ul style="list-style-type: none"> • Лексические средства; • грамматические средства

Мы предполагаем, что гендерная специфика недосказа проявляется на уровне слотов описанного выше фрейма и обуславливает их различное наполнение. Как было отмечено в пункте 1.1.4, исследуя речевые стратегии мужчин и женщин, Р. Лакофф и Д. Таннен пришли к выводу, что представители разных гендеров могут использовать как различные языковые средства для достижения одних и тех же коммуникативных целей, так и одни и те же языковые средства для достижения различных коммуникативных целей [Lakoff, Tannen 1994]. Логично предположить, что мужчины и женщины также используют различные лексические и грамматические средства для реализации одного типа недосказа и одни и те же лексические и грамматические средства для реализации разных типов недосказа.

На основании анализа примеров реализации выявленного нами фрейма-сценария в дискурсе были дифференцированы 7 функциональных типов

недосказа. Каждый из них предполагает специфическое наполнение вершин-терминалов. Ниже мы подробно рассмотрим каждый из этих типов.

1. **Недосказ, обусловленный всплеском эмоций**, предполагает, что мнимое или действительное эмоциональное перевозбуждение продуцента дискурса является причиной обрыва высказывания. Соответственно, для выражения недосказа такого типа будут использоваться особые лексические и грамматические средства, которые будут рассмотрены нами в дальнейшей работе. Фрейм-сценарий этого типа недосказа наглядно показан в Таблице 2.

Таблица 2.

Фрейм-сценарий недосказа, обусловленного всплеском эмоций

Типы узлов	Наименование узла	Вопросы	Наполнение узла
Суперординатные (константные) узлы	Субъект	Кто?	Продуцент
	Предикат	Что делает?	Умалчивает (прерывает)
	Объект	Что?	Высказывание или его часть
	Адресат	Кому адресовано?	Реципиент
Слоты (вершины-терминалы)	Причина	По какой причине?	Всплеск эмоций
	Способ	Как?	<ul style="list-style-type: none"> • Лексические средства; • грамматические средства

Недосказ вследствие переизбытка эмоций очень часто встречается в разговорной речи. Именно поэтому писатели охотно пользуются этим приемом для того, чтобы показать эмоциональное возбуждение героя.

В качестве примера можно привести отрывок из романа Л. Улицкой «Искренне Ваш Шурик», в котором главный герой, случайно попавший в

класс рисования обнаженной натуры, в сильнейшем смущении пытается оправдать свое присутствие там:

«— Я случайно... Я Полинковского искал... – пролепетал Шурик, наливаясь малиновым цветом [Улицкая 2016: 58].

В устной речи этот вид недосказа сопровождается характерными невербальными признаками волнения: порывистыми жестами, учащенным дыханием, бледностью или румянцем. В художественных текстах автор нередко дополняет недосказ описанием эмоционального состояния персонажа. И. Макьюэн в романе «Искушение» повествует о первой влюбленности героини и о ее признании:

“She brought herself under control and said, “It’s been there for weeks...” /

Она взяла себя в руки и сказала: «Это происходит уже несколько недель...» [McEwan 1999: 33].

Недосказ, обусловленный переизбытком эмоций, является одним из самых распространенных фреймов-сценариев недосказа как в фемининном, так и в маскулинном дискурсах.

Разочарование героя новеллы А. Гавальды «Отпуск», приехавшего в родной город во время службы в армии и с нетерпением ожидающего встречи с родными, изображается также с помощью недосказа:

“Personne à la gare de Corbeil... ça c’est plus raide. Ils ont peut-être oublié que j’arrivais ce soir...” /

«Никого на вокзале Корбей... это очень жестоко. Может быть, они забыли, что я должен был приехать сегодня вечером...» [Gavalda 1999: 23].

2. **Недосказ вследствие перебива** также характерен прежде всего для разговорной речи. Перебив является четким индикатором социальных взаимоотношений: он возможен только в том случае, если один из говорящих обладает более высоким социальным статусом и считает себя вправе перебить другого. Фрейм-сценарий недосказа данного типа раскрыт в Таблице 3. Лексические и грамматические средства выражения недосказа вследствие перебива будут рассмотрены далее.

Фрейм-сценарий недосказа вследствие перебива

Типы узлов	Наименование узла	Вопросы	Наполнение узла
Суперординатные (константные) узлы	Субъект	Кто?	Продуцент
	Предикат	Что делает?	Умалчивает (прерывает)
	Объект	Что?	Высказывание или его часть
	Адресат	Кому адресовано?	Реципиент
Слоты (вершины-терминалы)	Причина	По какой причине?	Перебив
	Способ	Как?	<ul style="list-style-type: none"> • Лексические средства; • грамматические средства

Интересный пример недосказа вследствие перебива встречаем в повести И. Макьюэна «Искупление», где хозяйка дома говорит с внезапно появившимися на пороге солдатами:

“C’est impossible, M’sieur. Vous ne pouvez pas rester ici.”

“We’ll be staying in the barn. We need water, wine, bread, cheese and anything else you can spare.”

“Impossible!”

He said to her softly, “We’ve been fighting for France.”

“You can’t stay here.”

“We’ll be gone at dawn. The Germans are still...”

“It’s not the Germans, M’sieur. It’s my sons. They are animals. And they’ll be back soon” /

– Это невозможно, месье. Вы не можете оставаться здесь.

– Мы ночуем в сарае. Нам нужна вода, вино, хлеб, сыр, и все, чем Вы могли быть снабдить нас.

– Невозможно!

Он мягко сказал ей:

– Мы сражаемся за Францию.

– Вы не можете оставаться здесь.

– Мы уйдем на рассвете. Немцы все еще...

– Дело не в немцах, месье. Это мои сыновья. Они звери. И они скоро вернуться [McEwan 1999: 47].

Согласно исследованиям, в смешанных компаниях мужчины перебивают женщин чаще, чем женщины мужчин [Беляева 2004]. Однако в данном случае женщина действует на правах хозяйки, поэтому чувствует свое превосходство и открыто проявляет его в разговоре.

Перебив зачастую появляется вследствие несогласия с собеседником. Содержание коммуникативного сообщения отрицается, как только распознается реципиентом. Для этого оно необязательно должно быть артикулировано полностью.

– Свои лучше, чем чужие. – Я оглядел книги на полках, камин, прекрасную зеленую лампу... – Ты ж меня знаешь. А тут неизвестно кто...

– Вообще-то известно кто, – пробурчал Валька [Галина 2011: 3].

Перебив возникает также в том случае, если основное содержание сообщения осмыслено реципиентом, и нет необходимости дослушивать высказывание. В этом случае согласие или несогласие с содержанием сообщения может не высказываться открыто, но, как правило, присутствует эмоциональная реакция со стороны слушающего, побуждающая его прервать речь собеседника.

“Je me souviens que tu t’étais collé des paillettes sur les joues le soir de la boum et qu’avec Rebecca, vous aviez fait un spectacle sur la musique de Grease...

– Oh la la, mais c’est pas croyable la mémoire que t’as!!!” /

«Я помню, что ты наклеила блестки на щеки в прощальный вечер, и что вместе с Ребеккой вы исполняли номер под музыку из фильма «Бриолин»...

– Вот это да, у тебя невероятная память!!!» [Gavalda 1999: 46].

3. *Недосказ из уважения к аудитории.*

Как и другие виды, недосказ из уважения к аудитории является конвенциональным. Первым условием для появления такого вида недосказа в речи является то, что высказывание должно затрагивать тему, которая по тем или иным причинам табуирована в данном обществе. В современной европейской культуре это может быть тема смерти, половой близости или физических отклонений. Зачастую опускается нецензурная лексика. Вторым непременным условием появления такого вида недосказа является уважение продуцента к аудитории, которое заставляет его умолчать о явлении, подлежащем табуированию. В Таблице 4 показан фрейм-сценарий этого типа недосказа.

Таблица 4.

Фрейм-сценарий недосказа из уважения к аудитории

Типы узлов	Наименование узла	Вопросы	Наполнение узла
Суперординатные (константные) узлы	Субъект	Кто?	Продуцент
	Предикат	Что делает?	Умалчивает (прерывает)
	Объект	Что?	Высказывание или его часть
	Адресат	Кому адресовано?	Реципиент
Слоты (вершины-терминалы)	Причина	По какой причине?	<ul style="list-style-type: none"> • Тема высказывания табуирована; • продуцент проявляет уважение к реципиенту.
	Способ	Как?	<ul style="list-style-type: none"> • Лексические средства; • грамматические средства

В качестве примера можно привести отрывок из уже упоминавшегося нами романа Л. Улицкой «Искренне Ваш Шурик»:

«То, что Леночку его боготворимую, белую, чистую будет... вот именно, что слова не мог подобрать обкомовский секретарь, отлично знающий по своей начальствующей повадке все слова от А до Я, которыми можно было прибить козявку... да что там, невозможно было и слово найти, соединяющее его дочь и черного мужика в интимном пространстве брака, когда от одного того, что будет он ее просто руками трогать, в виски начинало бить тяжким звоном» [Улицкая 2016: 62].

Героиня романа Э. Энрайт «Собрание» не может озвучить чувства, которые вызывает в ней предстоящий полет с телом умершего мужа:

“I can’t take the flight with him,” I say. “It’s just too...” /

«Я не могу лететь с ним, – говорю я. – Это слишком...» [Enright 2007: 98].

В новелле «Отпуск» А. Гавальда описывает щекотливую ситуацию, в которую попал главный герой. Перед тем, как сразиться с братом в настольный футбол, он окунул руки в пакет с мукой, чтобы те не скользили, и внезапно захотел в туалет. Неудобства, которые испытывал персонаж, изображаются при помощи недосказа:

“Se la tenir avec deux escalopes cordon-bleu, c’est pas ce qu’y a de plus pratique...” /

«Попробуй удержать двумя эскалопами-полуфабрикатами, это не очень-то удобно...» [Gavalda 1999: 69].

4. ***Недосказ вследствие сомнения*** в речи выражается так же, как недосказ, обусловленный наплывом эмоций. Однако нарушение синтаксической целостности высказывания в данном случае происходит не из-за эмоционального перевозбуждения говорящего, а потому, что содержание коммуникативного сообщения не может быть определено в силу когнитивных противоречий, происходящих в его сознании. Для того, чтобы отличить один сценарий от другого, необходим анализ контекста и, если возможно, анализ невербальных источников информации. Фрейм-сценарий недосказа вследствие сомнения раскрыт в Таблице 5.

Фрейм-сценарий недосказа вследствие сомнения

Типы узлов	Наименование узла	Вопросы	Наполнение узла
Суперординатные (константные) узлы	Субъект	Кто?	Продуцент
	Предикат	Что делает?	Умалчивает (прерывает)
	Объект	Что?	Высказывание или его часть
	Адресат	Кому адресовано?	Реципиент
Слоты (вершины-терминалы)	Причина	По какой причине?	Коммуникативное сообщение не определено
	Способ	Как?	<ul style="list-style-type: none"> • Лексические средства; • грамматические средства

Так, в романе Э. Энрайт «Собрание» главная героиня не может ответить на вопрос, во что она была одета в памятный день много лет назад:

“I was wearing...” It was a long time ago, I cannot remember what I was wearing. I say, “I was wearing a blue dress” /

«На мне было...» Это было давно, и я не помню, во что я была одета. Я говорю: «На мне было синее платье» [Enright 2007: 90].

Данный тип недосказа нередко сопровождает процесс размышления, происходящий в реальном времени:

«Ну да, это можно взять за основу. Но, конечно, придется подгонять под клиента. Переехал сюда откуда-то... хм... ну, предположим, с континента» [Галина 2011: 1].

“Malheureusement j’ai perdu ces importantes pièces à conviction. Où est passé le cahier Clairefontaine où j’ai écrit pour la première fois...” /

«К сожалению, я потерял эти важные вещественные доказательства. Куда подевалась эта клерфонтеновская тетрадь, в которой я написал в первый раз...» [Beigbeder 2009: 11].

5. Недосказ как выражение импликации.

Импликация в лингвистике – достаточно сложное явление, не нашедшее однозначной интерпретации. В научной литературе по этой проблеме встречаются определения импликации как невыраженного смысла, вывода и как невыраженности логико-смысловых связей между двумя и более высказываниями (И.В. Арнольд, Л.В. Лисоченко, Г.В. Чернов). В нашем исследовании импликация понимается как дополнительный смысл, возникающий в микроконтексте и не указанный непосредственно значениями соположенных единиц языка [Умерова 2005]. Опускание части высказывания служит прежде всего для привлечения внимания реципиента, как прямое указание на то, что значение коммуникативного сообщения шире и глубже, чем кажется на первый взгляд. В Таблице 6 показан фрейм-сценарий данного типа недосказа.

Недосказ как выражение импликации можно спутать с недосказом из уважения к аудитории, однако последнее легко идентифицировать на этапе восстановления опущенной части высказывания. В случае импликации тема высказывания, как правило, не является табуированной.

Фрейм-сценарий недосказа как выражения импликации

Типы узлов	Наименование узла	Вопросы	Наполнение узла
Суперординатные (константные) узлы	Субъект	Кто?	Продуцент
	Предикат	Что делает?	Умалчивает (прерывает)
	Объект	Что?	Высказывание или его часть
	Адресат	Кому адресовано?	Реципиент
Слоты (вершины-терминалы)	Цель	Для чего?	Активизация воображения реципиента
	Способ	Как?	<ul style="list-style-type: none"> • Лексические средства; • грамматические средства

Яркий пример такого вида недосказа мы находим в повести А. Дмитриева «Крестьянин и тинейджер»:

«Пусть злые слова ветеринара, что, дескать, Саня в Сагачах – бесплатная прислуга, забылись ввиду и подлости, и глупости всех этих слов, все ж мучил факт: ветеринар в Селихнове бывает, и не всегда же он, когда бывает, сидит там пьяный в луже. И не затем он там бывает, а вот зачем он там бывает, долго гадать не приходилось...» [Дмитриев 2012: 48].

Необычайно драматично описывает И. Макьюэн тоску солдат по дому, по нормальной человеческой жизни в романе «Искупление». Все мечты, планы, обещания себе самому концентрируются в недосказанной фразе:

“When the wounded were screaming, you dreamed of sharing a little house somewhere, of an ordinary life, a family line, connection. All around him men were walking silently with their thoughts, reforming their lives, making resolutions. If I ever get out of this lot...” /

«Когда кричали раненые, ты думал о том, чтобы делить с кем-нибудь где-нибудь маленький дом, об обычной жизни, семейной линии, связи. Все мужчины вокруг него тихо бродили, погруженные в свои мысли, реформируя свои жизни, раздавая зарюки. Если я когда-нибудь выберусь из всего этого...» [McEwan 1999: 59].

Имплицирован с помощью недосказа может быть как целый спектр возможных значений, так и вполне конкретное сообщение, легко восстанавливаемое с помощью контекста. Последний вариант является более распространенным как в разговорной речи, так и в художественных текстах. Для правильной расшифровки недосказа такого типа крайне важно, чтобы и продуцент, и реципиент дискурса находились в одном социокультурном контексте. Так, в новелле А. Гавальды «Выкидыш» случайная знакомая обращается к беременной героине с просьбой прикоснуться к ее животу, поскольку во Франции считается, что это приносит счастье.

“Dans un geste d’une spontanéité totale, elle a posé ses mains bien à plat sur son ventre et elle a dit: «Je peux?.. On dit que ça porte bonheur...” /

«Абсолютно спонтанным движением она положила обе руки плашмя на ее живот и сказала: «Я могу?.. Говорят, это приносит счастье...» [Gavalda 1999: 119].

Подобное высказывание, как и жест говорящей, не были бы поняты в России, где суеверие гласит, что посторонняя женщина ни в коем случае не должна прикасаться к животу беременной. При этом драматизм ситуации состоит в том, что главная героиня рассказа уже знает, что плод в ее теле мертв, и вскоре ей предстоит операция. Ее мечты, ожидания, приятные фантазии столкнулись с трагической реальностью, и на этом фоне упоминание о счастье приобретает характер жестокой иронии.

б. Недосказ, служащий для усиления последующего высказывания, близок к описанному выше, однако, в данном случае продуцент самостоятельно восстанавливает опущенную часть высказывания. Возникшая в речи пауза привлекает внимание реципиента и, как и в предыдущем случае,

активизирует его воображение. При этом продуцент впоследствии восстанавливает опущенную часть высказывания самостоятельно, подчеркивая тем самым созданное значение. Фрейм-сценарий недосказа данного типа раскрыт в Таблице 7. Лексические и грамматические средства, используемые для реализации такого типа недосказа, будут рассмотрены нами в ходе дальнейшего исследования.

Таблица 7.

Фрейм-сценарий недосказа, служащего для усиления последующего высказывания

Типы узлов	Наименование узла	Вопросы	Наполнение узла
Суперординатные (константные) узлы	Субъект	Кто?	Продуцент
	Предикат	Что делает?	Умалчивает (прерывает)
	Объект	Что?	Высказывание или его часть
	Адресат	Кому адресовано?	Реципиент
Слоты (вершины-терминалы)	Цель	Для чего?	Усиление последующего высказывания
	Способ	Как?	<ul style="list-style-type: none"> • Лексические средства; • грамматические средства.

Недосказ для усиления последующего высказывания активно использует Л. Улицкая в романе «Искренне Ваш Шурик»:

«Многие часы провела маленькая Аля на вокзале в состоянии углублённой рассеянности, как буддийский созерцатель мудрого неба или вечно текущей воды. Она не умела ни задать вопроса, ни ответить, одно только

взлелеяла она в себе, сидя на корточках возле мусорной урны: однажды она наденет на себя туфли на каблуках, возьмет в руку чемодан и уедет отсюда куда-то, неизвестно куда... в другую жизнь, которой она дерзко возжелала» [Улицкая 2016: 37].

Следующее за недосказом предложение может как обобщать предыдущую информацию, так и опровергать ее. В любом случае, недоговоренность и последующее сообщение вступают во взаимодействие, пробуждая рефлексию реципиента.

“But Adrian didn’t agree. Perhaps if it had been a different woman... or perhaps not – Alex had testified to Adrian’s exalted state the last time they’d met”/

«Но Эдриан не согласился. Может быть, если бы это была другая женщина... или нет – Алекс отметил возбужденное состояние Эдриана, когда они встречались в последний раз» [Barnes 2011: 35].

Полный драматизма пример недосказа, усиливающего последующее высказывание, в сочетании с импликацией находим у А. Гавальды в новелле «Этот мужчина и эта женщина»:

“Elle se souvient de cette scène épouvantable quand elle avait parlé d’adoption... Mais elle pense aussi à ce petit tailleur vert qu’elle a entraperçu l’autre jour dans la vitrine de chez Cerruti” /

«Она помнит эту ужасную сцену, когда она заговорила об усыновлении... Но она также думает о том маленьком зеленом костюмчике, который она заметила недавно в витрине Черрути» [Gavalda 199: 244].

7. Транзитиво-апозиопезис.

Название этого вида недосказа позаимствовано нами из классификации Г. Лаусберга и, на наш взгляд, наиболее точно отражает его суть [Lausberg 1963: 397]. Транзитиво-апозиопезис служит для перехода от одной темы к другой и употребляется в тех случаях, когда тема высказывания мо-

жет быть продолжена, но не имеет принципиального значения для общего хода повествования, и поэтому прерывается. Фрейм-сценарий рассматриваемого нами типа недосказа наглядно показан в Таблице 8.

Таблица 8.

Фрейм-сценарий транзитио-апозиопезиса

Типы узлов	Наименование узла	Вопросы	Наполнение узла
Суперординатные (константные) узлы	Субъект	Кто?	Продуцент
	Предикат	Что делает?	Умалчивает (прерывает)
	Объект	Что?	Высказывание или его часть
	Адресат	Кому адресовано?	Реципиент
Слоты (вершины-терминалы)	Причина	По какой причине?	Переход к другой теме
	Способ	Как?	<ul style="list-style-type: none"> • Лексические средства; • грамматические средства

В качестве примера можно привести отрывок из повести И. Макьюэна «Искупление»:

“The major had not grasped that he was being mocked. He seemed to think that it was Turner who had spoken, for the little speech that followed was addressed to him.

“The retreat is a bloody shambles. For heaven’s sake, man. This is your one last good chance to show what we can do when we’re decisive and determined. What’s more...” He went on to say a good deal more, but it seemed to Turner that a muffling silence had descended on the bright late morning scene” /

«Майор не понял, что над ним смеялись. Казалось, он думал, что это говорил Тернер, потому что именно ему была адресована последовавшая речь.

– Отступление – это чертово бегство. Ради Бога, приятель. Это твой последний шанс показать, что мы можем сделать, когда настроены решительно. Более того...

Он продолжал и сказал еще много всего, но Тернеру казалось, что оглушительная тишина опустилась на яркую сцену позднего утра» [McEwan 1999: 54].

Транзитиво-апозиопезис часто следует за перечислением однотипных явлений, список которых может быть продолжен, но не представляет особенного интереса ни для говорящего, ни для слушающего.

«И разговаривать с посторонним человеком мне будет совсем невмоготу, а люди это чувствуют. По микродвижениям, по взгляду, уходящему вбок, по... Чувствуют, сами не сознавая, в чем дело» [Галина 2011: 1].

“– À chaque fois, tous mes potes viennent, c’est de la folie furieuse. On picole, on chante, on danse sur les tables... Et cette année, nous aurons une Française parmi nous” /

«Каждый раз приходят все мои приятели, это буйное помешательство. Мы пьем, поем, танцуем на столах... А в этом году среди нас француженка» [Martin-Lugand 2012: 45].

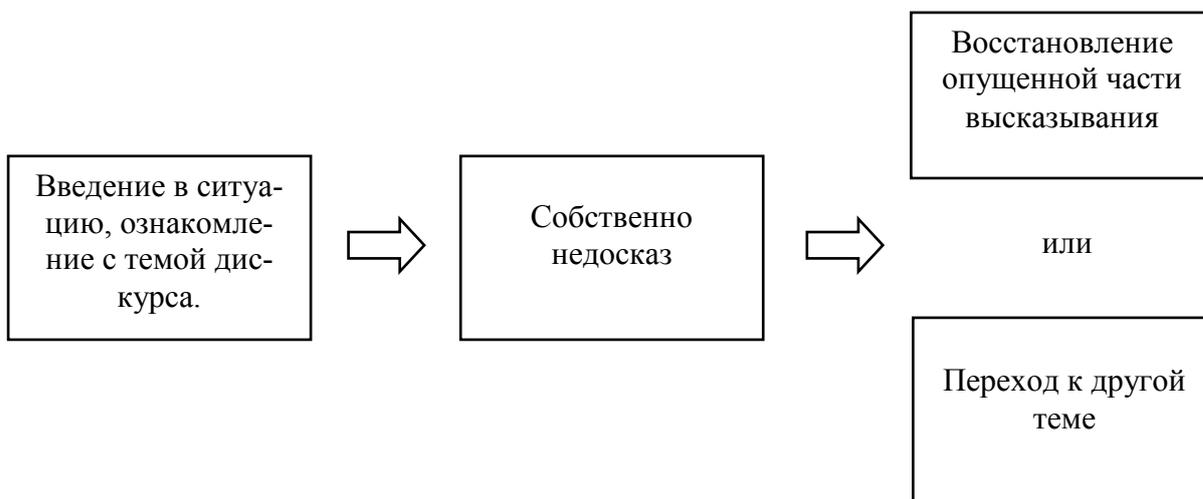
Неотъемлемой частью фрейма-сценария является его темпоральная структура, описывающая развертывание изучаемого явления во временном контексте. Темпоральная структура фрейма-сценария недосказа может быть представлена следующим образом:

1. Введение в ситуацию, ознакомление с темой дискурса.
2. Собственно недосказ.
3. Восстановление опущенной части высказывания или переход к другой теме.

Схематически темпоральную структуру фрейма-сценария недосказа можно представить так:

Схема 1.

Темпоральная структура фрейма-сценария недосказа

Необходимо отметить, что если второй этап описанной выше структуры может быть осуществлен только продуцентом дискурса, то первый и третий может быть реализован как продуцентом, так и реципиентом.

Таким образом, процессы порождения и понимания недосказа осуществляются в рамках фрейма-сценария, включающего в себя как константные узлы, необходимые для идентификации изучаемого явления, так и переменные (слоты, или терминалы), заполняемые различными значениями в зависимости от функций, выполняемых недосказом в дискурсе. Мы выделили семь функциональных типов недосказа.

Неотъемлемой характеристикой любого фрейма является его конвенциональность. Для нормального функционирования фрейма-сценария недосказа реципиент должен хорошо ориентироваться в социокультурном пространстве продуцента (и наоборот). Это справедливо для каждого из функциональных типов недосказа.

Следующий пункт данного исследования будет посвящен семантическим особенностям реализации недосказа в речи женских персонажей современных писателей, непосредственно связанным с функциональными типами недосказа, которые наиболее часто встречаются в фемининном дискурсе.

2.1.2. Семантические особенности реализации недосказа в речи женских персонажей современных писателей

В ходе исследования мы вычленили 275 контекстов, содержащих недосказ в высказываниях литературных персонажей женского пола, в том числе 101 контекст на русском языке, 98 контекстов на английском и 76 – на французском языках. Эти материалы были проанализированы на соответствие одному из семи функциональных типов недосказа, описанных в предыдущем пункте данной работы. В качестве материала исследования использовались произведения современных писателей, опубликованные в период с 1999 по 2016 годы. Среди них: «Искренне Ваш Шурик» Л. Улицкой (2016), «Крестьянин и тинейджер» А. Дмитриева (2012), «Письмовник» М. Шишкина (2010), «Медведки» М. Галиной (2011), «Предчувствие конца» Дж. Барнса (2011), «Искупление» И. Макьюэна (1999), «Собрание» Э. Энрайт (2007), «Билл среди людей» Д. Лессинг (2000), «P.S. Я люблю тебя» С. Ахерн (2004), «Счастливые люди читают книжки и пьют кофе» А. Мартен-Люган (2013), «Французский роман» Ф. Бегбедера (2009), сборник новелл А. Гавальды «Мне бы хотелось, чтоб меня кто-нибудь где-нибудь ждал» (1999), «Торопливые истории» (2007) и «Соглашения» (2009) Б. Фрио.

Статистика, полученная в ходе количественного анализа, наглядно представлена на следующей диаграмме:

Типы недосказа в высказываниях женщин

Как видно из диаграммы, наиболее часто встречающимся в высказываниях женских литературных персонажей типом является *недосказ, обусловленный всплеском эмоций*, – 25% от общего количества. Характерный пример встречаем в новелле А. Гавальды «На протяжении лет», где смертельно больная женщина решает позвонить мужчине, в которого была когда-то влюблена:

“Je ne sais pas si c’est une bonne idée mais j’y pensé depuis un bout de temps... et je me disais que c’était vraiment une chose qui me ferait plaisir...” /

«Я не знаю, хорошая ли это идея, но я думала об этом достаточно долго... и я сказала себе, что это именно то, что доставило бы мне удовольствие...» [Gavalda 1999: 208].

Недосказом сопровождается и полный драматизма рассказ героини И. Макьюэна, подвергшейся насилию со стороны мужчины:

“He came up behind me, you see. He knocked me to the ground... and then... he pushed my head back and his hand was over my eyes” /

«Видишь, он подошел ко мне сзади. Повалил меня на землю... и потом... запрокинул мою голову назад, и его рука закрыла мне глаза» [McEwan 1999: 41].

Повторяющиеся обрывы в высказываниях придают повествованию живость и эмоциональность разговорной речи, усиливая трагизм ситуации.

Недосказ сопутствует выражению самых разных эмоций, начиная от волнения, смущения, страха и заканчивая гневом и негодованием.

«Она замахала руками, затрещала, обвалила на него ворох обрывчатых слов: скорей, пойдём, надо что-то делать, немедленно позвони маме, пусть бабушка едет сейчас же в приёмную комиссию...» [Улицкая 2016: 29].

Женщинам зачастую приписывается повышенная эмоциональность. Широко распространено мнение, что женское поведение зачастую иррационально и в большей мере обусловлено чувствами, нежели логикой. Наши наблюдения, выявляющие, что почти треть всех сценариев недосказа, встречающихся в женской речи, иллюстрируют наплыв эмоций, соответствуют стереотипным представлениям о женщине как о существе не в меру эмоциональном.

На втором месте по частоте появления в речи женских персонажей стоит *недосказ вследствие сомнения* – 21% от общего числа. Такая статистика весьма показательна и подтверждает наблюдения исследователей, выявляющие, что женщины склонны «смягчать» свою речь с помощью формулировок с семантикой сомнения и неуверенности. Недосказ как специфическое средство смыслообразования исключает возможность однозначного толкования высказывания, заставляет реципиента сомневаться в правильности буквальной трактовки.

Интересный пример такой семантики недосказа обнаруживаем в романе Л. Улицкой «Искренне Ваш Шурик». Мама и бабушка главного героя обсуждают пришедших к нему в гости девочек:

«Звуки, как на вокзале в очереди, а интеллигентные, кажется, девочки, – вздохнула Елизавета Ивановна. Потом помолчала, поиграла кончиками морщинистых пальцев и призналась, как будто нехотя, – но какие всё-таки прелестные... милые...» [Улицкая 2016: 17].

Многоточия после эпитетов, которыми Елизавета Ивановна «нехотя» награждает девочек, выдают ее сомнения в подобной характеристике и заставляют реципиента в свою очередь поставить под вопрос ее искренность. Выражаясь метафорически, недосказ нарушает устойчивость высказывания, подрывая его смысловой «фундамент» и образуя семантические «провалы». Восстанавливать эти «провалы» предстоит реципиенту.

В художественных текстах автор нередко сам дает пояснение к незавершенной фразе и расшифровывает недосказ героя как выражение сомнения:

“Oh, don't worry... we all need our time... to adjust... to things... you know?” Sharon looked at Holly to see if she had said the right thing or not” /

«О, нет, не беспокойся... нам всем нужно время... чтобы привыкнуть... к вещам... знаешь?» Шэрон посмотрела на Холли, желая понять, правильную вещь она сказала или нет» [Ahern 2004: 79].

“Elle dit qu'elle a bien un doute mais elle n'est pas sûre. “C'est quoi ce doute?” Ben... elle a bien cru voir une preuve de petit garçon non...?” /

«Она говорит, что у нее действительно есть подозрение, но она не уверена. «Что это за подозрение?» Ну... она, на самом деле, думала, что видела доказательство, что это маленький мальчик, нет...?» [Гавальда 1999: 98].

И, наконец, третьим по частоте появления в речи женских персонажей типом недосказа является *недосказ вследствие перебива* – 18% от общего

количества. Примечательно, что женщин чаще перебивают мужчины, чем другие женщины (27 случаев против 19 в анализируемых нами контекстах). А. Ю. Беляева, изучавшая речевое поведение мужчин и женщин, пришла к выводу, что мужчины склонны использовать тактику соперничества при общении, бороться за лидерство в процессе коммуникации [Беляева 2005]. Для мужчин важно удержать за собой право высказываться в течение долгого периода времени. Поэтому мужской разговор зачастую представляет собой цепочку перебивов, где каждый участник коммуникативного процесса пытается отстоять свое право на лидерство. Исследование А.Ю. Беляевой, проведенное на материале разговорной речи, выявило, что в смешанных группах мужчины чаще перебивают женщин [там же].

Перебив мужчины женщиной-собеседником, также, как и перебив старшего младшим, характерен для ситуаций неформального общения и практически отсутствует в официальной коммуникации. По наблюдениям А.Ю. Беляевой, перебив в исключительно женском коллективе воспринимается не так драматично, как перебив в мужском разговоре. Женщины зачастую не возражают против прерывания собственного повествования, поскольку для них важно дать собеседнику высказаться. Гипотеза А.Ю. Беляевой находит свое подтверждение и в исследуемых нами контекстах. Приведем отрывок из романа С. Ахерн «P.S. Я люблю тебя», в котором главная героиня по ошибке пришла в гости к мужчине раньше назначенного времени:

“Holly rolled her eyes. “Oh no, I'm sorry, I'll wander around town for a bit and come back later so,” she said, hopping off her stool.

“Hey, don't be silly.” He flashed his pearly whites. “The shops are all closed by now and you can keep me company, that's if you don't mind...”

“Well, I don't mind if you don't mind...”

“I don't mind,” he said firmly” /

«Холли округлила глаза. «О нет, извини, я немного поброжу по городу и вернусь попозже тогда», – сказала она, вскакивая с табуретки.

«Эй, не будь душой», – он сверкнул жемчужно-белыми зубами, – «Все магазины уже закрыты, и ты можешь составить мне компанию, если не возражаешь...»

«Ну, если ты не возражаешь...»

«Я не возражаю», – твердо сказал он» [Ahern 2004: 102].

Мы видим, как быстро мужчина-собеседник реагирует на прерывание свое высказывания ответным перебивом, причем его речь становится жесткой. Героиня, в свою очередь, не обнаруживает никакой неудовлетворенности из-за вынужденного обрыва высказывания. Напротив, она счастлива, что ей удалось прийти к единому мнению с собеседником, и не проявляет претензий на лидерство в разговоре.

Похожий пример встречаем в новелле А. Гавальды «Отпуск». Здесь главный герой достаточно жестко обрывает разговор, который пытается завязать его собеседница:

“Elle me dit:

– On était ensemble en colo. Aux Glénans, tu te souviens pas?..

– Nan, désolé”

Je secoue la tête et je les laisse en plan. Je vais me servir un truc à boire.” /

«Она мне говорит:

– Были вместе в летнем лагере. В Гленане, ты не помнишь?..

– Нет, извини» [Gavalda 1999: 36].

Как и в предыдущем примере, женщина с легкостью отдает лидерство в разговоре мужчине и не пытается снова взять инициативу в свои руки. Собеседник-мужчина при этом считает себя вправе прервать высказывание женщины, так как считает свою реплику более важной:

– Рашит все передал?.. Отлично. Ты погоди еще минутку: я допечатаю тут кое-что по делу, тогда – читай, чего тут для тебя...

– А что, нельзя было и мне так напечатать?» [Дмитриев 2012: 5].

Три вышеперечисленных функциональных типа недосказа наиболее ярко проявляются в речи женских литературных персонажей исследованных нами произведений. В целом они соответствуют представлениям о том, что женское речевое поведение ориентировано в первую очередь на приватное, неформальное общение, женщины более склонны к мягким, «обтекаемым» формулировкам, чаще обращаются к миру эмоций и в целом видят в собеседнике скорее друга, чем соперника.

Недосказ как выражение импликации, транзитиво-апозиопезис и недосказ, служащий для усиления последующего высказывания, встречаются в речи женских персонажей приблизительно с одинаковой частотой (11%, 12% и 11% соответственно).

Недосказ как выражение импликации широко используется женщинами в качестве эффективного средства убеждения. Так, в новелле А. Гавальды «Выкидыш» продавец убеждает главную героиню приобрести красивое, но дорогое платье для беременных:

“Quand elle en ressort, avec la robe au bras et l’hésitation au visage, la vendeuse lui dit: mais faites-vous plaisir! D’accord, ça ne sert pas longtemps mais quel bonheur...” /

«Когда она выходит с платьем в руке и с сомнением на лице, продавщица ей говорит: ну доставьте себе удовольствие! Конечно, оно не прослужит долго, но какое счастье...» [Gavalda 1999: 93].

Обрыв высказывания после слов «какое счастье» пробуждает воображение героини. Действительно, какое счастье надеть элегантное платье, подчеркивающее особое состояние женщины, пройтись по улице, встречая понимающие улыбки прохожих, а вечером удивить супруга своим новым нарядом. Недосказ провоцирует целый спектр ассоциаций и образов. Теперь героиня не сможет уйти без покупки, потому что приобретает здесь не просто платье, а свою надежду на счастье.

В романе С. Ахерн «P.S. Я люблю тебя» главная героиня переживает тяжелую депрессию после смерти мужа. Ей помогают вернуться к нормальной жизни письма, написанные супругом незадолго до смерти, в которых он, понимая, что скоро оставит ее, побуждает героиню заботиться о себе, продолжать жить, несмотря на утрату.

“There was nothing to eat. She smiled weakly as she shook the milk carton. Empty. Third on his list...” /

«Поесть было нечего. Она слабо улыбнулась, когда потрясла коробку из-под молока. Третье в его списке...» [Ahern 2004: 15].

В этом примере недосказа имплицировано множество смыслов: информация о заботе умершего мужа о героине, составившего целый список вещей, о которых она не должна забывать; его незримое присутствие в ее жизни; ее размышления обо всем этом. Часто недосказ как выражение импликации может быть понят реципиентом однозначно, как, например, в этом отрывке из романа Л. Улицкой:

«С тревожным любопытством они присматривались к Шуриковым одноклассникам, танцующим нервный и бесполой танец твист на Шуриковом дне рождения, и гадали: не эта ли...» [Улицкая 2016: 17]

Ситуация, описываемая автором, настолько типична, что недосказ в данном контексте расшифровывается однозначно: «не эта ли *нравится Шурику*».

Функционирование *транзитиво-апозиепезиса* в речи женских литературных персонажей отличается от функционирования недосказа этого типа в речи мужских персонажей. И в том, и в другом случае транзитиво-апозиепезис призван избавить реципиента текста от избыточной информации, но характер этой информации принципиально различается. Если в мужской речи транзитиво-апозиепезис появляется чаще всего после списков, при счете, то есть там, где опущенная информация может быть легко восстановлена, то в женской речи данный тип недосказа зачастую употребляет-

ся в тех случаях, когда продуцент погружается в мечты, раздумья. Невысказанная информация не представляет ценности для реципиента, поэтому и опускается, однако, она не очевидна и не может быть с легкостью восстановлена. Типичный пример функционирования транзитио-апозиопезиса в речи женских литературных персонажей находим у И. Макьюэна в романе «Искупление». Бриони, несправедливо лишенная главной роли в домашнем спектакле, наблюдает за тем, как ее кузина примеряет платье, предназначавшееся героине:

“As she saw the dress make its perfect, clinging fit around her cousin and witnessed her mother’s heartless smile, Briony knew her only reasonable choice then would be to run away, to live under hedges, eat berries and speak to no one, and be found by a bearded woodsman one winter’s dawn, curled up at the base of a giant oak, beautiful and dead, and barefoot, or perhaps wearing the ballet pumps with the pink ribbon straps...” /

«Когда она увидела, что платье сидит превосходно, плотно облекая фигуру кузины, и засвидетельствовала бессердечную улыбку собственной матери, Бриони поняла, что ее единственным разумным выбором теперь будет убежать, жить под забором, питаться ягодами, ни с кем не разговаривать и быть найденной бородатым дровосеком однажды зимой на рассвете, свернувшейся калачиком у корней гигантского дуба, красивой и мертвой, и босой, или, может быть, в балетках с завязками из розовых лент...» [McEwan 1999: 5].

Мрачная картина в воображении героини может обрастать все большим количеством подробностей, но эта информация не важна для реципиента, поэтому опускается.

Транзитио-апозиопезис нередко появляется в тех случаях, когда рассказчик-мужчина передает слова женщины, опуская несущественную, по его мнению, информацию.

“Isabelle lui montrait un bleu sur sa cuisse: “regarde hier je suis tombée de vélo, tu vois là ? tiens, appuie avec ton doigt, aïe, pas trop fort, tu me fais mal...”, et Michèle essayait d’attirer Charles en se penchant en arrière avec ses longs cheveux noirs, fermant les yeux comme ces poupées qu’on allonge et qui rouvrent les paupières quand on les assied” /

«Изабель показывала ему синяк на своем бедре: «смотри, вчера я упала с велосипеда, видишь, вот здесь? давай, потрогай пальцем, ай, не так сильно, ты делаешь мне больно...», а Мишель пыталась привлечь Шарля, откидываясь назад со своими длинными черными волосами, прикрывая глаза, как те куклы, когда ложатся, которые вновь открывают веки, когда усаживаются» [Beigbeder 2009: 6].

Недосказ, служащий для усиления последующего высказывания, встречается в женской речи реже, чем в мужской (11% против 14% соответственно). Однако существенных различий в функционировании недосказа этого типа в речи персонажей обоих гендеров нами не выявлено.

Как в мужской, так и в женской речи следующая за недосказом данного вида фраза часто содержит повтор и обобщение сказанного выше. Приведем пример из повести А. Дмитриева «Крестьянин и тинейджер»:

«А это как: по-человечески?» – осторожно спросил Панюков.

Саня ответила: «Без грубости... По-человечески, это когда все – после свадьбы» [Дмитриев 2012: 48].

Характерно сочетание недосказа с повтором в приведенном выше примере. И повтор, и предшествующий ему обрыв высказывания усиливают, драматизируют сообщение героини. Таким образом реципиенту дают понять насколько важным является для Сани озвученный ею принцип.

В некоторых случаях следующее за прерванным высказывание противопоставляется предыдущему, что также способствует его драматизации.

“She didn't want to hear that she had to get on with her life; she just wanted... oh, she didn't know what she wanted” /

«Она не хотела слышать о том, что ей нужно поладить с собственной жизнью; она хотела просто... о, она не знала, чего хотела» [Ahern 2004: 18]

Самым редко встречающимся фреймом-сценарием недосказа как в мужской, так и в женской речи, стал *недосказ из уважения к аудитории*. Это объясняется тем, что и мужчины, и женщины в равной степени избегают табуированную тематику. Кроме того, наше исследование строилось на литературных источниках, поэтому здесь можно говорить о своего рода «двойной цензуре» – со стороны автора и со стороны персонажа. В качестве примера можно привести отрывок из романа С. Ахерн «P.S. Я люблю тебя»:

“Holly began to read aloud from the box, “It's a battery-operated... oh my God! Ciara! You naughty girl!” Holly and the girls laughed hysterically” /

«Холли начала читать вслух надпись на коробке: «Это работающий от аккумулятора... О Боже! Чиара! Шалунья!» Холли и девочки истерически смеялись» [Ahern 2004: 48].

В этом примере сразу же за неоконченным высказыванием следует междометие “oh my God”, что в целом характерно для женской речи. Стоит отметить, что при недосказе из уважения к аудитории опущенная информация может быть легко восстановлена. Так, в приведенном нами отрывке без труда угадывается подарок, преподнесенный Холли сестрой.

Таким образом, в ходе нашего исследования были выявлены следующие наиболее характерные для речи женских литературных персонажей типы недосказа: недосказ вследствие всплеска эмоций, недосказ как выражение сомнения, недосказ в результате перебива. Такие фреймы-сценарии недосказа, как импликация, усиление последующего высказывания и транзитивно-апозитивизис, встречаются в женской речи на порядок реже, чем перечисленные выше. Недосказ в женской речи зачастую обусловлен теми или иными не контролируемыми продуцентом факторами (его эмоциональное состояние, прерывание высказывания другими участниками диалога) и гораздо реже – его собственным намерением. Такая специфика функциониро-

вания недосказа соответствует стереотипным представлениям о женщине как о существе не в меру эмоциональном, слабом, зависимом от обстоятельств. Выявленные в ходе работы семантические особенности недосказа в женской речи позволяют сделать вывод о том, что данное средство смыслообразования может быть использовано для построения фемининного дискурса.

2.1.3. Семантические особенности реализации недосказа в речи мужских персонажей современных писателей

Мы проанализировали в общей сложности 347 контекстов, в которых встречается недосказ в речи мужских литературных персонажей, включая 149 контекстов на русском языке, 83 на английском и 115 на французском.

Материалом для исследования послужили произведения писателей на русском, английском и французском языках, опубликованные в период с 1999 по 2016 годы. Это «Искренне Ваш Шурик» Л. Улицкой, «Крестьянин и тинейджер» А. Дмитриева, «Письмовник» М. Шишкина, «Медведки» М. Галиной, «Предчувствие конца» Дж. Барнса, «Искупление» И. Макьюэна, «Собрание» Э. Энрайт, «Билл среди людей» Д. Лессинг, «P.S. Я люблю тебя» С. Ахерн, «Счастливые люди читают книжки и пьют кофе» А. Мартен-Люган, «Французский роман» Ф. Бегбедера, сборник новелл А. Гавальды «Мне бы хотелось, чтоб меня кто-нибудь где-нибудь ждал», «Горопливые истории» и «Соглашения» Б. Фрио.

Стоит отметить, что вопреки распространенному стереотипу, недосказ в целом встречается в мужской речи чаще, чем в женской. А.Ю. Беляева, исследовавшая речевое поведение мужчин и женщин на основе материалов русской разговорной речи, пришла к тем же выводам [Беляева 2005]. В нашем случае перевес был небольшим, но заметным – 56% незавершенных

высказываний в мужской речи против 44% – в женской. Еще интереснее статистика использования различных сценарных фреймов недосказа, доказывающая, что мужчины оперируют этим средством смыслообразования иначе, чем женщины, в соответствии со своими, особенными дискурсивными стратегиями. Наглядно эта статистика показана в следующей диаграмме:

Диаграмма 2.

Типы недосказа в высказываниях мужчин

Наиболее часто встречающимся в мужской речи типом недосказа является *транзитиво-апозиопезис* – 21% от общего количества контекстов. По мнению многих исследователей, для мужского речевого поведения характерна деловая направленность [Lakoff 1975]. Действие, а не слово, представляет для мужчин наибольшую ценность. Именно поэтому, если цель коммуникации достигнута, то есть основное значение сообщения доведено до реципиента, мужчина зачастую предпочитает оборвать высказывание. В качестве примера можно привести отрывок из романа Иэна Макьюэна «Искуп-

ление», в котором один из главных героев, Робби, отвечает на вопрос о целесообразности получения медицинского образования в кредит.

“He was taking her question seriously. “No one’s really going to give me work as a landscape gardener. I don’t want to teach, or go in for the civil service. And medicine interests me...” He broke off as a thought occurred to him /

«Он отнесся к ее вопросу серьезно. «На самом деле, никто не собирается давать мне работу ландшафтного садовника. Я не хочу учить или идти на гражданскую службу. А медицина интересует меня...» Он прервался, будто к нему пришла идея» [McEwan 1999: 8].

Робби прерывает высказывание о том, как его интересует медицина, для того, чтобы поднять вопрос о деньгах, более значимый по его мнению. При этом его собеседница чувствует неловкость, поскольку не намеревалась говорить о финансовой стороне дела. Эта ситуация представляется нам весьма типичной. По наблюдениям многих исследователей, женщины уделяют больше времени обсуждению желаний, намерений и интересов в силу того, что основной целью коммуникации для них является установление психологического контакта, а мужчины предпочитают говорить о делах, потому что для них важен конкретный результат [Lakoff 1975].

Транзитиво-апозиопезис часто следует за перечислением однотипных явлений, список которых может быть легко продолжен реципиентом. На возможность продолжения указывает предлог, после которого обрывается высказывание. Такая структура предложения активизирует воображение реципиента, побуждает его самостоятельно закончить незавершенную фразу, способствуя усилению эмпатии по отношению к говорящему. Подобные примеры находим в произведениях М. Галиной и Ф. Бегбедера:

«Когда я жду заказчика, то просто хожу по комнатам и бесцельно перелистываю книжки. Я даже прилечь не могу – от нервов сразу засну, а когда проснусь, сделаюсь тупой и вялый. И разговаривать с посторонним человеком мне будет совсем нелегко, а люди это чувствуют. По микродви-

жениям, по взгляду, уходящему вбок, по... Чувствуют, сами не сознавая, в чем дело» [Галина 2011: 1].

“Maman: très jeune, une blonde aux cheveux fins en robe légère, aux yeux clairs, bleu azur, dents blanches, distinction timide, petite aristo aux absolues bonnes manières, preuve vivante qu’intelligence peut rimer avec innocence, impatiente d’échapper à sa famille de noblesse engoncée, très romantique, sublime de corps et d’âme. Prête pour une longue vie de poésie, d’amour et de plaisir, elle va se donner à...” /

«Мама: очень молодая блондинка с тонкими волосами, в легком платье, с ясными глазами цвета небесной лазури, с белыми зубами, застенчивая оригинальность, маленькая аристократка с абсолютно безупречными манерами, живое доказательство того, что мудрость и целомудрие – однокоренные слова, которой не терпится ускользнуть от своей неуклюжей дворянской семьи, очень романтичная, возвышенная телом и душой. Готовая к долгой жизни, полной поэзии, любви и удовольствия, она собирается посвятить себя...» [Beigbeder 2009: 6].

Здесь описание матери главного героя резко обрывается, оставляя читателя наедине со своим воображением, которое уже нарисовало яркий образ молодой женщины. Этот образ может быть дополнен множеством других деталей, но рассказчик переходит к следующей, более важной на данный момент теме.

Типы недосказа вследствие сомнения и в результате эмоционального всплеска встречаются в мужской речи довольно часто – 19% и 17% соответственно. Однако эти показатели все же ниже, чем у женщин, и сомнение здесь встречается чаще, чем переизбыток эмоций.

Недосказ вследствие сомнения в речи мужских персонажей, как правило, сопровождается «размышление вслух». Здесь нет намеренного смягчения высказывания, характерного для женской речи. Нередко за недосказом такого типа следует определенное заключение, обобщающее предшествующее

щие размышления и четко выражающее отношение продуцента к затронутому вопросу.

«Рожу, положим, можно заговорить, я слышал про такие случаи, можно пришептыванием убить вирус простуды, я и об этом слышал, и в этом что-то есть такое, как бы тут к этому ни относиться... Но псориаз, нейродермит – тут я не знаю, тут ворожкой не обойтись. По крайней мере, я не слышал» [Дмитриев 2012: 19].

“One of the girls is saying, ‘You know what really sucks? What really sucks are those button flies, when you miss a button?’ and the guy says, ‘And you’re like...this, you know?’ with his hands crossed at the wrist in front of his crotch, like a picture of the flagellated Christ” /

«Одна из девушек говорит: «Знаешь, что такое настоящий отстой? Настоящий отстой – это ширинка на пуговицах, и когда ты пропускаешь пуговицу». А парень говорит: «И ты, как... вот так, знаешь?», и он скрещивает запястья в области паха, как на изображении истязаемого Христа» [Barnes 2011: 108]

“J’ai du mal à comprendre pourquoi elle ne s’est pas remise avec quelqu’un. Elle aurait pu et même, elle pourrait encore mais... je ne sais pas” /

«Мне трудно понять, почему она ни с кем не сошлась. Она могла бы, и она даже может еще, но... я не знаю» [Gavalda 1999: 12].

Реализация *недосказа вследствие переизбытка эмоций* в мужской речи в целом сходна с реализацией этого типа недосказа в женской речи. Из-за наплыва чувств продуцент физически не способен продолжать высказывание. Один из ярких примеров недосказа вследствие эмоционального всплеска в мужской речи находим в новелле А. Гавальды «На протяжении лет»:

“Ensuite elle a desserré ma cravate et ouvert les deux premiers boutons de ma chemise et j’ai senti le bout de ses narines toute froides contre la naissance de mes clavicules, je... je...” /

«Затем она ослабила мой галстук и расстегнула первые две пуговицы моей рубашки, и я почувствовал кончик ее очень холодного носа у основания своих ключиц, я... я...» [Gavalda 1999: 234].

Как и в фемининном дискурсе, в маскулинном недосказ может быть обусловлен самыми разными эмоциями – смущением, раскаянием, страхом, отчаянием.

“Jackson was tearful too, but he was still capable of speech. “It won’t be soon. You’re just saying that. We can’t go home anyway...” /

«Джексон был тоже в слезах, но он все еще мог говорить. «Это не будет скоро. Ты только что это сказала. В любом случае, мы не можем идти домой...» [McEwan 1999: 14].

«Шурик совершил звериный прыжок через всю комнату и, не стесняясь ни врачихи, ни мужика в полуформенной одежде, схватил мать в объятия и начал целовать: в волосы, в щеку, в ухо...» [Улицкая 2016: 58].

Интересна статистика появления *недосказа как выражения импликации* в мужской речи. Этот фрейм-сценарий достигает 14% от общего количества контекстов. Это доказывает, что мужчины активнее используют риторические свойства недосказа, позволяющие воздействовать на собеседника определенным образом.

Яркий пример функционирования недосказа такого типа встречаем в романе Дж. Барнса «Предчувствие конца»:

“The less time there remains in your life, the less you want to waste it. That’s logical, isn’t it? Though how you use the saved-up hours... well, that’s another thing you probably wouldn’t have predicted in youth” /

«Чем меньше времени остается в твоей жизни, тем меньше тебе хочется терять его. Логично, не так ли? Хотя как ты используешь эти сэкономленные часы... что ж, это еще одна вещь, которую ты, возможно, не мог предвидеть в юности» [Barnes 2011: 44].

Умудренный опытом пожилой герой рассуждает о времени и о том, на что мы тратим его в зрелых годах, однако предоставляет собеседнику самому додумать опущенную часть высказывания, тем самым вступая в более тесные взаимоотношения с ним. Для того, чтобы понять, что именно он имеет в виду, собеседнику самому надо прожить жизнь. Обращаясь к реципиенту своего возраста, говорящий словно заговорщически подмигивает ему: «Мы оба знаем, что я имею в виду». Поэтому для реализации недосказа с семантикой импликации необходимо, чтобы все участники коммуникативного процесса относились к одной социальной и культурной среде, а иногда – как мы видим, даже были одного возраста. Более того, с помощью недосказа может имплицироваться информация, известная только непосредственным участникам коммуникации, как, например в романе М. Галиной «Медведки»:

«Никаких высших литературных курсов в Москве вы не кончали, сценариев для любимого народом сериала «Не родись красивой» не писали, хотя ваши клиенты почему-то так думают. А были вы в это время совсем в другом месте...» [Галина 2011: 3].

С помощью импликации говорящий зачастую быстрее достигает цели коммуникации, поскольку в этом случае смысл сообщения воссоздается реципиентом. Как следствие, реципиент воспринимает подразумеваемое значение высказывания как свое собственное умозаключение и выстраивает свое поведение в соответствии с ним. Этот процесс наглядно продемонстрирован в следующем отрывке из новеллы А. Гавальды «Отпуск»:

“Et voilà comment ça se serait passé si ç’avait été mon frère: il aurait fait un grand sourire charmeur à la bonne femme en lui montrant son billet, excusez-moi, madame, écoutez c’est peut-être moi qui suis dans l’erreur mais il me semble que...” /

«А вот как это происходило бы, если бы это был мой брат: он бы широко и обаятельно улыбнулся этой тетке, показывая ей свой билет, прошу

прощения, мадам, послушайте, возможно, это я ошибаюсь, но мне кажется, что...» [Gavalda 1999: 6].

14% достигает и сходный с предыдущим функциональный тип – *недосказ, служащий для усиления последующего высказывания*. Он также позволяет проявить риторический потенциал недосказа и требует от говорящего высокого уровня владения словом. Яркий пример недосказа, служащего для усиления последующего высказывания, встречаем в той же новелле А. Гавальды «Отпуск». Главный герой вспоминает о том, каким успехом пользовался его брат на курорте во время летних каникул и очень иронично рассказывает о своем опыте:

“Toutes ces filles avec leurs yeux de merlans frits et leurs petits seins qui ne pensaient qu’à la boum du dernier soir.

Toutes ces filles qui avaient marqué leur adresse au feutre sur son bras dans le car pendant qu’il faisait semblant de dormir. Et celles qui pleuraient devant leurs parents en le voyant s’écarter vers notre 4L familiale.

Et moi... Moi qui avais le mal de mer” /

«Все эти девушки с глазами цвета жареной трески и маленькой грудью, которые думали только о прощальной вечеринке.

Все эти девушки, которые писали свой адрес ему на руке в машине, пока он притворялся спящим. И те, которые плакали на глазах у своих родителей, смотря, как удаляется наш семейный 4L.

А я... Я страдал морской болезнью» [Gavalda 1999: 39].

В этом случае недосказ усиливается повтором, что придает повествованию изрядную долю иронии.

Как и в фемининном дискурсе, в маскулинном следующая за недосказом фраза часто обобщает предшествующую информацию:

«Еще бы. Если бы они выдали меня, они бы выдали и себя. Тем самым. Свои тайные желания, свои мечты... свой позор» [Галина 2011: 3].

Рассматриваемый нами тип недосказа обладает огромным риторическим потенциалом и придает особый драматизм высказыванию. Пауза, возникающая в речи, дает возможность реципиенту погрузиться в собственные размышления, и следующая за ней фраза воспринимается уже в контексте этих размышлений.

“Time... give us enough time and our best-supported decisions will seem wobbly, our certainties whimsical” /

«Время... дайте нам достаточно времени, и наши самые обоснованные решения станут казаться шаткими, наша уверенность – странной» [Barnes 2011: 57].

В исследованном нами материале *недосказ вследствие перебива* в мужской речи встречается реже, чем в женской (14% против 17% от общего количества контекстов). Многие исследователи указывали на то, что перебив является индикатором социальной, гендерной и возрастной стратификации [Беяева 2004, Livia 2003]. В параграфе 2.1.2 данной работы было отмечено, что в смешанных диалогах мужчины чаще перебивают женщин. В диалоге нескольких мужчин, как правило, старший по возрасту, званию, имеющий более высокий социальный статус чаще перебивает остальных. Так, в разговоре зрелого мужчины и подростка первый считает в себя вправе оборвать высказывание собеседника, если считает, что оно не относится к делу:

– Это вообще проблема человечества, – сказал Гера так уверенно, как если б загодя готовился к разговору о молоке. – Все больше людей в мире не принимают молоко, их организм отказывается от молока, он его просто отторгает, будто яд, и это ненормально. Ученые встревожены, но объяснения, тем более решения этой проблемы пока еще не найдено...

– До человечества мне дела мало, – перебил его Панюков. – Тебя, скажи мне, чем кормить? [Дмитриев 2012: 22].

Перебив также может свидетельствовать о близких отношениях участников коммуникации. Он нередко появляется в неформальном общении и сопровождается сленговыми выражениями:

“Gerry snorted and sniggered underneath the duvet. “Number two on my list: Watch out for bedpost...””

“Oh, shut up, Gerry, and stop being so morbid,” Holly snapped back at him, cradling her poor foot in her hand” /

«Джерри фыркал и хихикал под пуховым одеялом. «Номер два в моем списке: остерегайся ножек кровати...»

«Ой, заткнись, Джерри, и перестань быть таким ненормальным», – накинулась на него в свою очередь Холли, держась за свою бедную ногу» [Ahern 2004: 13].

Перебив также появляется в тех случаях, когда один участник диалога считает свое сообщение более важным. Яркий пример такой ситуации встречаем в новелле А. Гавальды «На протяжении лет»:

“Tu fais mon numéro et tu...”

– Ecoute Pierre. Je vais mourir” /

«Ты набираешь мой номер, и ты...»

– Слушай, Пьер. Я скоро умру» [Gavalda 1999: 203].

Как и в речи женских литературных персонажей, в мужской речи *недосказ из уважения к аудитории* встречается крайне редко и составляет всего 2% от общего числа контекстов. В параграфе 2.1.2 мы отмечали, что данный показатель обусловлен спецификой материала исследования. В художественных текстах табуированная тематика в целом встречается гораздо реже, чем, например, в разговорной речи, поэтому нет необходимости в частом использовании недосказа такого типа.

В рассказе Б. Фрио «Вежливый» недосказ из уважения к аудитории становится центральным приемом, на котором построена ироническая составляющая повествования.

“Et quand Mme Dulong-Debreuil m’a tendu la boîte à cigares, j’ai donné un coup de pied dedans, j’ai lancé son Pouffi par la fenêtre et j’ai dit à cette vieille sorcière:

– Madame Delong-Debreuil, vous êtes une...

Mais non, je ne peux pas le répéter. Je n’ose pas... Je suis trop poli!” /

«И когда мадам Дюлонг-Дебрей протянула мне коробку сигар, я пнул ее пару раз, выбросил Пуффи в окно и сказал этой старой ведьме:

– Мадам Дюлонг-Дебрей, Вы...

Но нет, я не могу это повторить. Я не осмеливаюсь... Я слишком вежливый!» [Friot 2009: 66].

Как и в других примерах недосказа из уважения к аудитории, здесь значение опущенного высказывания без труда угадывается из контекста. В целом, в исследованном нами материале этот тип недосказа функционирует в женской и мужской речи аналогичным образом. Чаще всего опускаются фразы, связанные с сексуальной тематикой, затрагивающие физиологические отправления, касающиеся смерти, а также нецензурные выражения.

– Что? – спросила она удивленно.

– Ну, я подумал – почему бы не? Я же... мы же... Были вместе [Галина 2011: 12]

“He’s a greedy fool,” Robbie said. “But I can’t imagine him with Lola Quincey, even for the five minutes it took...” /

«Он жадный дурак», – сказал Робби. – «Но я не могу представить его с Лолой Квинси, даже на те пять минут, что это заняло...» [McEwan 1999: 78].

Подводя итоги, можно выделить следующие семантические особенности реализации недосказа в речи мужских литературных персонажей:

- из всех возможных типов недосказа наиболее часто встречается транзитио-апозитопезис, что соответствует общей деловой направленности мужской речи;

- наряду с наиболее распространенными типами – недосказом вследствие сомнения и недосказом вследствие эмоционального всплеска – часто встречаются «риторические» типы недосказа: недосказ как выражение импликации и недосказ, служащий для усиления последующего высказывания.

Наши наблюдения подтверждают гипотезу о том, что мужское речевое поведение ориентировано в первую очередь на деловое и публичное общение. Главной целью коммуникации для мужчин является не установление психологического контакта, а достижение конкретного результата – определенной договоренности, сценария последующих событий, действий со стороны собеседника. Эта специфика характерна в общем для европейской культуры, однако, существуют определенные черты, присущие тому или иному языковому сообществу. Подробнее эти особенности будут рассмотрены в следующем параграфе данной работы.

2.1.4. Культурологические особенности функционирования недосказа в фемининном и маскулинном дискурсах

Говоря о культурологических особенностях функционирования недосказа, в первую очередь хотелось бы остановиться на частотности появления этого средства смыслообразования в современных литературных произведениях, написанных на русском, английском и французском языках. Для количественного анализа нами было отобрано по два произведения на каждом из перечисленных выше языков, опубликованных с 1999 по 2016 годы. Это «Искренне Ваш Шурик» Л. Улицкой, «Крестьянин и тинейджер» А. Дмитриева, «P. S. Я люблю тебя» С. Ахерн, «Искупление» И. Макьюэна, «Счастливые люди читают книжки и пьют кофе» А. Мартен-Люган и «Французский роман» Ф. Бегбедера.

Используя метод сплошной выборки, мы посчитали количество случаев недосказа на 50 страниц текста каждого из указанных выше романов. Результаты приведены в Таблице 9.

Таблица 9.

**Количество случаев недосказа на 50 страниц текста
в произведениях на русском, английском и французском языках**

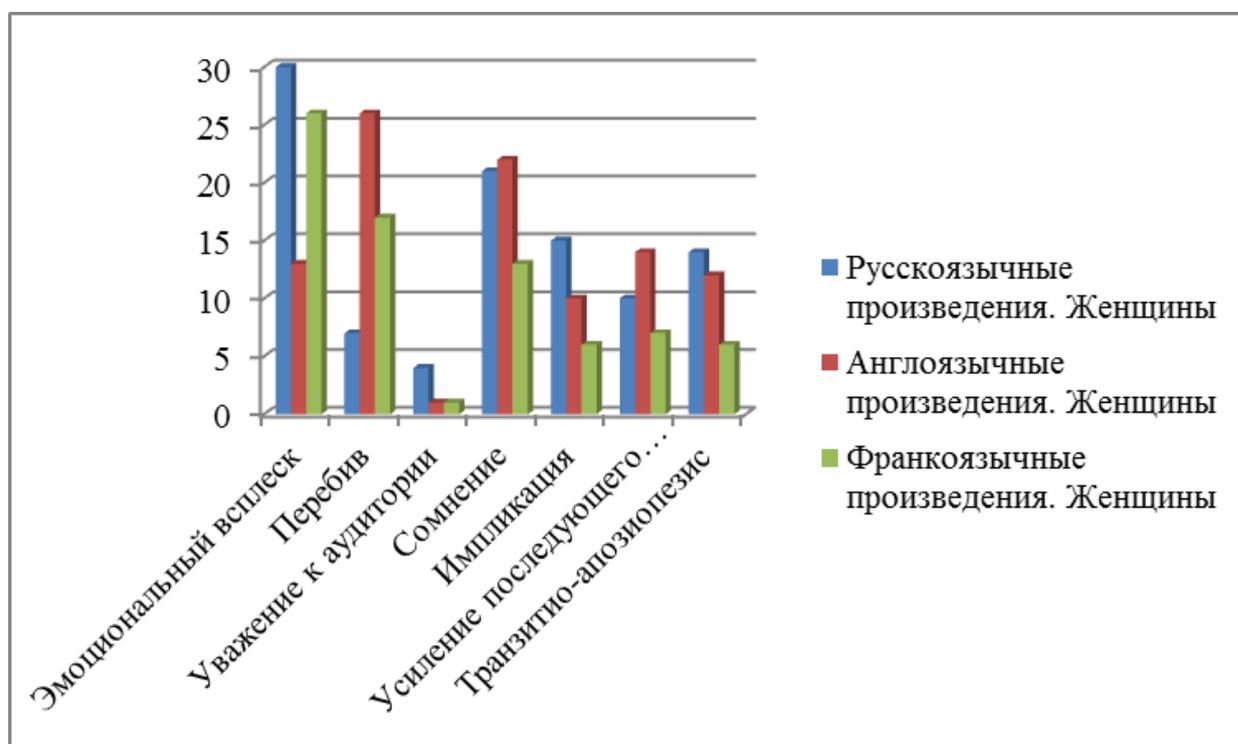
Художественные тексты на русском языке			Художественные тексты на английском языке			Художественные тексты на французском языке		
Л. Улицкая, "Искренне Ваш Шурик"	А. Дмитриев, "Крестьянин и тинейджер"	Среднее значение	С. Ахерн, "P. S. Я люблю тебя"	И. Макюэн, "Искушение"	Среднее значение	А. Мартен-Люган, "Счастливые люди читают книжки и пьют кофе"	Ф. Бегбедер, "Французский роман"	Среднее значение
94	117	106	30	27	29	25	44	35

Примечательно, что частота появления недосказа в произведениях на русском языке почти в три раза превышает аналогичные показатели в английских и французских произведениях. Русскоязычные писатели, романы которых были отобраны нами для анализа, активнее обращаются к этому специфическому средству смыслообразования, чем их англо- и франкоязычные коллеги. Вероятно, это обусловлено спецификой русской литературной традиции, которая предполагает высокую степень вовлеченности читателя в процесс смыслообразования, постоянный диалог писателя с читателем.

Мы также сопоставили частоту появления различных типов недосказа в маскулинном и фемининном дискурсах в произведениях на русском, английском и французском языках. Эта статистика представлена наглядно на приведенных ниже диаграммах. Мы прокомментируем наиболее интересные из выявленных особенностей. Начнем с недосказа в фемининном дискурсе.

Диаграмма 3.

Количество примеров различных типов недосказа в фемининном дискурсе, вычлененных из произведений на русском, английском и французском языках

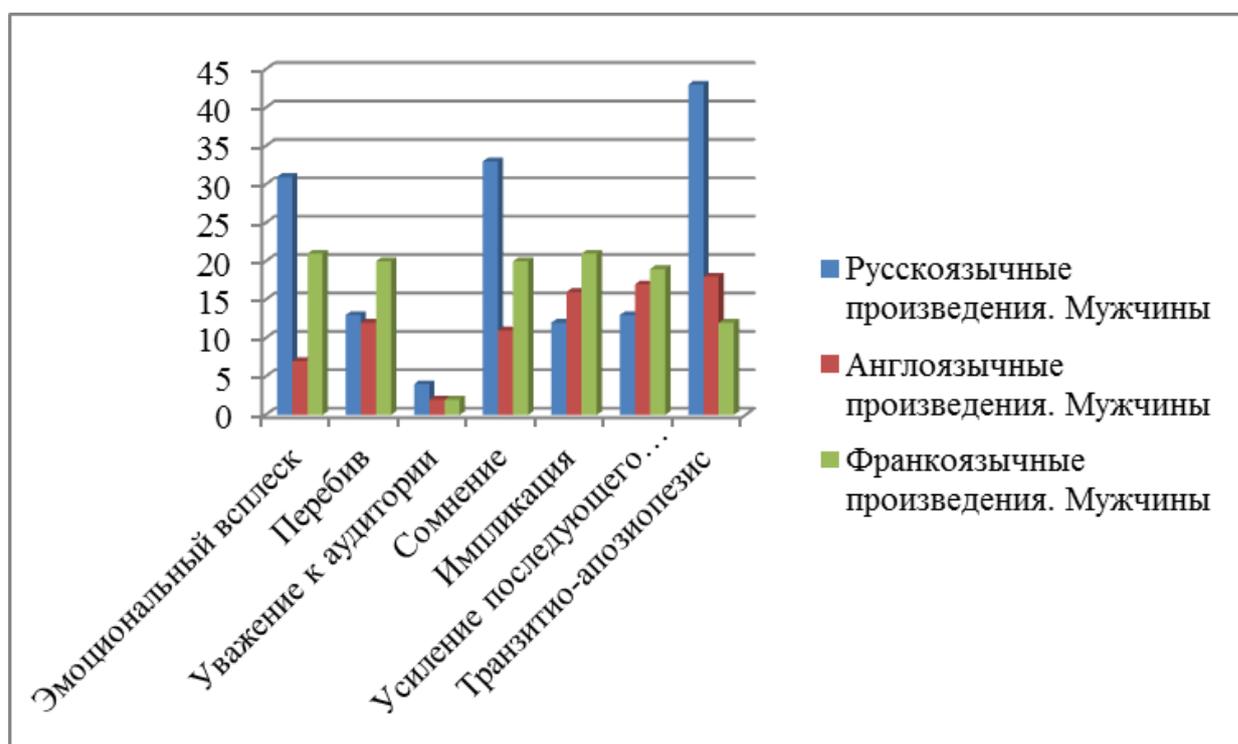
Как видно из диаграммы, недосказ вследствие всплеска эмоций является наиболее часто встречающимся типом в русско- и франкоязычном фемининном дискурсе, но далек от лидирующих позиций в англоязычном. Английские культурные традиции воспевают сдержанность как главное достоинство леди, в то время как и в России, и во Франции женская «повышенная» эмоциональность считается нормой. Возможно, этим и обусловлено такое соотношение.

В русскоязычном фемининном дискурсе сценарный фрейм недосказа вследствие перебива встречается значительно реже, чем в англо- и франкоязычном. В англоязычных произведениях, напротив, частотность появления перебива очень высока. Исследователи отмечают, что для англоамериканской культурной традиции характерно представление о том, в диалоге не должно быть пауз, поэтому собеседники охотно перенимают друг у друга инициативу в диалоге [Livia 2003]. В русской культуре, напротив, ценится умение промолчать, даже помолчать вместе с собеседником. Высшей формой взаимопонимания считается «понимание с полуслова».

В следующей ниже диаграмме отражены особенности функционирования недосказа в маскулинном дискурсе.

Диаграмма 4.

**Количество примеров различных типов недосказа
в маскулинном дискурсе, вычлененных из произведений
на русском, английском и французском языках**

Так же, как и в фемининном дискурсе, здесь в англоязычных произведениях недосказ вследствие всплеска эмоций встречается реже, чем в произведениях на русском и французском языках. Объяснением такой особенности может являться пресловутая английская сдержанность, возвращаемая из поколения в поколения и нашедшая свое отражение в языке.

Показатели частотности появления транзитивно-апозиопезиса в русскоязычном маскулинном дискурсе значительно превышают аналогичные показатели в англо- и франкоязычных произведениях. Многие культурологи отмечают «скупость» российских мужчин на слова, их ориентированность на «дело». Наши наблюдения подтверждают эти выводы.

Еще одной отличительной особенностью русскоязычного мужского дискурса является частое использование недосказа с семантикой сомнения. Такое наблюдение соответствует свидетельствам культурологов о «недоверчивости» русских мужчин, зачастую граничащей с подозрительностью.

Таким образом, анализ гендерной специфики недосказа в произведениях писателей разных стран предоставляет широкое поле для изучения культурных традиций. Эта тема настолько обширна, что может представлять собой предмет отдельного исследования. Мы же в нашей работе попытались заострить внимание только на наиболее характерных особенностях функционирования недосказа в рамках маскулинного и фемининного дискурсов.

При этом необходимо учитывать, что в наших наблюдениях может присутствовать определенный процент погрешности, связанный с особенностями художественного стиля того или иного автора и с индивидуальными характеристиками персонажей.

В первой части второй главы гендерная специфика недосказа была исследована с точки зрения семантики. Вторая часть данной главы будет посвящена репрезентации гендерного аспекта недосказа с помощью лексических и синтаксических средств языка.

2.2. Лексические и синтаксические особенности реализации недосказа в фемининном и маскулинном дискурсах

2.2.1. Лексические особенности реализации недосказа в речи женских персонажей современных писателей

Лексические особенности реализации недосказа в речи женских литературных персонажей обусловлены его функциональными типами, преобладающими в фемининном дискурсе. Согласно нашему исследованию, наиболее часто встречаемыми в женской речи типами являются эмоциональный всплеск, сомнение и перебив.

Характерной особенностью лексики, используемой для выражения эмоционального всплеска, является обилие лексем с семантикой чувств, психологических состояний. Так, в повести А. Дмитриева «Крестьянин и тинейджер» Татьяна говорит своему возлюбленному, который вынужден надолго уехать:

«Но все-таки раз в день звони, совсем тебя не слышать – тоже *мучительно...*» [Дмитриев 2012: 23].

А Л. Улицкая в романе «Искренне Ваш Шурик» следующим образом описывает состояние советской семьи, которой предстоит скорая эмиграция:

«Ко всему тому документы на отъезд уже были поданы, с работы оба уволились, и уже несколько месяцев семья жила на истерическом подъеме: *и радостно, и весело, и страшно...*» [Улицкая 2016: 27].

Обрыв высказывания в данном случае расшифровывается реципиентом как физическая невозможность продолжать речь вследствие переизбытка чувств. Эти чувства, как мы видим, зачастую называются в самом высказывании. В свою очередь, упоминание о чувствах, попытка объясниться с собеседником сама по себе вызывает волнение продуцента.

“Tu es devenu si important pour moi, presque essentiel... j’y ai cru... j’y ai tellement cru, mais... en fait, je me suis bercée dans l’illusion que tu allais combler tout le vide à l’intérieur de moi et... que... je pouvais à nouveau *aimer...*” /

«Ты стал таким важным для меня, практически главным... я в это верила... я в это так верила, но... на самом деле, я покоилась в иллюзии, что ты наполнишь всю пустоту внутри меня и... что... я могу *полюбить* снова...» [Martin-Lugand 2012: 86].

Нередко эмоциональный всплеск связан с несбывшимися надеждами, с утратами. Поэтому незавершенные высказывания с семантикой эмоционального всплеска часто начинаются с союза «если», как, например, высказывание героини Л. Улицкой:

«*Если бы* мама была жива, все было бы по-другому...» [Улицкая 2016: 58].

Союз «если» появляется и в тех случаях, когда эмоциональный накал возникает в связи с неопределенностью, с беспокойством о будущем, как в примере из романа И. Макьюэна «Искупление», где главная героиня размышляет о судьбе солдата и его возлюбленной:

“*If something happened to Robbie, if Cecilia and Robbie were never to be together...*” /

«*Если бы* что-то случилось с Робби, *если бы* Сесилия и Робби никогда не смогли быть вместе...» [McEwan 1999: 68].

Согласно нашим наблюдениям, эмоциональный всплеск зачастую связан с чувством вины, раскаяния, сострадания. В связи с этим в незавершенных высказываниях часто встречаются лексемы с семантикой извинения, прощения, сожаления и сочувствия: «жалеть», «сожалеть», «извинять», «прощать» и т. п. Это справедливо как для фемининного, так и для маскулинного дискурса.

“Ma Clara, *si* tu savais... je me suis roulée dans le sable avec un gros chien comme tu n’en as jamais vu, tu aurais pu monter sur son dos et lui faire de gros câlins... Je *regrette* que tu n’en aies pas eu un comme lui...” /

«Моя Клара, *если бы* ты знала, как я каталась по песку с огромной собакой, какой ты никогда не видела, ты могла бы забраться ей на спину и обнять ее... Мне *жаль*, что у тебя никогда не будет такой собаки, как эта... [Martin-Lugand 2012: 94].

“Lola was sitting forward, with her arms crossed around her chest, hugging herself and rocking slightly. The voice was faint and distorted, as though impeded by something like a bubble, some mucus in her throat. She needed to clear her throat. She said, vaguely, “I’m *sorry*, I didn’t, I’m *sorry*...” /

«Лола сидела прямо со скрещенными на груди руками, обнимая себя и слегка покачиваясь. Голос был слабым и искаженным, как будто ему мешало что-то вроде пузыря, какая-то слизь в ее горле. Ей нужно было откашляться. Она проговорила неопределенно: «*Простите*, я не делала этого, *простите*...» [McEwan 1999: 40].

Говоря о специфике лексики, служащей для реализации недосказа вследствие эмоционального всплеска, нельзя не упомянуть об обилии междометий. При этом для женской речи характерно практически полное отсутствие сленговых и табуированных междометий. В анализируемом нами материале из 622 контекстов встретился только один случай, где в результате эмоционального всплеска героиня употребила лексику сниженного регистра. Героиня Иэна Макъэна реагирует на неприятное известие следующим образом:

“She was looking from left to right in a distracted manner and murmuring over and over, “*Oh hell, oh hell*...” /

«Она растерянно смотрела по сторонам и бормотала снова и снова: «*О черт, о черт*...» [McEwan 1999: 35].

Примечательно, что эта фраза произносится героиней подросткового возраста, ведь, как известно, именно подростки зачастую склонны к употреблению сленговой и нецензурной лексики. В целом наши наблюдения подтверждают сложившееся мнение о том, что употребление бранных слов нехарактерно для фемининного дискурса.

В английском языке недосказ вследствие всплеска эмоций чаще всего сопровождается междометиями “em”, “eh”, “er”, “well”:

“OK, *em, well*, I was wondering if, *em...*” Holly took a deep breath and began the sentence again. “My friend might be interested in singing and she was wondering what she would have to do?” /

«Ладно, *эм, ну*, я хотела узнать, *эм...*», – Холли сделала глубокий вдох и начала предложение с начала. – «Моя подруга интересуется пением, и она хотела бы узнать, что ей нужно делать?» [Ahern 2004: 66].

В приведенном выше примере героиня С. Ахерн впервые решается спеть в караоке и звонит в ресторан с целью забронировать столик, но волнение не позволяет ей прямо заявить о своих намерениях. Вместо этого Холли выдумывает историю с подругой, которая хотела бы попробовать спеть. Естественно, что в данном случае эмоциональный всплеск приводит к обрыву высказывания и появлению одного из так называемых «заполнителей пауз» – междометий “em”, “well”.

Приведем еще один интересный пример из того же произведения:

“But how did he manage to...”

“But why didn't we notice him... *well... God.*”

“When do you think he... *well*, I suppose he was on his own sometimes...” /

«Но как он сумел...»

«Но почему мы не заметили, как он... *ну... Боже.*»

«Когда, ты думаешь, он... *ну*, я полагаю, он был один иногда...»

[Ahern 2004: 31].

Так С. Ахерн передает телефонный разговор главной героини с подругой, в котором признается последней, что недавно умерший муж оставил ей двенадцать писем, по одному на каждый месяц, с условием, чтобы ни одно из них не было распечатано до наступления соответствующего времени. Подобная «предусмотрительность» покойного не могла не потрясти обоих. Следствием этого эмоционального потрясения является обилие в диалоге незавершенных фраз, сопровождающихся междометиями.

Отдельно хотелось бы отметить использование лексемы “God” в данном примере. Так же, как и лексема “hell” в примере выше, она используется здесь в качестве междометия, и главная ее функция – передача эмоционального возбуждения говорящего. Необходимо отметить, что появление лексем и фразеологизмов с подобной семантикой (“oh my God”, “Jesus Christ”, “Jesus”, “Gosh”) в незавершенных высказываниях встречается в фемининном дискурсе довольно часто, но всегда обусловлено личностными характеристиками персонажа.

В произведениях на французском языке наиболее часто в незавершенных фразах женщин встречается междометие “oh”:

“*Oh... qu'est-ce que j'ai fait ? Dis-je.*” /

«*Ой, что я сделала?*» – говорю я» [Martin-Lugan 2012: 74].

В речи женских литературных персонажей исследуемых нами произведений на русском языке в большинстве случаев переизбыток чувств сопровождается междометием «ах»:

«Потом она перестала смеяться, поставила чашку на стол, подошла к нему, взяла его за плечи и крепкими руками прижала к себе:

– *Ах ты, дурачок...*» [Улицкая 2016: 21].

Очевидно, что междометий, используемых для выражения всплеска эмоций в женской речи, гораздо больше, чем те, что были перечислены нами. Мы приводим примеры лишь из исследованного нами материала. Однако объем нашей выборки позволяет сделать вывод о том, что для женщин в

целом не характерно использование табуированной или сленговой лексики в незавершенных фразах с семантикой эмоционального всплеска.

В незавершенных высказываниях, функционирующих в женской речи в соответствии с типом недосказа вследствие сомнения, часто встречаются лексемы с семантикой вероятности: «наверное», «по-моему», «кажется», «очевидно», «действительно», «на самом деле»:

“Elle a longtemps hésité parce qu’elle n’est pas sûre d’avoir un autre enfant après. Alors *évidemment*, ça fait un peu chérot... /

«Она долго колебалась, потому что не была уверена, что хочет еще одного ребенка. *Очевидно*, что это немного дорого...» [Gavalda 1999: 92].

– Беленькая, в синем платье, очень мила, Таня Иванова, кажется. И восточная красавица с персидскими бровями, тоненькая, прелесть, *по-моему*... [Улицкая 2016: 17].

“Yeah... wow... I mean... of course... it's *really* great news” /

«Да... ого... я имею в виду... конечно... это *действительно* отличные новости» [Ahern 2004:100].

Исследователи женских дискурсивных стратегий отмечают, что подобная лексика часто используется женщинами для смягчения высказывания. Мы же в ходе исследования гендерной специфики недосказа обнаружили, что тип недосказа вследствие сомнения является одним из наиболее характерных для женской речи. На наш взгляд, эта особенность объясняется тем, что женщины избегают категоричных высказываний, опасаясь оказать излишнее давление на собеседника. Для женщин, как отмечалось ранее, основной целью коммуникации является установление психологического контакта. Поэтому они выбирают стратегии, направленные на поддержание собеседника, и избегают стратегий доминирования.

Для незавершенных фраз с семантикой сомнения также характерно использование глаголов ментальной активности: «знать», «думать», «понимать», «верить», «полагать», часто в отрицательной форме. Говорящий как

бы размышляет над предметом высказывания и приглашает реципиента подумать вместе с ним:

«У неё зубы через один растут, тоже мне прелесть, а восточная твоя красавица, *не знаю, не знаю*, что за красавица, у неё усы, как у городского...» [Улицкая 2016: 17].

“Lola uncrossed her legs, smoothed her dress and stood, as though about to leave. She spoke through a sigh of sadness or resignation. “I *suppose* that because you’re the one who wrote it, you’ll be Arabella...”

“Oh no,” Briony said. “No. Not at all” /

«Лола выпрямила ноги, оправила платье и встала, словно собираясь уйти. Она выговорила сквозь вздох печали и смирения: «Я *полагаю*, что так как именно ты это написала, ты будешь Арабеллой...»

«О нет, – сказала Бриони. – Нет. Отнюдь» [McEwan 1999: 4].

“Je *crois*... il y a un truc qui me pousse vers lui” /

«Я полагаю... есть какая-то уловка, которая толкает меня к нему» [Martin-Lugand 2012: 76].

В незавершенных фразах с семантикой сомнения также часто используются междометия, подчеркивающие нерешительность говорящего, его погруженность в раздумье:

“Are you all straight?” my friend Frank once said to me, in tones of great disbelief.

‘*Hmmmmmm*...’ I said” /

«Вы все правильные?» – спросил меня однажды мой друг Фрэнк тоном величайшего недоверия.

«*Хмм...*», – сказал я [Enright 2007: 237].

Междометия, используемые в подобных случаях, могут быть разными, однако, как правило, это заполнители пауз: «эээ», «mmm».

Недосказ вследствие перебива характеризуется частым присутствием лексем с семантикой несогласия. Согласно нашим наблюдениям, перебив

нередко является реакцией на возражение со стороны собеседника. Поэтому фразы, начинающиеся со слов, выражающих несогласие – с союза «но», вводных слов «на самом деле», «в действительности» и подобных им, с большой долей вероятности будут прерваны собеседником:

“Didn’t you know he was dead?”

“No. *But...*”

“Unbelievable” /

– Ты не знала, что он умер?

– Нет. *Но...*

– Невероятно [McEwan 1999: 81].

«Вы преступно запустили свою болезнь. Брумштейн сразу же предложила операцию – вот написано: рекомендовано...

– *Но* я у гомеопата лечилась...

Малозаметный шов на губе врачихи снова ожил и набряк:

– Моя бы воля, я бы вашего гомеопата отдала под суд...» [Улицкая 2016: 58].

– Une minute! Je crois que j’ai mon mot à dire. Alors je ne viendrai pas, je ne fête pas Noël.

– Mais...

– N’insiste pas” /

– Минуточку! Полагаю, мне есть что сказать. Тогда я не приду, я не буду праздновать Рождество.

– Но...

– Не настаивай [Martin-Lugand 2012: 44].

Как уже было отмечено ранее, мужчинам свойственно придерживаться более агрессивных стратегий в коммуникации. Они стремятся занять доминирующее положение и болезненно относятся к прерыванию собственного высказывания, поэтому перебивают собеседника в ответ. В результате мужской разговор зачастую представляет собой череду перебивов, о чем

свидетельствуют исследования разговорной речи [Беляева 2004]. Женщины же, как показывает наше исследование, не стремятся перехватить инициативу в разговоре и, если их прерывают, они, как правило, не перебивают собеседника в ответ.

Недосказ как выражение импликации, транзитиво-апозиопезис и недосказ, служащий для усиления последующего высказывания, не обнаружили характерных лексических особенностей в речи женских персонажей исследуемых нами художественных текстов. Стоит отметить, что эти фрейм-сценарии недосказа находят более широкую реализацию в речи мужских персонажей.

При недосказе из уважения к аудитории в женской речи крайне редко опускается нецензурное слово или словосочетание. Нам встретился всего один такой случай из 622 проанализированных контекстов. Бранная лексика, как правило, легко восстанавливается из контекста. Здесь нет недоговоренности как таковой, сообщение предельно ясно, оно просто не проартикулировано. Более того, в тексте могут быть обозначены первая и последняя буквы нецензурной лексемы, что делает расшифровку недосказа однозначной.

В следующем ниже примере из романа Л. Улицкой мать героини размышляет о том, насколько тяжело быть одной женщине, особенно такой чувствительной и романтичной, какой является ее дочь. Она приходит к выводу, что пусть лучше в жизни Верочки будет хоть кто-то, даже не очень подходящий, чем она останется совсем одна.

«И она буркнула не совсем кстати:

– А, какая барыня ни будь, всё равно её *e... ть...*» [Улицкая 2016: 9].

Недосказу из уважения к аудитории, затрагивающему сексуальную тематику, часто сопутствуют указательные местоимения («это») и местоименные наречия («там»).

«Любимый мой, ну почему ты сейчас не здесь и не видишь, как переливается и блестит в воде у меня золотистая шерстка *там...*» [Шишкин 2010: 16].

Таким образом, характерными лексическими особенностями реализации недосказа в речи женских литературных персонажей являются: обилие междометий; наличие лексем с семантикой сожаления, раскаяния; использование слов с семантикой вероятности; широкое употребление глаголов ментальной активности, в том числе в отрицательной форме; присутствие слов с семантикой возражения, лексем «но», «если», «зато»; опускание нецензурной лексики, использование указательных местоимений и местоименных наречий в высказываниях, затрагивающих табуированную тематику. Междометия служат для передачи эмоционального состояния продуцента высказывания, также, как и лексем с семантикой раскаяния. Слова, обозначающие вероятность, возможность того или иного события или явления призваны «смягчить» речь, сделать заявление менее категоричным. При перебиве зачастую прерываются фразы, начинающиеся с союзов «но», «зато» и лексем с семантикой возражения. При этом женщины не пытаются возобновить прерванное высказывание. Такая специфика, на наш взгляд, объясняется общей направленностью женских речевых стратегий на установление психологического контакта с собеседником и формирование эмоциональной связи между участниками коммуникации.

В следующем параграфе нашей работы будут изучены лексические особенности реализации недосказа, характерные для маскулинного дискурса.

2.2.2. Лексические особенности реализации недосказа в речи мужских персонажей современных писателей

Как и в случае с недосказом в речи женских литературных персонажей, лексические особенности незавершенных фраз в речи мужских литературных персонажей обусловлены наиболее характерными для маскулинного дискурса типами недосказа. В мужской речи наиболее часто встречаются следующие фреймы-сценарии недосказа: транзитио-апозиопезис, сомнение, эмоциональный всплеск, импликация и усиление последующего высказывания.

Транзитио-апозиопезис призван избавить реципиента от информации, которая не является существенной и может быть опущена. Поэтому этот тип недосказа появляется при перечислении однородных явлений, в списках, при счете. При этом недосказу предшествует ряд лексем одной части речи, а зачастую и повтор одной лексемы:

“When he was very sick he would bravely joke about how he shouldn't have lived life so safely. *Should* have taken drugs, *should* have drunk more, *should* have traveled more, *should* have jumped out of airplanes while waxing his legs... his list went on” /

«Когда он был очень болен, он отважно шутил, что не должен был жить так безопасно. *Должен был* принимать наркотики, *должен был* больше пить, *должен был* больше путешествовать, *должен был* выпрыгивать из самолетов, намазав ноги воском... его список продолжался» [Ahern 2004: 9].

Яркий пример реализации транзитио-апозиопезиса встречается в романе А. Дмитриева при описании рассказа героя о собственной нелегкой жизни. Встретившись с другом детства после долгой разлуки, он спешит рассказать ему обо всем, что было пережито за долгие годы. В тексте этот рассказ передан с помощью сложносочиненного предложения, в котором присутствуют повторы лексем.

«*Про то, что не женат* («...им ни одной верить нельзя, пока нет таких мощных денег, за которые любая ухватится – и не отпустит, я хотел сказать, не бросит...»), детьми пока не обзавелся («...хотелось бы; но без семьи – какие дети? А пока нет своей квартиры, в квартире – мощных денег, лучше в семью не ввязываться»), *про то, что поменял за эти годы несколько работ: сначала спиртом торговал в палатке* («...я, кажется, писал тебе о спирте – или не писал?»), *потом был на подхвате у Федора Кирилловича, потом дрожал в его охране, потом скучал в его конторе, потом мотался челноком между Варшавой и Москвой, между Стамбулом и Коломной, потом довольно долго торговал стройматериалами на знаменитом рынке возле платформы «Тимирязевская»* («...У меня, кстати, ты не поверишь, пленки было – завались, и никому почти не надо; только дачникам»), *потом...*» [Дмитриев 2012: 14].

“One, two, three... eleven flights of grey cold stairs, listening to the lift grumble and crash on the other side of a wall” /

«Один, два, три... одиннадцать пролетов серой холодной лестницы, слушая, как лифт ворчит и бьется о ту сторону стены» [Lessing 2000: 3].

“La platine me donnait le tournis: *disc AZ, Flèche, Parlophone, Odeon, Stax, Atlantic, CBS, RCA, Arista, Reprise, Columbia, Vogue, A&M Records...*” /

«Платина вскружила мне голову: *диск Эй-Зи, Флеш, Парлофон, Одеон, Стакс, Атлантик, Си-Би-Эс, Ар-Си-Эй, Ариста, Реприз, Коламбия, Вог, Эй-энд-Эм Рекордз...*» [Beigbeder 2009: 13].

Как было отмечено многими исследователями, мужской речи присущи краткость и деловая направленность, поэтому появление недосказа при перечислении однотипных явлений типично для маскулинной дискурсивной стратегии.

Как и в примерах недосказа вследствие сомнения в женской речи, в речи мужских персонажей этот тип часто реализуется с помощью лексем с семантикой вероятности: «может», «наверное», «вроде бы»:

«Дома спросил отца, не сохранил ли он свой старый советский паспорт.

«Нет, я его сдал. А мама *вроде* сохранила... Зачем тебе?» [Дмитриев 2012: 31].

– Qu'est-ce que tu fais?

– Ça se voit pas?

– Ben non... *pas vraiment...* /

– Что ты делаешь?

– Что, не видно?

– Ну, нет... на самом деле, нет... [Gavalda 1999: 67].

И так же, как в женской речи, недосказ вследствие сомнения в мужской речи сопровождается глаголами ментальной активности, часто в отрицательной форме:

«Нужно у батюшки спросить, но я *не думаю*, чтобы наш батюшка мог отличить нейродермит от псориаза, уж если даже я – без лаборатории не берусь...» [Дмитриев 2012: 19].

“How come you know so much about the place?” I asked.

“That’s where Jack is.”

“Jack?”

“My brother – you remember?”

“Let me *see...*” /

«Как так получилось, что ты знаешь так много об этом месте?» – спросил я.

«Это там Джек»

«Джек?»

«Мой брат – ты помнишь?»

«Дай *подумать...*» [Barnes 2011: 24].

“Je me souviens d’une fille très grande nommée Rose de Ganay, il y avait aussi l’actrice principale du Genou de Claire d’Éric Rohmer : Laurence de

Monaghan (elle disait sans cesse à mon père qu'elle voulait m'adopter, et j'étais d'accord!), ainsi qu'une top model belge prénommée Chantal, qui préférait qu'on l'appelle Kim. Qui d'autre, *voyons...*" /

«Я помню очень крупную девушку, которую звали Роз де Ганай, была также исполнительница главной роли в фильме «Колено Клер» Эрика Ромера – Лоренс де Монаган (она без остановки твердила отцу, что хочет меня усыновить, и я был согласен!), потом бельгийская топ-модель с псевдонимом Шанталь, которая предпочитала, чтобы ее называли Ким. Кто следующий, *посмотрим...*» [Beigbeder 2009: 12].

Лексические особенности реализации недосказа вследствие сомнения в речи мужских и женских литературных персонажей во многом схожи, однако в мужской речи междометия встречаются несколько реже.

“Mossie lifts his eyebrows, and dips his face into his glass. Still down there, he says, ‘What is it – Paul Smith?’

‘*Em...*’ says Ivor, checking the inside pocket. As if he did not know” /

«Мосси поднимает брови, и погружает лицо в стакан. И оттуда, снизу, говорит: «Что это – Пол Смит?»»

«*Эм...*», – говорит Айвор, шаря в кармане. Как будто бы он не знает» [Enright 2007: 226].

“J’ai répondu :

– *Euh...* Parce que c’est la vie... Toi je t’aimerai toujours mais avec elle, c’était compliqué...” /

«Я ответил:

– *Эх...* Потому что такова жизнь... Тебя я всегда любил, но с ней это было сложно...” [Beigbeder 2009: 21].

Реже, чем в фемининном дискурсе, в маскулинном употребляются междометия и в предложениях, содержащих недосказ вследствие всплеска эмоций. Для мужской речи в целом характерно небольшое количество междометий. На наш взгляд, это объясняется тем, что повышенная эмоциональ-

ность в речи считается признаком женственности, и мужчин с детства приучают быть сдержанными в выражении своих чувств. Вот один из немногих примеров использования междометия при недосказе вследствие эмоционального всплеска в высказывании мужского персонажа:

«Сейчас, ты, *ах* ты, гад, да погоди ты... – Панюков сел на постели, свесил ноги к полу, вдел их не глядя в валенки» [Дмитриев 2012: 2].

Примечательно, что междометие «ах» сопровождается в приведенном выше примере оскорблением «гад». В мужской речи эмоциональный всплеск может сопровождаться сленговой и даже нецензурной лексикой. Подобный пример находим и в произведении А. Гавальды:

– Il est plein je te dis!.. Y a le sac de golf de ton père et plein de caisses de pinard là-dedans... /

– *Ah merde...*

– Он забит, я тебе говорю!.. Там внутри сумка для гольфа твоего отца и много ящиков с вином...

– *Aх, черт...* [Gavalda 1999: 158].

В анализируемых нами примерах недосказа вследствие всплеска эмоций в мужской речи было обнаружено множество случаев повтора одних и тех же лексем. Говорящий, вынужденный прерваться из-за переизбытка чувств, начинал следующее высказывание с тех же самых слов:

– *Ты такая... Ты такая* необыкновенная, и самое в тебе лучшее – твои ручки, и ножки, и ушки... [Улицкая 2016: 29].

“Qui veux-tu aller voir? Je ne comprends rien. Où es-tu? Pourquoi pleures-tu?

– Je veux voir Colin et Clara.

– Tu es... tu es au cimetière ?

– Oui” /

«Кого ты ходила навестить? Я ничего не понимаю. Почему ты плачешь?

– Я ходила навестить Колина и Клару.

– Ты... ты на кладбище?

– Да» [Martin-Lugand 2012: 16].

Так же, как и в фемининном дискурсе, проявление всплеска эмоций в маскулинном дискурсе зачастую возникает в связи с раскаянием, сожалением, осознанием вины за содеянное. Поэтому в незавершенных высказываниях присутствует лексика с семантикой извинения.

“It would have been frivolous to go on. He could only repeat himself, this time in a whisper.

“I’m *sorry*...” /

«Было бы слишком фривольно продолжать. Он мог только повторить свои слова, в этот раз шепотом.

«*Прости*...» [McEwan 1999: 32].

«Но не у кого, не у кого было *просить прощения*...» [Улицкая 2016: 32].

Недосказ как выражение импликации предполагает провокацию ментальной деятельности реципиента, направленной на расшифровку коммуникативного сообщения путем воссоздания опущенной части высказывания. Поэтому в большинстве случаев при импликации обрыв высказывания следует за союзом, после которого должно следовать придаточное предложение в составе сложноподчиненного: «что», «если», «если..., то...», «чтобы» и прочих. Так, герой А. Гавальды использует импликацию в описании сцены прощания с некогда любимой женщиной:

“Je gardais mes mains bien au fond des poches de mon manteau parce que *sinon* je...” /

«Я держу руки глубоко в карманах моего пальто, *потому что иначе* я...» [Gavalda 1999: 223].

Обрыв высказывания может следовать и после союза «но», который должен был бы соединять простые предложения в составе сложносочиненного:

“She smiled. And for a moment, she almost looked enigmatic. But Margaret can’t do enigma, that first step to Woman of Mystery. If she’d wanted me to spend the money on a holiday for two, she’d have said so. Yes, I realise that’s exactly what she did say, *but...*” /

«Она улыбнулась. И на секунду она показалась почти загадочной. Но Маргарет не может создать загадку, этот первый шаг к Таинственной Женщине. Если бы она захотела, чтобы я потратил деньги на отпуск для двоих, она бы так и сказала. Да, я понимаю, что она именно так и сказала, *но...*» [Barnes 2011: 48].

Мысленно восстанавливая опущенную часть высказывания, читатель чувствует глубокую эмпатию по отношению к герою, поскольку вынужден самостоятельно додумать, «дочувствовать» то, о чем не было сказано.

Недосказ, служащий для усиления последующего высказывания, во многом сходен с типом, рассмотренным нами выше, однако в этом случае опущенная часть высказывания восстанавливается самим говорящим в следующей фразе. С точки зрения лексики главным отличием является то, что при недосказе для усиления последующего высказывания, как правило, опускается не целое придаточное предложение, а всего одна лексема. Это всегда значимая часть речи, чаще всего существительное или прилагательное.

“You’re quite cowardly, aren’t you, Tony?”

‘I think it’s more that I’m... *peaceable*’ /

«Ты довольно трусливый, правда, Тони?

Я думаю, что я скорее... *миролюбивый*» [Barnes 2011: 26].

В ходе нашего исследования не было выявлено характерных лексических особенностей реализации недосказа вследствие перебива в мужской

речи. Прерываются высказывания, содержащие самую различную лексику. Прерывание высказывания обусловлено экстралингвистическими факторами, такими, как возраст участников коммуникации, социальный статус, гендер, а не наличием в высказывании тех или иных лексем.

Так же, как и в женской речи, в высказываниях мужских персонажей при недосказе из уважения к аудитории опускается нецензурная лексика. При этом могут быть артикулированы несколько звуков бранной лексики. Персонаж романа М. Галиной «Медведки» так отвечает на вопрос, кем он хотел стать в детстве:

«Моряком. Тем более мы переехали сюда. А тут море. Я, как увидел, оху... охренел просто. Столько воды, надо же» [Галина 2011: 2].

Стоит отметить, что недосказ из уважения к аудитории в речи мужских персонажей наблюдался чаще всего в высказываниях, содержащих сексуальную тематику. Однако лексем, присутствующих в подобных высказываниях с более или менее высокой частотностью, выявлено не было.

В качестве примера можно привести отрывок из романа Л. Улицкой «Искренне Ваш Шурик»:

«Он догадывался, что где-то здесь его новый знакомый Вадик, но не мог отвести глаз от крупного коричневого соска, уставленного в него, как указательный палец. Шурик испугался, что голая женщина поднимет голову и поймёт, что с ним происходит. А с ним происходило... Он понимал, что надо уйти» [Улицкая 2016: 20].

Таким образом, для реализации недосказа в речи мужских литературных персонажей характерны следующие лексические особенности: повтор лексемы; присутствие нецензурной и сленговой лексики; использование слов с семантикой вероятности; наличие лексем со значением раскаяния, извинения; использование глаголов ментальной активности; редкое употребление междометий. В мужской речи обрыв высказывания зачастую происходит после союза, служащего для соединения главного и придаточного

предложения в составе сложного. Кроме того, недосказ в мужской речи часто реализуется путем опущения одной лексемы, которая впоследствии восстанавливается самим говорящим.

Лексические особенности реализации недосказа, проявляющиеся в фемининном и маскулинном дискурсах, обусловлены теми его функциональными типами, которые наилучшим образом способствуют формированию представлений о том или ином гендере в процессе коммуникации.

Следующий пункт диссертационного исследования будет посвящен изучению синтаксических особенностей реализации недосказа, проявляющихся в фемининном дискурсе.

2.2.3. Синтаксические особенности реализации недосказа в речи женских персонажей современных писателей

Как и в случае с лексикой, синтаксис недосказа в женской речи обусловлен характерными для фемининного дискурса типами недосказа. Поэтому мы считаем целесообразным рассматривать синтаксические особенности реализации недосказа в речи женских литературных персонажей в непосредственной связи с наиболее часто встречающимися функциональными типами, к которым относятся эмоциональный всплеск, сомнение и перебив.

Наше исследование показало, что часто при эмоциональном всплеске высказывание не просто обрывается, а «рассыпается» на отрывки, разделенные паузами. Другими словами, недосказ вследствие эмоционального всплеска зачастую представляет собой череду незавершенных фраз, следующих одна за другой:

“Да если б штамп проклятый стоял, я бы, может, и домой поехала. Родила бы здесь и приехала – привык бы отец... А так – для него позор... по его положению...” [Улицкая 2016: 69].

Для эмоционального всплеска также типичным является повтор фразы или лексемы. Говорящий начинает фразу заново и опять обрывает ее, будучи не в силах справиться с волнением:

“Ma peur devint totalement irrationnelle.

– J’ai fait une erreur... je... je...” /

«Мой страх стал абсолютно иррациональным.

– Я совершила ошибку... я... я...» [Martin-Lugand 2012: 29].

Таким образом, в большинстве случаев в ходе реализации недосказа вследствие переизбытка эмоций синтаксический строй предложения нарушается. В речи говорящего возникают «провалы», которые тот пытается восстановить, либо продолжая оборвавшуюся фразу, либо начиная ее заново.

При реализации недосказа вследствие сомнения говорящий прерывает высказывание, стараясь разобраться в собственных чувствах, определить свое отношение к предмету разговора, или в попытке подобрать верное слово:

“Was it... no it couldn't... could it be that Holly was experiencing a sensation of happiness?” /

«Было ли это... нет, этого не могло быть... могло ли быть так, что Холли испытывала ощущение счастья?» [Ahern 2004: 98].

В приведенном выше примере из романа С. Ахерн «P.S. Я люблю тебя» недосказ появляется вместе с риторическим вопросом. Этот прием является типичным для недосказа вследствие сомнения в художественных текстах, поскольку позволяет усилить впечатление от терзающих героя противоречий.

При реализации недосказа вследствие сомнения, также как и при эмоциональном всплеске, часто незавершенные фразы следуют одна за другой, возникают паузы между словами:

“Yeah... wow... I mean... of course... it's really great news” /

«Да... ого... то есть... конечно... это правда прекрасная новость»
[Ahern 2004: 100].

Недосказ вследствие сомнения может быть выражен и синтаксически завершенной фразой. При этом присутствие многоточия в конце такого предложения заставляет читателя сомневаться в его справедливости, искренности или правдивости. Многоточие сигнализирует читателю о том, что в высказывании есть изъян, оно не скреплено «однозначной» точкой в конце, поэтому такое высказывание воспринимается как неуверенное, нерешительное, неоднозначное. В устной речи подобная неоднозначность, выделяется интонацией.

– Звуки, как на вокзале в очереди, а интеллигентные, кажется, девочки, – вздохнула Елизавета Ивановна. Потом помолчала, поиграла кончиками морщинистых пальцев и призналась, как будто нехотя, – но какие всё-таки прелестные... милые... [Улицкая 2016: 17].

Наше исследование показало, что вследствие перебива незавершенными могут оставаться как синтаксически полные предложения, так и неполные. Это зависит от речевых стратегий участников коммуникации: готов ли собеседник дослушать до конца фразу, вызвавшую у него неприятие. Причем женщины чаще бывают склонны выслушать основную часть фразы своего собеседника, прежде чем вставить собственную реплику.

“Elle l’a serré de tous les côtés avant de céder à ses avances. Edward a été séduit par sa détermination, son assurance et sa rage. Et puis après, elle a enfoncé le couteau en l’abreuvant de belles paroles, elle a joué la sainte-nitouche, qui veut fonder une famille, qui croit à l’amour...”

– Et toi, tu ne la croyais pas?

– J’ai commencé à mener ma petite enquête sur elle” /

«Она обложила его со всех сторон, прежде чем уступить его атаке. Эдвард был опьянен собственной решимостью, собственной уверенностью и собственной яростью. А затем она еще глубже вонзила нож, напоив его кра-

сивыми словами, она сыграла недотрогу, которая хочет создать семью, которая верит в любовь...

– А ты, ты не верила ей?

– Я начала проводить о ней свое маленькое расследование» [Martin-Lugand 2012: 76].

Мужчины, напротив, зачастую перебивают собеседника в самом начале фразы, как только понимают, что будет высказано мнение, отличное от их собственного. Выше были рассмотрены лексические маркеры возражений: это союзы «но», «зато», вводные слова «на самом деле», «в действительности» и другие.

“What was his name?”

“Robbie. *But...*”

“And they’re married now and happy?” /

«Как его звали?

– Робби. *Но...*

– И они женаты сейчас и счастливы?» [McEwan 1999: 73].

Желание и возможность дать собеседнику завершить основную часть фразы, прежде чем вставить свою реплику, зависит от многих экстралингвистических факторов, таких как возраст, образование, воспитание участников коммуникации, однако, наши исследования показали, что гендер также играет заметную роль при выборе речевых стратегий.

При анализе примеров недосказа как выражения импликации и недосказа, служащего для усиления последующего высказывания, в речи женщин характерных синтаксических особенностей выявлено не было. Встречаются как полные, так и неполные предложения, как распространенные, так и нераспространенные. Так, в новелле А. Гавальды «Выкидыш» недосказ, служащий для усиления последующего высказывания, реализуется в тексте с помощью неполного предложения и используется совместно с антиклимаксом, усиливающим выразительный потенциал недосказа:

“Elle l’a dit à son mari. Elle avait imaginé tout un tas de manières possibles pour le lui annoncer joliment. Des mises en scène, des tons de voix, des jouez-hautbois-résonnez-musettes... Et puis, non” /

«Она рассказала своему мужу. Она придумывала кучу возможных способов сообщить ему об этом красиво. Мизансцены, тон голоса, играйте-гобой-звучите-волынки... А потом – нет» [Gavalda 1999: 81].

Другой пример находим у Л. Улицкой в романе «Искренне Ваш Шурик»:

«И ещё были всякие маленькие блуждающие боли: то в виске, то в желудке, то в больших пальцах ног... Весь организм её расстроился, капризничал и кричал: мама! мама!» [Улицкая 2016: 52].

В этом случае недоговоренное предложение является полным, распространенным и осложнено однородными обстоятельствами. Следующее за ним высказывание обобщает и конкретизирует информацию. При этом контраст между недосказом и восклицательным предложением усиливает выразительность текста, делает сообщение более драматичным.

Недосказ как выражение импликации может быть реализован в женской речи как с помощью неполных, так и с помощью полных предложений. Предложения могут быть как распространенными, так и нераспространенными.

“Everything was sad, but fine-good food, fresh air, a few too many glasses of wine, and off to bed. And then” /

«Все было грустно, но хорошая еда, свежий воздух, чуть больше вина, чем следовало, и в кровать. И потом» [Enright 2007: 172].

«Лиля никак могла решить, стоит ли пытаться поступать в университет. Что не примут, это само собой разумеется, но ведь надо себя проверить, попробовать. А если примут – ещё того глупее...» [Улицкая 2016: 27].

В целом, недосказ как выражение импликации и недосказ, служащий для усиления последующего высказывания чаще употребляются в мужской

речи, нежели в женской, и именно там они приобретают характерные особенности.

Транзитиво-апозиопезис в речи женских литературных персонажей характеризуется синтаксической завершенностью фраз. Это, как правило, полные, а зачастую и распространенные предложения. Нередко транзитиво-апозиопезис сопровождается однородными членами предложения.

«Аля и сама знала, что мозги её окрепли, глазная память, позволявшая её деду с беглого взгляда в изменившей очертание отаре распознать пропажу одной-единственной овцы, принимала в себя отпечатки химических формул, их разветвлённые структуры, кольца и побег радикалов...

– Нет, не сейчас, через два года поеду, – твёрдо сказала Аля и объяснениями не побаловала» [Улицкая 2016: 38].

При реализации недосказа из уважения к аудитории в речи женских литературных персонажей опускается, как правило, сказуемое. Нередко это сказуемое выражено глаголом или именем существительным, относящимся к нецензурной лексике.

“Was Declan going around and introducing girls as his sister? The sick and twisted little...” /

«Что, Деклан шлялся в округе и представлял девчонок как свою сестру? Больной и извращенный маленький...» [Ahern 2004: 67].

Таким образом, характерными синтаксическими особенностями реализации недосказа в речи женских литературных персонажей являются: разъединение высказывания на словосочетания, разделенные паузами, при эмоциональном всплеске; череда незавершенных фраз с повтором первых нескольких слов при недосказе вследствие сомнения; синтаксическая завершенность предложения и наличие однокоренных членов при транзитиво-апозиопезисе; пропуск сказуемого при недосказе из уважения к аудитории. При перебиве женщина-собеседник, как правило, выслушивает основную часть фразы, содержащую подлежащее и сказуемое, прежде чем вставить

собственную реплику. Однако фраза, произносимая женщиной, зачастую обрывается в самом начале.

Синтаксические особенности реализации недосказа, проявленные в маскулинном дискурсе, будут отражены в следующем параграфе данной работы.

2.2.4. Синтаксические особенности реализации недосказа в речи мужских персонажей современных писателей

Синтаксические особенности незавершенных фраз в мужской речи будут рассмотрены нами в связи с типами недосказа, наиболее характерными для маскулинной дискурсивной стратегии.

Исследование, проведенное на материале современных литературных произведений на русском, английском и французском языках, показало, что наиболее характерными для мужской речи являются следующие типы недосказа: транзитио-апозипезис, сомнение, эмоциональный всплеск, импликация и усиление последующего высказывания.

Транзитио-апозипезис предполагает синтаксическую завершенность фразы при потенциальной возможности продолжения темы. Таким образом, высказывания, содержащие транзитио-апозипезис, являются целостными по определению.

“Plus vite j’enverrai le fax, plus vite le magistrat décidera si on vous libère, et quand. Mais il ne faut pas compter avant onze heures: il n’arrive pas à son bureau avant... Et comme vous êtes «connu», il tient à s’occuper de votre affaire personnellement” /

«Чем быстрее я пошлю факс, тем быстрее судья решит, освободят вас или нет, и когда. Но не рассчитывайте меньше, чем на одиннадцать часов: он не приезжает раньше в свое бюро... И так как вы «известны», он постарается заняться вашим делом лично» [Beigbeder 2009: 9].

В силу того, что транзитио-апозиопезис чаще всего появляется в тех случаях, когда речь идет о чередовании подобных явлений или событий, характерной особенностью предложений, используемых для реализации этого типа недосказа, является наличие однородных членов предложения:

“Aux jeux de société de mon frère, je préférais les jeux vidéo solitaires d’arcade, dans lesquels je glissais une pièce de deux francs pour tirer hystériquement sur tout ce qui bougeait: des murs de briques, des martiens au “Space Invaders”, des météorites sur “Asteroids”, les deux au “Defender”...” /

«Играм в обществе моего брата я предпочитал одиночные аркадные видеоигры, в которых я скользил по двухфранковой комнате, истерично стреляя во все, что двигалось: в кирпичные стены, в марсиан в «Космических захватчиках», в метеориты в «Астероидах», в двоих в «Защитнике»... [Beigbeder 2009: 17].

Подобное построение фразы является «экономичным»: информация подается в виде списка, при этом озвучиваются лишь несколько пунктов перечня, который может быть продолжен, но не будет, поскольку говорящий ценит свое время и время реципиента. Такой подход к дискурсу очень характерен для мужчин.

При реализации недосказа вследствие сомнения в мужской речи, так же, как и в женской, часто возникает цепочка незавершенных фраз:

– Vous n'aimez pas les crevettes, monsieur Terrier?

Il a balbutié:

– Si, si... c'est-à-dire non... je veux dire oui... oui, bien sûr... /

– Вы не любите креветок, господин Террье?

Он пробормотал:

– Да, да... то есть нет... я хочу сказать, да... да, конечно... [Friot 2007:

3].

Этот тип недосказа может также сочетаться с риторическим вопросом:

“But now, I found myself in revolt against my own... what? Conventional-ity, lack of imagination, expectation of disappointment?” /

«Но теперь, когда я обнаружил себя в мятеже против собственного... чего? Традиционализма, отсутствия воображения, ожидания разочарования?» [Barnes 2011: 71].

Характерной особенностью реализации недосказа вследствие сомнения в мужской речи является наличие вводных слов:

«Все же спросил, откуда она знает про обложку, и уважительно предположил, что она, *наверное*, историк или издатель...» [Дмитриев 2012: 31].

«Директора Игонины, *наверно*, позову, – отвечал Панюков, – и, думаю, кого-нибудь из корешей по Кандагару. Никитюка, *наверно*, я тебе о нем рассказывал. *Может*, и Волотко, ну, я тебе о нем рассказывал...» [Дмитриев 2012: 48].

Наше исследование выявило, что при эмоциональном всплеске мужчины склонны использовать повторы чаще, чем женщины. Причем повтор возникает не потому, что говорящий вынужден начинать одну и ту же фразу снова и снова, а как результат намерения говорящего усилить высказывание:

«Он был любимым внуком и любимым учеником Елизаветы Ивановны, но также и жертвой её прямолинейной педагогики: с ранних лет он был приучен в мысли, что он, Шурик, очень хороший мальчик, совершает хорошие поступки и не совершает дурных, но уж если дурной поступок вдруг случится с ним, то следует его немедленно осознать, попросить прощения и снова стать хорошим мальчиком... Но не у кого, не у кого было просить прощения...» [Улицкая 2016: 32].

Как и в женской речи, недосказ вследствие переизбытка эмоций в речи мужчин часто сопровождается чередой незавершенных предложений, которые могут быть как полными, так и неполными.

“Qu’est-ce que tu veux? Tu veux savoir l’âge de mes enfants ou si j’ai perdu mes cheveux ou... ou voir l’effet que tu me ferais ou... ou c’est juste comme ça, pour parler du bon vieux temps?!” /

«Чего ты хочешь? Ты хочешь знать возраст моих детей или облысел ли я или... посмотреть, какой эффект ты произведешь на меня... или это просто так, чтобы поговорить о старых добрых временах?!» [Gavalda 1999: 199].

В целом, с точки зрения синтаксиса, реализация недосказа вследствие эмоционального всплеска в мужской речи сходна с реализацией недосказа этого типа в женской речи.

Наше исследование показало, что при реализации недосказа как выражения импликации чаще всего опускается придаточное предложение в составе сложноподчиненного. Реже опускается одно из простых предложений в составе сложносочиненного. В обоих случаях обрыв высказывания происходит после своеобразного маркера импликации – союза, который требует после себя определенного продолжения.

Итак, в случае опускания придаточного предложения в составе сложного, высказывание обрывается после союза, соединяющего главное предложение с придаточным:

“Yeah sorry, I don't actually organize the karaoke nights, so...” /

«Да, извините, я вообще-то не организую вечера караоке, поэтому...» [Ahern 2004: 67].

При опущении одного из простых предложений в составе сложносочиненного, как правило, опускается предложение, соединенное с предыдущим союзом «но»:

“She smiled. And for a moment, she almost looked enigmatic. But Margaret can’t do enigma, that first step to Woman of Mystery. If she’d wanted me to spend the money on a holiday for two, she’d have said so. Yes, I realise that’s exactly what she did say, but...” /

«Она улыбнулась. И на мгновение она почти показалась загадочной. Но Маргарет не могла создать загадку, этот первый шаг к Таинственной Женщине. Если бы она хотела, чтобы я потратил деньги на отпуск для двоих, она бы так и сказала. Да, я понимаю, что именно так она и сказала, но...» [Barnes 2011: 48].

При недосказе, служащем для усиления последующего высказывания, как правило, опускается не простое предложение в составе сложного, а одно слово (реже – словосочетание). С точки зрения выполняемых в предложении функций это чаще всего дополнение или определение. При этом пропущенное слово всегда бывает впоследствии восстановлено продуцентом дискурса.

“Here, here,” said Richard. “We'll all go so. I've never been to a karaoke before, it should be...” he searched his brain for the right word, “... *fun*” /

«Сюда, сюда», – сказал Ричард. «Тогда мы все пойдем. Я никогда не был раньше в караоке, это будет...» – он поискал в голове правильное слово, – «...*весело*» [Ahern 2004: 76].

«Гера старался возражать спокойно и так, чтобы отцу было понятно: «Но почему же обязательно экскурсии? Почему – школа? Можно гораздо большего... – Гера хотел сказать “достичь”; подумал и сказал: –... добиться» [Дмитриев 2012: 66].

Анализ примеров недосказа вследствие перебива и недосказа из уважения к аудитории в речи мужских литературных персонажей не выявил характерных синтаксических особенностей. Прерываются различные по структуре предложения, как полные, так и неполные, как распространенные, так и нераспространенные, как простые, так и сложные.

Таким образом, реализация недосказа в речи мужских персонажей современных писателей характеризуется следующими синтаксическими особенностями: при транзитиво-апозитопезисе, типичном для мужской речи, высказывание обрывается после ряда однокоренных членов предложения; при

импликации обрыв высказывания происходит на стыке простых предложений в составе сложного, после союза, выступающего в данном случае в роли своеобразного маркера импликации. При недосказе, служащем для усиления последующего высказывания, в предложении опускается, как правило, дополнение или определение, которое впоследствии восстанавливается. Недосказ вследствие сомнения и недосказ в результате эмоционального всплеска в мужской речи сходны с точки зрения синтаксиса с аналогичными типами недосказа в женской речи и характеризуются разделением высказывания на отдельные словосочетания и чередой незавершенных предложений.

Синтаксические особенности реализации недосказа в маскулинном дискурсе обусловлены его функциональными типами, наиболее часто встречающимися в мужской речи и способствующими формированию представлений о маскулинности.

Выводы по главе II

1. В ходе исследования был выявлен фрейм-сценарий недосказа, включающий в себя суперординатные (константные) узлы, обеспечивающие идентификацию недосказа как средства смыслообразования, и слоты (вершины-терминалы), которые заполняются различными значениями в зависимости от конкретного функционального типа недосказа.

2. Были выявлены семь основных функциональных типов недосказа:

- 1) недосказ, обусловленный всплеском эмоций;
- 2) недосказ вследствие перебива;
- 3) недосказ из уважения к аудитории;
- 4) недосказ вследствие сомнения;
- 5) недосказ как выражение импликации;
- 6) недосказ, служащий для усиления последующего высказывания;
- 7) транзитио-апозиопезис.

3. Проведенный количественный анализ выявил, что наиболее характерными для фемининного дискурса типами являются недосказ, обусловленный всплеском эмоций, недосказ вследствие сомнения и недосказ вследствие перебива. Такое соотношение подтверждает гипотезу о том, что фемининная дискурсивная стратегия соответствует приватному общению, и главной целью коммуникации для женщин является установление эмоционального контакта с собеседником. Женщины склонны смягчать свою речь с помощью высказываний с семантикой сомнения и нерешительности и избегать агрессивного речевого поведения, тем самым поддерживая гендерный стереотип женщины. В случае перебива они, как правило, не пытаются возобновить свою речь и дают собеседнику высказаться.

3. В маскулинном дискурсе самым часто встречающимся типом недосказа является транзитио-апозиопезис. Недосказ вследствие всплеска эмоций и недосказ вследствие сомнения также занимают верхние строчки в нашем рейтинге, хотя их процент в мужской речи ниже, чем в женской. По сравнению с фемининным дискурсом, в маскулинном было выявлено на порядок больше примеров недосказа как выражения импликации и недосказа, служащего для усиления последующего высказывания. Выявленные особенности позволяют сделать вывод о том, что маскулинная дискурсивная стратегия ориентирована на публичное и деловое общение. Мужчины охотно прерывают высказывание для перехода к другой, более существенной, на их взгляд, теме и активнее используют риторический потенциал недосказа. Цель коммуникации мужчины видят в достижении конкретного результата – определенной договоренности, действий со стороны собеседника, поддерживая гендерный стереотип мужчины.

4. В русскоязычных произведениях недосказ встречается почти в три раза чаще, чем в англо- и франкоязычных, что объясняется спецификой русской литературной традиции, предполагающей высокую степень вовлеченности читателя в процесс смыслообразования. Для русскоязычного маскулинного дискурса характерны высокие показатели частотности транзитио-

апозиопезиса и недосказа вследствие сомнения. Эти показатели подтверждают сложившиеся стереотипы о скупости русских мужчин на слова, их ориентированности на дело и об их исключительной недоверчивости. Характерной особенностью англоязычных художественных текстов является низкий процент недосказа вследствие всплеска эмоций как в маскулинном, так и в фемининном дискурсах, а также высокая частотность недосказа вследствие перебива.

5. В фемининном дискурсе реализация недосказа характеризуется следующими лексическими особенностями:

- обилием междометий («ах», «ох», «mmm», «Боже»);
- присутствием лексем с семантикой чувств, ощущений («страшно», «больно», «весело», «мучительно»);
- наличием лексем с семантикой извинения, сожаления («извините», «простите», «сожалею»);
- присутствием союзов «если», «но», «зато»;
- наличием лексем с семантикой возражения («на самом деле»);
- употреблением глаголов ментальной активности, нередко с частицей «не» («не знаю», «не думаю»);
- присутствием лексем с семантикой вероятности («наверное», «по моему», «очевидно»);
- использованием указательных местоимений и местоименных наречий («это», «там»).

6. В маскулинном дискурсе выявляются следующие лексические особенности реализации недосказа:

- повтор лексемы;
- ряд лексем одной части речи (в списках, при счете);
- лексемы с семантикой извинения, сожаления («извините», «простите», «сожалею»);

- частое употребление сленговой и бранной лексики («черт», «дерьмо»);
- лексемы с семантикой вероятности («может», «наверное», «вроде бы»);
- глаголы ментальной активности, в том числе с частицей «не» («не думаю», «не понимаю»).

7. Были выявлены следующие синтаксические особенности реализации недосказа в фемининном дискурсе:

- разъединение высказывания на словосочетания, разделенные паузами;
- ряд незавершенных фраз с повтором первых нескольких слов;
- обрыв высказывания после ряда однокоренных членов предложения;
- пропуск сказуемого.

8. В маскулинном дискурсе реализация недосказа характеризуется следующими синтаксическими особенностями:

- разделение высказывания на отдельные словосочетания;
- ряд незавершенных фраз с повтором первых слов;
- высказывание обрывается после ряда однокоренных членов предложения;
- обрыв высказывания происходит на стыке простых предложений в составе сложного, после союза;
- пропуск дополнения или определения, которое восстанавливается в следующей фразе.

9. В ходе исследования подтвердилось выдвинутое ранее предположение о том, что мужчины и женщины используют как различные языковые средства для реализации в речи недосказа одного типа, так и одни и те же языковые средства для реализации различных типов недосказа. Следова-

тельно, недосказ как специфическое средство смыслообразования может быть использован для создания гендерного дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая диссертация содержит основные результаты проведенного исследования когнитивно-дискурсивных особенностей недосказа, определяющих его гендерную специфику. Согласно поставленным цели и задачам, исследование было проведено в два этапа, которые отражены в соответствующих главах данной работы.

На первом этапе исследования мы провели анализ существующей научной литературы по гендерной проблематике. Мы проследили историю становления гендерной лингвистики в отечественной науке и за рубежом. Были определены основные термины и сформирована методологическая база для дальнейшего исследования.

Также были изучены работы отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные недосказу. Особое внимание было уделено вопросу терминологии, поскольку в современной науке отсутствует единый понятийный аппарат, служащий основой для исследований недосказа. Нами был выбран термин «недосказ», который мы понимаем как недоговоренность, обрыв высказывания, происходящий как вследствие особого эмоционального состояния говорящего или изменения коммуникативной ситуации, так и намеренно, с целью создания определенного воздействия на слушателя.

В рамках второго этапа настоящей работы были выявлены когнитивные процессы создания и понимания недосказа. Для описания этих процессов использовался фрейм-сценарий, включающий в себя суперординатные (константные) узлы, обеспечивающие идентификацию недосказа как средства смыслообразования, и слоты (вершины-терминалы), которые заполняются различными значениями в зависимости от конкретного функционального типа недосказа.

В результате исследования было выявлено семь основных типов недосказа:

- 1) недосказ, обусловленный всплеском эмоций;
- 2) недосказ вследствие перебива;
- 3) недосказ из уважения к аудитории;
- 4) недосказ вследствие сомнения;
- 5) недосказ как выражение импликации;
- 6) недосказ, служащий для усиления последующего высказывания;
- 7) транзитио-апозиопезис.

Семантические, лексические и синтаксические особенности реализации недосказа в фемининном и маскулинном дискурсах обусловлены теми функциональными типами недосказа, которые используются в рамках мужских и женских дискурсивных стратегий.

Количественный анализ, проведенный в рамках второго этапа исследования, выявил, что наиболее характерными для фемининного дискурса типами являются: недосказ, обусловленный всплеском эмоций, недосказ вследствие сомнения и недосказ вследствие перебива.

Характерные лексические особенности реализации недосказа в женской речи:

- междометия («ах», «ох», «mmm», «Боже»);
- лексемы с семантикой чувств, ощущений («весело», «страшно», «больно», «мучительно»);
- лексемы с семантикой извинения («извините», «простите», «сожалею»);
- союзы «если», «но», «зато»;
- лексемы с семантикой возражения («на самом деле»);
- глаголы ментальной активности, нередко с частицей «не» («не знаю», «не думаю»);
- лексемы с семантикой вероятности («наверное», «по-моему», «очевидно»);
- указательные местоимения и местоименные наречия («это», «там»).

С точки зрения синтаксиса, конструкции, содержащие недосказ и реализуемые в рамках фемининного дискурса, характеризуются следующими особенностями:

- разъединение высказывания на словосочетания, разделенные паузами;
- ряд незавершенных фраз с повтором первых нескольких слов;
- ряд однокоренных членов предложения, предшествующий обрыву высказывания;
- пропуск сказуемого.

При перебиве женщина выслушивает основную часть предложения, содержащую грамматическую основу, прежде чем прервать собеседника. Однако высказывания женщин часто прерываются в самом начале, после нескольких первых слов.

Таким образом, недосказ в женской речи имеет свои когнитивно-дискурсивные особенности, обусловленные определенными дискурсивными стратегиями. В процессе общения женщины нацелены в первую очередь на установление эмоционального контакта с собеседником, склонны смягчать высказывания и избегают агрессивного речевого поведения. Фемининная дискурсивная стратегия ориентирована на приватное общение. Результаты исследования позволяют нам сделать вывод о том, что функционирование недосказа в фемининном дискурсе способствует реализации гендерного стереотипа женщины.

В ходе количественного анализа контекстов было выявлено, что самый распространенный тип недосказа в маскулинном дискурсе – транзитио-апозиопезис. Примеры недосказа вследствие всплеска эмоций и недосказа вследствие сомнения встречаются в мужской речи реже, чем в женской. По сравнению с фемининным дискурсом, в маскулинном было обнаружено больше случаев функционирования недосказа как выражения импликации и недосказа, служащего для усиления последующего высказывания.

Исследование позволило определить следующие лексические особенности реализации недосказа в маскулинном дискурсе:

- повтор одной и той же лексемы;
- ряд лексем одной части речи (в списках, при счете);
- сленговая и бранная лексика («черт», «дерьмо»);
- лексемы с семантикой извинения («извините», «простите», «сожалею»);
- лексемы с семантикой вероятности («может», «наверное», «вроде бы»);
- глаголы ментальной активности, нередко с частицей «не» («не знаю», «не думаю»).

Синтаксические конструкции, служащие для реализации недосказа в мужской речи, характеризуется следующими особенностями:

- расчленение высказывания на отдельные словосочетания;
- череда незавершенных фраз с повтором нескольких первых слов;
- высказывание обрывается после ряда однокоренных членов предложения;
- обрыв высказывания происходит на стыке простых предложений в составе сложного, после союза;
- пропуск дополнения или определения, которое восстанавливается в следующей фразе.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что недосказу в мужской речи присущи определенные когнитивно-дискурсивные особенности, обусловленные специфическими дискурсивными стратегиями. Основной целью коммуникации для мужчин является достижение конкретного результата. Мужчины с легкостью прерывают высказывание ради обращения к другой, более существенной, на их взгляд, теме и шире используют риторические возможности недосказа. Маскулинная дискурсивная стратегия ори-

ентирована на публичное общение. Функционирование недосказа в маскулинном дискурсе способствует реализации гендерного стереотипа мужчины.

Итак, в ходе работы была подтверждена гипотеза о том, что недосказ может быть использован для построения гендерного дискурса.

Исследование выявило, что сходные когнитивные процессы построения фемининного и маскулинного дискурсов с помощью недосказа характерны для русского, английского и французского языков. Однако существуют небольшие различия, обусловленные культурными особенностями.

Был выявлен низкий процент недосказа в англоязычных произведениях по сравнению с русско- и франкоязычными, причем как мужской, так и в женской речи. Это наблюдение согласуется с представлением о том, что для английской культуры характерна определенная сдержанность в проявлении эмоций.

В англоязычных произведениях часто встречается недосказ вследствие перебива. В англоговорящих странах распространено представление о том, что в диалоге не должно быть пауз, поэтому инициатива с легкостью переходит от одного собеседника к другому.

В русскоязычном маскулинном дискурсе была обнаружена высокая частотность появления транзитиво-апозиопезиса и недосказа с семантикой сомнения. Это соотносится с представлением о российских мужчинах как о скупых на слова, недоверчивых и ориентированных на «дело».

Таким образом, цель исследования, состоявшая в выявлении гендерной специфики недосказа с точки зрения когнитивного подхода на материале современных художественных текстов, была достигнута. Задачи, поставленные в начале работы, были решены.

Перспективы дальнейшего изучения гендерного аспекта недосказа усматриваются в проведении исследований на материале разговорной речи, публицистических и рекламных текстов, политических выступлений. Нам также представляются интересными исследования гендерной специфики не-

досказа в различных социокультурных реалиях, например, на материале восточных языков, и в диахроническом развитии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенова К.С. Умолчание как сюжетная лакуна: виды и способы формирования // Вестник МГОУ. – Серия: Лингвистика. – 2015. – № 5. – С. 8-13.
2. Анненский И.Ф. Книга отражений. – М.: Наука, 1979. – 689 с.
3. Антинескул О.Л. Гендер как параметр текстообразования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – теория языка / Антинескул Ольга Леонидовна. – Пермь, 2000. – 19 с.
4. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1991. – 140 с.
5. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – М.: Издательская группа URSS, 2016. – 448 с.
6. Арнольд И.В. Статус импликации в системе текста // Интерпретация художественного текста в языковом вузе (методика исследований): Межвузовский сборник научных трудов. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1983. – С. 3-14.
7. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – М: Флинта, 2010. – 384 с.
8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
9. Бабенкова Е.А., Буренина Н.В. Гендерный анализ дискурса законодательных текстов // Гендер: язык, культура, коммуникация: Сборник материалов III Международной конференции, Москва, 27-28 ноября 2006 г. – М.: РЕМА, 2006. – С.166-170.
10. Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: Монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина / Институт языкознания РАН, 2003. – 264 с.
11. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия РАН: Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56, №1. – С.1-21.

12. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1987. – Вып. VIII. – С. 402-421.
13. Белая Е.Н. Теория и практика межкультурной коммуникации: Учебное пособие. – М.: Форум, 2011. – 208 с.
14. Белова Т. М. Гендерная метафора как отражение культурного концепта «маскулинность» во французском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – теория языка / Белова Татьяна Мухорамовна. – Кемерово, 2007. – 270 с.
15. Беляева А.Ю. Особенности речевого поведения мужчин и женщин (на материале русской разговорной речи): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – русский язык / Беляева Анна Юрьевна. – Саратов, 2002. – 177 с.
16. Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: Монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – 214 с.
17. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – 123 с.
18. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 25-36.
19. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.
20. Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и языковые значения // Филология и культура: Материалы II Международной конференции, Тамбов, 12-14 мая 1999 г. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – Ч. 3. – С.62-69.
21. Болдырев Н.Н., Бабина Л.В. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // Филологические науки. – 2001. – № 4. – С. 79-86.
22. Бондарь О.А. Категория «недосказанность (understatement)» как способ выражения имплицитного смысла // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 3 (36). – С. 69-71.

23. Бондарь О.А., Новикова Л.В. Коммуникативные постулаты прагмалингвистики через призму категории «недосказанность (understatement)» // Вестник Нижневарттовского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 13-18.
24. Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: Арго, 1996. – С. 21-49.
25. Борисова Л.И. Метафора в научно-техническом переводе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 6. – С. 63-71.
26. Бородулина Н.Ю. Метафорическое моделирование как способ представления знаний в профессиональной коммуникации // Язык профессиональной коммуникации в условиях международного диалога. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2013. – С. 35-43.
27. Бородулина Н.Ю. Современный облик Европы в метафорическом отражении // Политическая лингвистика. – 2008. – № (3) 26. – С. 28-31.
28. Бородулина Н.Ю., Макеева М.Н. Метафоризация как способ концептуализации и категоризации субъектов мира экономики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 75-79.
29. Бородулина Н.Ю. Метафорические модели языковой репрезентации экономических понятий // Обработка текста и когнитивные технологии: Сборник докладов Международной конференции, Москва-Варна, 1-7 сентября 2003 г. – Варна, 2003. – № 8. – С. 49-61.
30. Будагов Р.А. Человек и его язык. – М.: Изд-во МГУ, 1974. – 264 с.
31. Будагов Р.А. Язык, история и современность. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 299 с.
32. Буренина Н.В. Гендерные стереотипы речевой коммуникации: результаты интервью в Кентербери (Великобритания) // Гендер: язык, культура, коммуникация: Доклады II Международной конференции, Москва, 22-23 ноября 2001 г. – М.: Изд-во МГЛУ, 2002. – С. 61-65.

33. Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т. Этноязыковое сознание: единство и противоречие // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 24. – С. 92-98.
34. Воробьева Н. Гендер // Филолог: Интернет-журнал. – 2004. – № 5. [Электронный ресурс]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_5_102 (дата обращения: 08.11.2014).
35. Воробьева С. Ю. Проблема «Женского стиля» в литературоведении (гендерный аспект) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – №4. – С. 87-91.
36. Воронина О.А. Гендер // Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. – М.: Информация XXI век, 2002. – С. 6-9.
37. Воронина О.А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под ред. О.А. Ворониной. – М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – С. 13-95.
38. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. Опыт систематизации выразительных средств. – М.: Либроком, 2012. – 376 с.
39. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка / English Stylistics. – М.: Либроком, 2013. – 336 с.
40. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с.
41. Голубева С.С. Лингвистическая маркированность гендера как социокультурной категории // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2009. – №25 (158). – С.4-10.
42. Гончаренко В.В., Шингарёва Е.А. Фреймы для распознавания смысла текста / Под ред. Р.Г. Пиотровского. – Кишинев: Штиинца, 1984. – 198 с.
43. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сборник научных трудов. – М.: Изд-во МГЛУ, 1999. – Вып. 446. – С. 44-60.

44. Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма // Методология современной психолингвистики / Под ред. В. А. Пищальниковой. – М. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2003. – С. 112-118.
45. Горошко Е.И., Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. – 1999. – № 2. – С. 67-78.
46. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.
47. Григорян А.А. К вопросу о гендерной маркированности английского языка // Женщина в российском обществе. – Иваново: Изд-во ИГУ, 2014. – № 1. – С. 81-85.
48. Григорян А.А. Об особенностях «третьей» волны феминистской лингвистики // Женщина в российском обществе. – Иваново: ИГУ, 2004. – № 2. – С. 30-33.
49. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: Дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Гриценко Елена Сергеевна. – Н. Новгород, 2005. – 405 с.
50. Гришаева Л.И. Индивидуальное использование языка и когнитивно-дискурсивный инвариант «Языковая личность» // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 1. – С. 16-22.
51. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учебное пособие. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 352 с.
52. Груздева Е.Ф. Фигура умолчания, ее типы и функции в языке русской прозы: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Груздева Елена Феликовна. – М., 1993. – 156 с.
53. Гусева А.Е., Кузнецова Ю.Г. Функционально-стилистическая и экспрессивно-стилистическая характеристики фразеологических единиц лексико-фразеологического поля «мыслительная деятельность» (на материале современного английского языка) // Вестник Московского государственного областного университета. – 2017. – № 1. – С. 8-15.

54. Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8: Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 259-336.
55. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Сост. В.В. Петров. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
56. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С.153-211.
57. Дежина Т.П. О некоторых особенностях речевого поведения мужчин и женщин. – Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 1 (8). – С. 68-71.
58. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука XX века. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 239-320.
59. Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 58-67.
60. Демьянков В.З. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 187-189.
61. Докучаева Л.П. Умолчание как намеренная недосказанность // Иностранные языки в процессе модернизации современного образовательного пространства: Материалы научно-практической конференции с международным участием, Благовещенск, 1 марта 2013 г. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. – С. 41-43.
62. Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 37-47.
63. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология: Учеб. пособие для факультетов журналистики и филологии ун-тов / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Высш. шк., 1980. – 224 с.

64. Ерилова С.Л. Метафоризация как способ смыслопостроения в политическом дискурсе: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Ерилова Светлана Леонидовна. – Тверь, 2003. – 177 с.
65. Ерохина Е. Г. К содержанию понятия «речевая стратегия» в исследовании письменного дискурса // Вестник ИГЛУ. – 2014. – № 2 (27). – С. 277-281.
66. Есперсен О. Философия грамматики / Пер. с англ. В. В. Пассека и С. П. Сафроновой – М.: УРСС, 2002. – 404 с.
67. Жалсанова Ж. Б. Гендер в психолингвистике // Язык и коммуникация в контексте культуры: Материалы V Международной научной конференции, Рязань, 27 мая 2010 г. – Рязань: Изд-во РГПУ им. С.А.Есенина, 2010. – С. 57-67.
68. Жеребкина И.А. Феминистская литературная критика // Введение в гендерные исследования / Под ред. И.А. Жеребкиной – СПб.: Алетейя, 2001. – Ч.1. – 708 с.
69. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации: Монография. – М.: Наука, 1982. – 160 с.
70. Жирова И.Г. От слова к значению слова и концепту // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1. – С. 111-115.
71. Зарецкая Е.Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 2002. – 381 с.
72. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
73. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Монография. – М.: Издательская группа URSS, 2008. – 288 с.
74. Йокояма О.Ц. Когнитивный статус гендерных различий в языке и их когнитивное моделирование // Wiener Slawistischer Almanach. – Munchen: BSB, 2002. – С. 29-40.

75. Кадышева К.В. Культурные особенности межнациональных бизнес-контактов // Менеджмент в России и за рубежом. – М.: Финпресс, 2006. – № 5. – С. 23.
76. Каменская О.Л. Гендергетика – междисциплинарная наука // Тезисы докладов II Международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», Москва, 22-23 ноября 2001 г. – М: МГЛУ, 2001. – С. 62-63.
77. Каменская О.Л. Текст и коммуникация: Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1990. – 151 с.
78. Карасик В.И. Язык социального статуса: Монография. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
79. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5-19.
80. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: Монография. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
81. Каркищенко Е.А. Гендерные стереотипы: дискурсные средства формирования и репрезентации в коммуникативном поведении подростков: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Каркищенко Елизавета Александровна. – М., 2013. – 272 с.
82. Кибрик А.Е. Когнитивные функции и их языковые корреляты // Лингвистика на исходе XX века: Тезисы международной конференции, Москва, 1-3 июня 1995 г. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – Т. 1. – С. 216-217.
83. Кибрик А.Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрика, А.С. Нариньяни. – М.: Наука, 1987. – С. 33-52.
84. Кирилина А.В. Гендерные исследования в отечественной лингвистике: проблемы, связанные с бурным развитием // Гендер: язык, культура, коммуникация: Доклады II Международной конференции, Москва, 22-23 ноября 2001 г. – М.: Изд-во МГЛУ, 2002. – С. 5-13.

85. Кирилина А.В. О применении понятия “гендер” в русскоязычном лингвистическом основании // Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 18-27.
86. Кирилина А.В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации // Кавказоведение. Caucasiology. – 2002. – № 2. – С.134-141.
87. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты: Монография. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 180 с.
88. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 7-33.
89. Кирилина А.В. Гендерные стереотипы в языке // Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. – М.: Информация XXI век, 2002. – С. 98-99.
90. Кирилина А.В. Лингвистические гендерные исследования как проявление смены эпистемы в гуманитарном знании // Армия и общество. – 2010. – № 4. – С. 110-114.
91. Кирина О.В. Гендер в литературе: дискурсивный аспект // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2015а. – №2 (56). – С. 125-131.
92. Кирина О.В. Когнитивное моделирование как метод познания в лингвистике // Вестник научных конференций. – Тамбов: Юком, 2016. – № 11-6 (15). – С. 93-96.
93. Кирина О.В. Недосказ как средство смыслопостроения художественного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015б. – № 1 (55) – С. 18-20.
94. Кирина О.В. Недосказ как стилистическое средство: определение, характеристики и функции // Наука и образование в XXI веке: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Тамбов, 31 октября 2014 г. – Тамбов: Юком, 2014. – С. 92-96.

95. Коатс Дж. Женщины, мужчины и язык / пер. с англ. // Гендер и язык. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 33-234.
96. Коваль О.А. Концепт «недосказанность» в английской и русской лингвокультуре: Дисс. канд. филол. наук: 10.02.20. – типологическое, историческое и сопоставительное языкознание / Коваль Ольга Александровна. – М., 2010. – 133 с.
97. Кожина М.Н. Об отношении стилистики к лингвистике текста // Функциональный стиль научной прозы. Проблемы лингвистики и методики преподавания. – М.: Наука, 1980. – С. 3-17.
98. Колодны А. Танцы на минном поле. Некоторые наблюдения относительно теории, практики и политики феминистского литературного критицизма // Гендерные исследования. – 1999. – № 2. – С. 145-170.
99. Коногорова А. В. Влияние культуры на формирование гендерных стереотипов // Восточное общество: проблемы стандартизации, тенденции и перспективы в образовательном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона: Материалы международной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 23-27 июня 2010 г. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. – С. 117-119.
100. Коногорова А. В. Концепт «женщина» в английской лингвокультуре // Вестник Бурятского государственного университета. – Выпуск 10: Филология. – 2010. – С. 126-129.
101. Коттхофф Х. Гендерные исследования в прикладной лингвистике / пер. с англ. // Гендер и язык. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 563-622.
102. Кошевая И.Г. Стилистика современного английского языка: Учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования. – М.: Изд. центр «Академия», 2011. – 148 с.
103. Кривоносов А.Г. Лингвистика текста и исследования взаимоотношения языка и мышления // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 23-37.

104. Кривонос А.Г. Мышление – без языка? Экономия языковой материи – закон процесса мышления // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 69-83.
105. Крюкова Н.Ф. Метафоризация и метафоричность как параметры рефлексивного действия при продукции и рецепции текста: Дисс. ... док. филол. наук: 10.02.19. – теория языка / Крюкова Наталия Федоровна. – Тверь, 2000. – 288 с.
106. Крюкова О.П. Использование фреймовой модели представления знаний как метода в лингвистических исследованиях // Вестник МГЛУ. – Вып. 572: Языкознание. – 2009. – С. 226-235.
107. Кубрякова Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С.82-140.
108. Кубрякова Е.С. О новых путях исследования значений (теория айсберга) // Проблемы семантического описания единиц языка и речи: Материалы докладов Международной научной конференции, Москва, 5-8 октября 1998 г. – М.: Изд-во МГПИИЯ, 1998. – Ч. I. – С. 38-39.
109. Кубрякова Е.С., Цурикова Л.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации: Учеб. пособие по специализации. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – Ч. 2. – С. 126-159.
110. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 141-238.
111. Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка: Пособие для студентов педагогических институтов. – Л.: Наука, 1960. – 175 с.
112. Кузьменко Е.Л. Вербальная характеристика личности: Дисс. ... док. филол. наук: 10.02.19. – теория языка / Кузьменко Евгения Львовна. – М., 2005. – 420 с.

113. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 7: Социолингвистика. – М.: Прогресс, 1975. – С. 96-181.
114. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Едиториал УРСС, 1990. – С. 387-415.
115. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12-51.
116. Левченко М.Н., Руденко Е.С. Лексическая репрезентация концепта «прекрасное» в немецкой галантной лирике // Вестник Московского государственного областного университета. – 2017. – № 3. – С. 97-107.
117. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
118. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1965. – 246 с.
119. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание, Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
120. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты): Монография. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1992. – 160 с.
121. Лурия А.Р. Язык и сознание / Под редакцией Е.Д. Хомской. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 320 с.
122. Макаров М.Л. Ролевые установки и понимание в групповом общении // Психолингвистические проблемы семантики. – Калинин: Изд-во КГУ, 1990. – С. 116-121.
123. Макаров М.Л. Социально-дейктическое измерение стиля // Языковое общение: Процессы и единицы. – Калинин: Изд-во КГУ, 1988. – С. 76-81.
124. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

125. Максименко О.И., Хлебутина В.Ю. Проявление эмотивности в спортивном дискурсе (на примере танцевальной терминологии) // Вестник РУДН. – Серия: Лингвистика. – 2015. – С. 105-111.
126. Мальцев В.А. Стилистика английского языка: Учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков. – Минск: Вышэйшая школа, 1984. – 117 с.
127. Масленникова Е.М. Фреймовое представление семантики текста // Лингвистический вестник. – Вып. 2. – Ижевск: УМО «Sancta lingua», 2000. – С. 114-124.
128. Матвеева Е.В. Каламбур, парадокс и умолчание как лингвистические средства репрезентации юмора в английском анекдоте // Наука и современность. – 2011. – № 13-3. – С. 35-37.
129. Ментешашвили М. Гендерные исследования в зарубежной лингвистике // Межкультурные коммуникации. – 2010. – № 13. – С. 36-43.
130. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
131. Мирианашвили М.Г. Задачи межкультурной коммуникации при обучении иностранным языкам // Лингвистика и межкультурная коммуникация: проблемы и перспективы. – М.: Изд-во МГОУ, 2004. – С. 34-39.
132. Назиров Р.Г. Фигура умолчания в русской литературе // Поэтика русской и зарубежной литературы: Сборник статей. – Уфа: Гилем, 1998. – С. 57-71.
133. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
134. Ольшанский И.Г. Гендерные исследования как одно из направлений социолингвистики // Проблемы социолингвистики и многоязычия / Под ред. А.-К.С. Баламамедова и В.А. Татарина. – М.: Московский лицей, 1997. – Вып.1. – С. 22-35.
135. Ощепкова В.В. Лингвокультурный концепт “tall poppy syndrome” в австралийской национальной картине мира // Актуальные проблемы лин-

- гвистики, переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным языкам (к юбилею Дж.Р.Р. Толкина): Сборник материалов Международной научной конференции, Москва, 20 апреля, 2017 г. – М.: Изд-во МГОУ, 2017. – С. 138-141.
136. Петров В.В., Герасимов В.И. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 5-11.
137. Пиз А. Язык взаимоотношений мужчина – женщина. – М.: Изд-во ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. – С. 132-133.
138. Пищулина О.Н. Использование гендерной парадигмы в современной социологической теории // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 1999. – С. 34-38.
139. Полатовская О.С. Фрейм-сценарий как тип концептов // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 4 (25). – С. 161-166.
140. Поляков В.Н. Когнитивное моделирование в лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 2/3. – С. 119-123.
141. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 191 с.
142. Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования и исторические науки // Гендерные исследования. – № 3. – 1999. – С. 166-186.
143. Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина, гендер, культура. – М.: МЦГИ, 1999. – С. 15-35.
144. Разливинская Н. А. Когнитивные аспекты фрейма-сценария «Вражда» в художественном тексте и кинотексте (на материале пьесы «Ромео и Джульетта» У. Шекспира и ее кинотекста Р. Кастеллани) // Вестник ИГЛУ. – 2013. – №2 (23). – С.207-212.

145. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. – М.: Высшая школа, 1990. – 381 с.
146. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. – М.: Наука, 2003. – 176 с.
147. Руденко Д.И. Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры // Вопросы языкознания. – 1992. – №6. – С. 19-35.
148. Рюткенен М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 6-11.
149. Рябов О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. – М.: Ладомир, 2001. – 202 с.
150. Самойлова А. Д. Дискурс: к проблеме определения понятия // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики: Сборник статей / Под ред. О. Л. Михалевой. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2005. – Вып. 3. – С. 150–163.
151. Свиридова Л.К. English Lexicology. Theoretical foundation of the subject. – Ed. 2 – М.: LENAND, 2015. – 88 p.
152. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. А.Е. Кибрика. – М.: Униерс, 1993. – 654 с.
153. Серебряников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира – М.: Наука, 1988. – 216 с.
154. Серова И.Г. Когнитивная матрица в терминосистеме языка описания гендера // Когнитивные исследования языка. – Вып. 5: Концептуализация мира в языке / Под ред. Е. С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 285-293.
155. Сиксу Э. Хохот Медузы // Введение в гендерные исследования. – СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. II. – С. 799-821.
156. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. – Горький: Министерство просвещения РСФСР, 1975. – 174 с.

157. Соловьева В.С. Актуализация как средство смыслообразования в художественном тексте: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – теория языка / Соловьёва Виталия Станиславовна. – Тверь, 2005. – 173 с.
158. Сорокина Э.А. Личность как субъект диалога культур // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик. Материалы Первой международной конференции, Москва, 14-16 апреля 2016 г. – М.: Языки народов мира, 2016. – С. 506-510.
159. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая сущность // Этнопсихолингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 5-18.
160. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
161. Стернин И.А. Коммуникативное поведение и межкультурная коммуникация // Русское и китайское коммуникативное поведение. – Воронеж: Истоки, 2002. – Вып. 1. – 76 с.
162. Стернин И.А. Концепты и невербальность мышления // Филология и культура: Материалы II Международной конференции, Тамбов, 12-14 апреля. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – Ч. 3. – С. 69-79.
163. Стурова Е.А., Ширяева Ж.Л. Аналитическое чтение. – Липецк: ЛЭГИ, 2002. – 127 с.
164. Сухих С.А. Речевые интеграции и стратегии // Языковое общение и его единицы: Межвузовский сборник научных трудов. – Калинин: Изд-во КГУ, 1986. – С. 71-77.
165. Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. – М.: Наука, 1987. – 168 с.
166. Телегин Л.А. Метафора и смежные явления стилистики // Ахмановские чтения: Сб. трудов каф. англ. языкознания. МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 73-76.
167. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 173-204.

168. Томская М.В. Рекламный дискурс в гендерном аспекте (аналитический обзор) // Вестник МГЛУ. – 2014. – № 17 (703). – С. 95-108.
169. Умерова М.В. Импликация в семантической структуре текста // Вопросы филологических наук. – 2010. – № 6. – С. 95-100.
170. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М.: Иностранная литература, 1960. – С. 135-168.
171. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.
172. Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – 236 с.
173. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) // Научно-техническая информация. – Сер. 2. – 1992. – № 3. – С. 1-8.
174. Халеева И.И. Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1999. – С. 5-9.
175. Цурикова Л.В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 98-108.
176. Чаковская М.С. Текст как сообщение и воздействие (на материале английского языка): Учебное пособие для студентов педагогических институтов. – М.: Высшая школа, 1986. – 128 с.
177. Чалкова Е.Г. Основы иноязычной личностно-ориентированной фразеосемантики: Дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.19. – теория языка / Чалкова Елизавета Григорьевна. – М., 1999. – 328 с.
178. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. – 1996. – №2. – С. 68-78.

179. Чернов Г.В. Имплицитность текста, смысловой вывод и перевод // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 278. – М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза, 1986. – С. 10-18.
180. Шаповалова В.Ю. Функции умолчания как специфического средства смыслообразования // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 3(24). – С. 83-88.
181. Шахнарович А.М., Голод В.И. Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности // Вопросы языкознания. – 1986. – № 2. – С. 52-56.
182. Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики (по материалам онтогенеза речи). – М.: Наука, 1990. – 168 с.
183. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). – Волгоград: Перемена, 1998. – 149 с.
184. Шевцова А.А. Метафоризация как средство смыслообразования в тексте литературной сказки: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – теория языка / Шевцова Анастасия Александровна. – Тверь, 2004. – 185 с.
185. Шенк Р., Абельсон Р. Сценарий, планы и знание // Труды IV Международной конференции по искусственному интеллекту, Тбилиси, 3-8 сентября 1975 г. – М.: АН СССР Научный Совет по комплексной проблеме «Кибернетика», 1975. – Т. 6. – С. 208-220.
186. Шенк Р. Обработка концептуальной информации / Пер. с англ. – М.: Энергия, 1980. – 360 с.
187. Altmann G. Cognitive models of speech processing: An introduction // Cognitive models of speech processing: Psycholinguistic and computational perspectives. – Cambridge: MIT, 1990. – P. 1-23.
188. Bower G.H., Black J.B., Turner T.J. Scripts in memory for texts // Cognitive Psychology. – London: Elsevier, 1979. – Vol. 11. – P. 177-220.
189. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. – London: Routledge, 1990. – 272 p.

190. Cixous H. *The Newly Born Woman*. – Manchester: Manchester University Press, 1987. – 168 p.
191. Collier M.J. A comparison of conversations among and between domestic culture groups: How intra- and intercultural competencies vary // *Communication Quarterly*. – Issue 2. – 1988. – Vol. 36. – P. 122-144.
192. Coupland J. *Dating Advertisements: Discourses of the Commodified Self* // *Discourse and Society*. – Issue 2. – 1996. – Vol. 7. – P. 187-207.
193. Dijk T.A. van. *Context models in discourse processing*. – New York: Academic Press, 1999. – P. 123-148.
194. Dijk T.A. van, Kintsch W. *Strategies of Discourse Comprehension*. – New York: Academic Press, 1983. – 418 p.
195. Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. – London: Cambridge University Press, 1994. – 238 p.
196. Fillmore Ch.J. An Alternative to Checklist Theories of Meaning // *Proceedings of Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. – Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1975. – Vol. 1. – P. 123-131.
197. Fillmore Ch.J. *Frame Semantics* // *Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL*. – Seoul: Hanshin Pub. Co., 1982. – P. 111-137.
198. Holmes J., King B.W. *Gender and Pragmatics* // *The Encyclopedia of Applied Linguistics* / Ed. C.A. Chapelle. – London: Oxford University Press, 2014. – P. 1-6.
199. Holmes J. *Women's Talk: The Question of Sociolinguistic Universals* // *Language and Gender: A Reader*. – London: Oxford University Press, 1998. – P. 461-483.
200. Irigaray L. *This Sex Which is Not One*. – New York: Cornell University Press, 1985. – 226 p.
201. Janssen-Jurreit M. *Sexism: the Male Monopoly on History and Thought*. – New York: Farrar Straus Giroux, 1983. – 292 p.

202. Kotthoff H. *New Perspectives on Gender Studies in Discourse Analysis // Гендер: язык, культура, коммуникация. Доклады Первой международной конференции, Москва, 25-26 ноября 1999 г.* – М.: МГЛУ, 2001. – С. 11-32.
203. Lakoff G.G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind.* – Chicago: The University of Chicago Press, 1990. – 632 p.
204. Lakoff R. *Conversational Strategy and Metastrategy in a Pragmatic Theory: the Example of Scenes from a Marriage // Gender and Discourse.* – New York: Routledge, 1994. – P. 137-173.
205. Langacker R.W. *Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar.* – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.
206. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar.* – Vol. 1. *Theoretical Prerequisites.* – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 628 p.
207. Lausberg H. *Handbook of Literary Rhetoric: A Foundation for Literary Study.* – London: Brill, 1998. – 921 p.
208. Leech G.N. *Principles of Pragmatics.* – London: Longman Group Limited, 1983. – 250 p.
209. Levinson S. *Pragmatics.* – London: Cambridge University Press, 1983. – 420 p.
210. Levinson S. *Presumptive meanings: The Theory of Generalized Conversational Implicature.* – Cambridge: MIT Press, 2000. – 186 p.
211. Livia A. “One Man in Two is a Woman”: *Linguistic Approaches to Gender in Literary Texts // The Handbook of Language and Gender.* – London: Oxford University Press, 2003. – P. 142-159.
212. Mauthner F. *Beiträge zu einer Kritik der Sprache.* – Bd. 2: *Zur Sprachwissenschaft.* – Frankfurt am Main: Ullstein, 1982. – 713 s.
213. Minsky M.A. *Framework for Representing Knowledge // Frame conceptions and text understanding / Ed. D. Metzging.* – New York: Gruyter, 1980. – 153 p.
214. Nordquist R. *Aposiopesis.* [Электронный ресурс]. URL: <http://grammar.about.com/od/ab/g/aposioterm.htm> (дата обращения: 31.10.2014).

215. Rosch E.H. Cognitive Representation of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology: General. – 1975. – Vol. 104. – P. 192-233.
216. Rosch E.H. Natural Categories // Cognitive Psychology. – 1973. – Vol. 4. – P. 326-350.
217. Rosch E.H. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. – New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27-48.
218. Schank R.C., Abelson, R.P. Scripts, Plans, Goals, and Understanding: An inquiry into human knowledge structures. – Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1977. – 236 p.
219. Sunderland J. Gender in the EFL Classroom // ELT Journal. – Issue 1. – 1992. – Vol. 46. – P. 81-91.
220. Sunderland J. Language and Gender: An Advanced Resource Book. – London: Routledge, 2006. – 359 p.
221. Swann J., Graddol D. Gender Inequalities in Classroom Talk // English in Education. – Issue 1. – 1988. – Vol. 22. – P. 48-65.
222. Thaler A. Shakespeare's Silences. – Harvard: Harvard University Press, 1999. – 292 p.
223. Ungerer F., Schmid H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. – London: Longman, 1996. – P. 114-155.
224. Unger R.K. Toward a Redefinition of Sex and Gender // American Psychologist. – 1979. – Vol. 34. – P. 1085-1094.
225. Woolf V. Dorothy Richardson and the Women's Sentence // The Feminist Critique of Language: A Reader. – London: Routledge, 1990. – P. 70-74.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
2. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под общ. ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М.: Флинта, 2011. – 836 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: Интелвак, 2001. – 1600 с.
4. Поэтический словарь / Квятковский А.П. – 3-е изд-е, испр. и доп. – М.: Изд-во РГГУ, 2013. – 584 с.
5. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация XXI век, 2002. – 256 с.
6. Словарь лингвистических терминов / Под ред. Т.В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
7. Словарь литературоведческих терминов / Сост. С.П. Белокурова. – СПб.: Паритет, 2007. – 320 с.
8. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Ефремова Т.Ф. – М.: Русский язык, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 27.10.2016).
9. Merriam-Webster Dictionary. – – Электронный толковый словарь английского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 18.04.2017).
10. Trésor de la Langue Française Informatisé. – Электронный толковый словарь французского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr> (дата обращения: 24.05.2017).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Галина М. Медведки. – М.: Эксмо, 2011. – 270 с.
2. Джойс Дж. Улисс / Пер. с англ В.А. Хинкиса и С.С. Хоружего. – М.: Эксмо, 2013. – 928 с.
3. Дмитриев А. Крестьянин и тинейджер. – М: Время., 2012. – 320 с.
4. Улицкая Л. Искренне Ваш Шурик. – М.: АСТ, 2016. – 448 с.
5. Шишкин М. Письмовник. – М.: Лабиринт, 2010. – 416 с.
6. Шекспир У. Король Лир / Пер. с англ. О.П. Сороки. – М.: Известия, 1990. – 187 с.
7. Ahern C. PS, I Love You. – New York: Gale, 2004. – 512 p.
8. Barnes J. The Sense of an Ending. – London: Random House, 2011. – 91 p.
9. Beigbeder F. Un roman français. – Paris: Grasset, 2009. – 256 p.
10. Enright A. The Gathering. – London: Jonathan Cape, 2007. – 272 p.
11. Friot B. Des-accords. – Toulouse: Éditions Milan, 2009. – 129 p.
12. Friot B. Histoires pressées. – Toulouse: Éditions Milan, 2007. – 108 p.
13. Gavalda A. Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part. – Paris: Le Dilettante, 1999. – 218 p.
14. Joyce J. Dubliners. – Richmond: Alma Books, 2012. – 203 p.
15. Joyce J. Ulysses. – London: Routledge, 1985. – 720 p.
16. Lessing D. Ben, in the World. – New York: Harper Collins, 2000. – 70 p.
17. Mansfield K. Bliss, and Other Stories – London: Penguin Books, 2001. – 286 p.
18. Martin-Lugand A. Les gens heureux lisent et boivent du café. – Paris: Michel Lafon, 2012. – 95 p.
19. McEwan I. Atonement. – London: Routledge, 1999. – 92 p.
20. Piercy M. Woman on the Edge of Time. – New York: Ballantine Books, 1976. – 208 p.
21. Shakespeare W. King Lear. – London: Litera Classics, 2014. – 112 p.

22. Twain M. The adventures of Tom Sawyer – London: Penguin Books, 1994. –
353 p.